

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников
начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

11/2022

Содержание

ПРОЗА

- Александра ВОЛОЧАН. Наша Дашенька.** Повесть. 3
Олег САФОНОВ. Мяч. Рассказ. 103
Андрей БЕЛОЗЕРОВ. В контровом свете. Рассказы. 126

ПОЭЗИЯ

- Дмитрий ЛЕГЕЗА. «Поэт набил себе тату...»** Стихи. 100
Тихон СИНИЦЫН. Счастливый попутчик. Стихи. 122
Николай ФЕДОСЕЕВ. «Запах хлеба, листвы и травы». Стихи. 132

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Элинор ПЭЙТ. Заповедная бабушка.** 138
**Андрей РУДАЛЕВ. Современная Россия:
от времени распада к эпохе эпоса.** 149
**Анастасия РОГОВА. Шаманы, русалки и постапокалипсис:
новые российские сериалы — 2022.** 153

Народные мемуары

- Сергей САФРОНОВ. Под «блоговидным» предлогом.** 157

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Кристиан БЭД. Порталы в литературу,
или Куда п(р)одаться автору.** 174
**Александр ЕВСЮКОВ. Романист — исследователь фольклора.
К 95-летию Дмитрия Балашова.** 182
Василий ШИРЯЕВ. Восемь ударов Топорова. 187

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

- Александр Песоцкий: «Мой идеал — человек-творец».**
Интервью с художником. 189

- Авторы номера** 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Александра ВОЛОЧАН

НАША ДАШЕНЬКА

П о в е с т ь

Я солгал жене, что задерживаюсь на деловом ужине, и поехал к Марьяне. Ложь далась легко. А вот пять месяцев назад мое первое «задержусь» звучало фальшиво. Я вернулся в ту ночь домой, радуясь, что Ира спит и смотреть ей в глаза не придется. Утром жена проснулась бодрая, будто втайне выпила литр кофе. Ничего она не заметила! Тогда подумал: может, и не такая она проницательная, как мне всегда казалось?

Зашел в цветочный магазин. Лавка рядом с офисом — не повезло ли? И букеты красивые, и флористка мне строит глазки. В рабочие дни покупаю для Марьяши, в пятницу — для жены. Марьяне даришь веник роз — она довольна. А жене не угодишь. Она с претензией! Моя Ира любит расхаживать по всяким там выставкам и считает живописью даже непонятную мазню. В гостиной висит что-то модное. Я вижу красно-серые полоски, жена утверждает, что это «новая “Герника”». Знать бы еще, что это за зверь. Когда только познакомились, Ира планировала стать великой художницей. Я совсем не разбирался, хорошо ли она рисует, но верил, что отлично. Конечно, никакой художницы, тем более великой, из моей Иры не вышло. Зато вышла жена.

— Выберите оберточную бумагу? — улыбается симпатичная флористка.

Задница у нее великовата, но личико очень милое, и платье красиво подчеркивает аккуратные сисечки.

— Доверяю твоему вкусу.

— Вашей жене повезло.

Ира не считает, что ей повезло. Хотя даже ее подруги говорят, я с возрастом похорошел. Бросил курить, слежу за питанием, хожу в зал. Видимо, я ничего так, если даже молоденькие девочки вроде этой флористки строят глазки. Вот в юности переживал, что ростом ниже друзей, и дрался, лишь бы слабаком не считали. После армии начали выпадать волосы, но Иру проплешины не смущали. Приучила меня выбирать качественные вещи. Теперь что ни наденешь, все сочетается, комфортно в носке и выглядит респектабельно. Еще Ира часто дарит мне туалетную воду. Не пойму, зачем пахнуть чем-то, кроме чистого тела, но раз ей нечего больше дарить...

Машину Марьяны увидел издалека. Так отвратительно никто не паркуется! Белая «хонда» утром всем будет мешать. Еще на тест-драйве заметил, что права Марьяне дали за красивые глаза. Но машину все равно купил.

Ночи стали совсем холодными. В выходные передавали дожди. Скоро будем жить под зонтами. У нас в офисе уже закупили пару кило кофе, ведь утро — как вечер: темное и уставшее.

На втором этаже, в квартире Марьяны, светятся окна. Сейчас увижу сладкую девочку!

В одном окошке свет совсем бледный, с розоватым отливом. Это Дашенька включила ночник. Марьяна купила дочке светильник с принцессами, знает их всех по именам. Интересно, если бы у меня была дочь, я бы тоже различал?

Окно приоткрылось. Высунулась маленькая голова с крендельками кудряшек, точь-в-точь как у Марьяны. Помахал. Маленькая ручка махнула в ответ и спряталась. Надо будет предупредить Марьяну, чтоб не разрешала Даше открывать окна. Этаж второй, но это же ребенок, мало ли!

Недавно Марьяша сказала:

— Хочешь, я тобі народжу?¹

Мы лежали голыми, я резко подскочил. Ушел в душ. Убежал. Стоял под горячим потоком, чтобы вода смыла разом и страх, и желание. В груди горело. Я очень хотел! И боялся даже думать. Когда ты в долгом браке, измену можно понять. Ее даже можно простить. Но вот такое... Если Марьяна забеременеет — уйду к ней. Не может же ребенок жить без отца! Я сам рос единственным мужчиной в семье. Стал взрослым уже к десяти: я должен был заботиться о маме и сестре. Своего бы никогда не бросил.

Рубашка липла к коже, влажной после душа. Марьяна бережно застегнула мне пуговицы, напевая незнакомую песенку на украинском. У нее звучный и глубокий голос, удивительный музыкальный слух. Как ни странно, в Киев она приехала становиться не певицей, а визажистом. Хотя сама почти не красится. Да ей и ни к чему. Люблю таких вот натуральных, свежих девочек.

В коридоре раздался топот десятка маленьких слоников. Марьяша вышла из комнаты, и я услышал залиvistый детский смех.

— Мамо-о! — весело повизгивала Дашенька.

Невольно улыбнулся. Они такие милые, когда резвятся. Моему ребенку, думаю, Марьяна тоже была бы отличной мамой. Хотя зачем я об этом думаю? У меня жена, которую бросать не планирую, поэтому детей больше не будет никогда.

Глянул на время. Ира в вайбере попросила купить корм для рыбок. И смайл с поцелуем прилепила. Она шутит? Такой крюк придется делать! Еле подавил приступ раздражения. Сама днем не могла купить?!

¹ Хочешь, я тебе рожу? (укр.)

Перед уходом перепарковал «хонду» Марьяны. Объяснил в сотый раз, как нужно ставить машину, пригрозил отобрать. Подкрутил кран на кухне. Хотя без инструментов чем помогу? Дал телефон мастера, сказал позвонить завтра же. Сомневаюсь, что Марьяна решит вопрос. Сколько раз такое было. Пока не брал дело в свои руки, ничего не происходило. Молодые красивые женщины весьма инфантильны в быту. Удивительно, как некоторые умудряются дожить до старости без мужей. Моя мама такая же. Отец ушел, она сидела над счетами за квартиру и редела. И не только потому, что не было денег, — мама не умела квитанции заполнять. Пришлось за нее отнимать от текущих показателей предыдущие. Недавно я побеждал на всех математических олимпиадах.

Что поделаешь... Женщины — для любви. О них заботиться надо. Для мамы, для жены и сестры я делал и продолжаю делать все — ценой сна и седых волос. Благодарности от своих женщин не жду. Но она бы не помешала.

Поцеловал Марьяшу на прощанье, Дашеньке помахал рукой, на тумбе в прихожей оставил перевязанные резинкой купюры на бытовые нужды. Хватит девчонкам и на новые платица.

Сделал адски большой крюк, чтобы купить корм рыбкам, которых искренне ненавижу. Домой не хотелось.

Мы с Марьяной познакомились летом. Циклон накрыл город невыжатым полотенцем, по обочинам дорог бежали ручьи. Я в тот день припарковался на Хмельницкого. Вышел из авто и заметил красное пятно платья. Вниз по улице с громким заливистым смехом мчалась девушка. Ей пришлось задрать юбку, чтобы бежать быстрее. Ножки белели рельефные — не оторваться.

— Девушка, вас подвезти? Промокнете!

— Черевик дожени!²

Только тогда я заметил, что бежит она по асфальту босая, а в руке держит белую туфельку.

— Оно! Оно!³

Дождевой ручей около тротуара уносил туфельку вниз, в сторону Крещатика. Она ускользала, как бумажный кораблик. Я побежал следом. Прыгнул в лужу, испортив свои замшевые «Лоро Пиана», зато выловил туфельку за белый бант. Встал на одно колено и надел на нежную девичью ступню. Рука незнакомки задержалась на моем плече, наши взгляды встретились. Я понял, что, не добившись номера телефона, не отпущу.

До Марьяны я изменял Ире всего раз. Да и то был пьян и девочка не особо нравилась, так что не считается. Кто переживал позорное утро после корпоратива — поймет. Было время, общался на сайте знакомств, фотками интимными обменивались. Пару раз выпил с напомаженными девицами кофе, но до постели не дошло. Продажные женщины вызывали брезгливость, непрофессионалки требовали слишком много внимания. Ну их всех!

² Туфельку догони! (укр.)

³ Вон! Вон! (укр.)

Год назад стал хуже спать. Сердце ныло, подскакивало то и дело давление, появилась одышка на тренировках. К врачам я не ходил: не люблю гадов. Хандра одолела. Взгляд не мог зацепиться ни за что вокруг. Жизнь выщелела. Да и меня самого будто окунули в отбеливатель. Носился со своей тоской, как с больным ребенком, разрываясь между тяжестью привязанности и стремлением к свободе.

Марьяна спасла мой брак. Я встретил ее — и на мою жизнь вылилась пара банок краски. Сплю отлично! Чувствую себя помолодевшим!

А любовь... Давайте откровенно. Я верил в священное единство, когда женился. Но в браке я почти двадцать лет. Достаточно пережил, чтобы признать: любви нет. Есть два чувства: страсть и благодарность. Причем чаще всего испытываешь их к разным людям.

Дома меня ждал накрытый стеклянной крышкой ужин. Куриные крылышки с золотистой корочкой выглядели так аппетитно, что я не удержался и подхватил одно двумя пальцами. Но вкус потерялся в ватном ощущении, что я этого не заслужил. Положил обратно, накрыл крышкой и спрятал в холодильник. Нашел за упаковкой макарон записку — любимый «сникерс». В молодости только ими питался, ни грамма не набирал. В свои почти сорок приходится следить за фигурой: каждая лишняя калория идет не в бицепс, а в складку на животе. Страсть к «сникерсам» осталась, но стараюсь ограничивать себя. Прячу. Не покупаю. Покупаю и прячу. Нахожу... Одним словом, не удается затея. А надо бы есть только домашнюю еду.

Только вот Ирка почти перестала готовить. Говорит, зачем, если я все равно не бываю дома. Что наша домработница Наталочка накуховарит, то и едим. Она девушка милая, но мне ее стряпня не по вкусу.

Открыл ящик под аквариумом, чтобы поставить корм, и удивленно замер. На белой полке уже стояла точно такая же, как в моих руках, банка!

Послышались торопливые шаги. Ира куталась в плюшевый халат и щурилась от света.

— Привет... — пробурчала сонно, убирая с лица светлые пряди.

— Это шутка?!

Я запустил банкой корма в стену. Оставив на гобеленовых обоях заметную вмятину, она с грохотом шмякнулась на паркет и откатилась в угол.

— Псих!

— Псих?! Знаешь, куда я в час ночи за кормом ездил?!

— Зачем?

— Ты попросила!

— Зоомагазин напротив твоего офиса. Я же еще днем просила.

— Не догадалась, что я сильно занят?!

— Догадалась. Съездила сама. Ладно, пойду. Холодно... — Ира для наглядности передернула плечами. — И, — она махнула в сторону консервной банки на полу, — не порти ремонт.

Я чуть не завопил ей в спину: «Мой ремонт! Хочу и порчу!» — но сдержался. Лучше бы именно она наорала. Лучше бы чашкой в меня запустила! (Марьяна разок запустила — еле увернулся.) Но Ира лишь дежурно улыбнулась. Выставила идиотом и ушла.

В темной спальне прохладно: почувствовал, когда скинул халат. Ира открыла окно и не закрыла шторы. По потолку скакали взбесившиеся тени. Жена отвернулась и накрылась одеялом. Вся закуталась — спряталась. Только ушко торчит. Раньше я нырял к ней в постель, распутывал ее, нащупывал голое тело, но сейчас одеяло — настоящая ледяная стена между нами.

Ира повернулась ко мне с открытыми глазами. Я аж вздрогнул!

— Ира, прости, что...

— И ты прости. Глупо с этим кормом. Что-то стряслось? На работе?..

— Нет.

— Тебе нужно больше отдыхать.

Жена смотрела мне прямо в глаза, из-под одеяла показалось ее хрупкое плечико. Машинально погладил. Ира дернулась и скривилась. Тут же взяла себя в руки и заулыбалась, но улыбка казалась фальшивой. Она не просто больше меня не хотела, я стал ей противен.

Само ее присутствие рядом уже раздражало. За окном шумели машины, и свет от фар на потолке мешал. Я подошел к окну.

— Не закрывай. Душно, — сонно пробормотала Ира.

Назло ей закрыл окно и задвинул шторы.

Лег в кабинете. Такое чувство, что моя собственная жена выживает меня из спальни. На той кровати я любил ее столько раз... А теперь уже забываю, как выглядят ее сиськи!

Я столько трудился, чтоб у нас все было! Купил квартиру, в которой мне теперь неуютно. Снимаю жилье для Марьяны, но там я только гость. Я везде лишний! Интересно, каково быть красивой женщиной? Ирой или Марьяной? Ведь вся их задача — быть просто женой и просто любовницей. Все! Почему, несмотря на мой бизнес, который обеспечил Ире безбедную жизнь, на мой пресс, на цветы по выходным, она так холодна? Черт знает, кем я должен быть и что еще я должен сделать, чтобы мою собственную жену не передергивало от моего прикосновения!

Утром Ира разбудила стуком в дверь. Спросила:

— Завтракать будешь?

Я сделал вид, будто не заметил, что она чем-то желтым помазала под глазами. Ира очень старается выглядеть хорошо. Ее «молодость» обходится в целое состояние. Замечаю, что до сих пор многие мужчины обращают на нее внимание. Да-да, я все это уважаю, ценю, но вижу, что время ее меняет. Кожа на руках истончается, плывет когда-то безупречный овал лица, и, сколько бы массажей она ни делала, целлюлит все равно есть! Возраст, возраст... Другое дело, что меня ее морщинки не напрягают. Замечаю их именно потому, что она старательно их прячет. А мне зачем, чтобы жена выглядела на двадцать пять? Для этого есть любовница.

Убил бы того, кто придумал моногамию! Все мужики планеты в уни- зительном положении вечных лгунов и предателей. Навязанное правило, что семья должна быть одна, а любить одну и ту же женщину всю жизнь — норма, превратило людей в конченных невротиков. Ира ведь тоже со мной несчастлива. Но если уйду, козлом в глазах общества буду только я!

Вот даже не завтракает со мной! Извинилась, вышла с телефоном и кофе на балкон. Якобы ей в «Фейсбуке» срочное сообщают. Что ей могут писать? Маникюр переносят?

На журнальном столике — ее открытый блокнот. В еженедельни- ке напротив сегодняшней даты список дел: «10.00 — бассейн. 11.15 — йога. 18.30 — кофе с Людой».

Я невольно улыбнулся такому «плотному» расписанию.

— Тебе нужно что-то записать? — спросила таким тоном, будто про- веряю ее телефон.

— Просто глянул. — Отложил блокнот. — Сто лет не был в бассейне.

— Сходи. У нас одинаковый абонемент.

— Я и в зал еле вырываюсь. У меня же не такой... безразмерный день.

Ирин лоб весь пошел морщинами, она показалась совсем старой.

— Я не все дела записываю. У меня еще много всего!

— Почитать книгу? За новой сумкой съездить?

— Что ты ко всему придираешься!

— Я? Просто сказал.

— Просто молчи!

— Ладно. Пока!

Заеду в «Мак». Все лучше, чем ссориться с самого утра. Ира все равно так повернет, что я останусь виноватым.

— Я поехал.

— Тебе же к двенадцати.

— Ты не все дела записываешь, я — не обо всех говорю.

Карамельно-банановый кофе из «МакКафе» для вкусовых рецепто- ров — сахарный взрыв, но на языке остался только неприятный привкус прокисшего молока. И дело тут вовсе не в напитке. У меня такая особен- ность — воспринимать вкус в зависимости от настроения. Иногда сложно понять свои чувства. Вроде все как обычно — ровно, а приходишь в от- личный ресторан — и телятина на вкус такая, будто неделю пролежала на солнце. Значит, хреново у меня на душе. Или наоборот: случилось нам с Ирой заезжать в сомнительные придорожные кафешки — и я съедал по несколько порций обычной вареной картошки, которая по вкусу оказыва- лась лучше фуа-гра.

В последнее время я почти не ем дома. Ира знает: раз я потерял ин- терес к ее пасте или мясному хлебу, значит, дела у нас совсем плохи. И что моя жена делает? Правильно! Перестает готовить. Ей пофиг!

Напишу-ка я Марьяше. Она, может, и хуже готовит, но у нее при- пасены удовольствия куда более сладкие, чем любые конфеты.

Марьяна на мое «Доброе утро, кисулечка. Как твоя маленькая розовая дырочка?» ответила, что тоскует без своего сладкого котика. Приятное тепло разлилось по телу. В памяти всплыли тоненькие кружевные трусики и как черная полосочка ткани врезалась между аккуратных губок моей девочки...

Позвонила Ира. Напомнила, что я обещал подвезти ее подругу и соратницу по волонтерской работе.

Ответил:

— Конечно, солнышко.

Когда-то Ира действительно была моим светилом, прекрасной путеводной звездочкой, без которой я не мог дышать. Теперь жена — что зимнее солнце за облаками: толком не греет, не светит, но блеклым мерцанием преследует и не дает забыть о своем существовании.

В моем возрасте приходится признать, что нельзя получить все и остаться чистеньким. Даже ради иллюзии гармонии приходится делать вещи, которые тебе юному когда-то казались верхом цинизма и подлости. Человек слаб. Ему нужно слишком много даже для призрачного счастья.

Подруга жены будит во мне рыцарские чувства. Журчащий голосок нежно ласкает ухо, мягкие черты радуют глаз. В школе ученики наверняка зовут ее Татьяна Дмитриевна, но у меня не выходит обращаться к этой очаровательной женщине иначе как Танечка. Ее не назовешь красивой в современном понимании этого слова, когда каждая — недоделанная Джоли со свистком вместо губ и пчелиной аллергией на скулах. Плавностью и тонкостью линий ее маленькое лицо напоминает фотографии красавиц прошлого. Танечка не юна, но детскости, смешливости и кротости в ней достаточно для того, чтобы казаться олицетворением женственности.

Ира тоже о подруге высокого мнения. Они уже не первый год состоят в одной благотворительной организации. Сироты, солдаты АТО и пациенты психушек — всем жена пытается помочь. Когда-то я восторгался широтой ее сердца, сейчас же понимаю: Ире скучно. Выбивая господдержку для очередной бестолковой программы или фестиваля, она ощущает свою полезность. Легко быть щедрым за чужой счет! Ира всем и вся готова раздавать деньги, ради которых я трудился без выходных. Ира всем и вся готова уделять время. Кроме собственного мужа.

Просторная квартира на Пушкинской принадлежала бывшему супругу Танечки. Он, насколько мне известно, был значительно старше своей жены и обеспеченней. Правда, пил. Детей у них не было. Уходила Танечка в никуда, но супруг проявил благородство: оставил в благодарность за совместно прожитые годы квартиру.

Нынешний муж был младше Танечки на пару лет, служил в армии по контракту и не имел за душой ничего, кроме огромной любви. Так мне с восхищением заявила Ира, познакомившись с новой половинкой подруги. Ее покорила увлеченность солдата молодой женой, а меня — то, что и в наше время существуют женщины, которые не ведутся на бабло.

Я загрузил ящики с провизией в багажник. В старинном доме не было лифта, поэтому без мужских рук Танечка не справилась бы. Ее муж

должен был подъехать вечером и помочь с остальным. Наши женщины бесплатно пекли в ларьке блины и кормили пенсионеров в Шевченковском парке.

Танечка благодарила меня так, словно я спас её жизнь. Предлагала домашнее варенье из роз и любую ответную услугу. Я отказался:

— Это ведь для общего блага. Вы с Ирой большие молодцы. Не забудьте шарф, на улице зябко.

Ира должна была встречать нас со стороны Красного корпуса. Припарковаться было негде, я наворачивал круг за кругом. Ира торопила в трубку, как будто пробки — моя оплошность. В итоге — где она ждала? Правильно — в заднице! Со стороны музея!

Конечно, я сорвался. Ира утверждала, что мы там и договорились встретиться. Но правда прозаичней: жена в последнее время совсем меня не слышит. Или делает назло? Она ведь не дура, почему же тупит?!

Высказал я лишь часть претензий. Танечка прятала глаза от неловкости, не хотелось при ней устраивать разборки.

Днем в офисе не давала покоя мысль, что наорал зря. Не удержался и съел целых три «сникерса» подряд. Приехал после работы (хотя жена не просила), чтобы помочь перевезти остатки еды и закрыть ларек. Пакеты молока уже грузил крепкий бритый парень. Пожали руки, вдвоем справились быстрее. Выглядел супруг Танечки ничуть не младше ее, скорее даже наоборот. Все-таки жизнь в казарме и под снарядами накладывает отпечаток. Был парень суров, немногословен, сдержан и как-то особенно некрасив, хотя Ира охарактеризовала его как «очень привлекательного». Неудивительно. Он напоминал молодого меня, чем сразу расположил к себе.

Молодожены пригласили нас в кафе на кальян. Мы с женой давненько никуда не выбирались: напряженное молчание вдвоем за столиком утомляло. Общих друзей у нас почти не осталось, как и общих тем. Когда-то мы с Ирой не вылезали из гостей и кафешек, хотя и денег, и времени было впритык. Я-то и сейчас был бы не прочь делить скучные уик-энды с веселыми друзьями. Но, когда ты немолод, прочно женат и без детей, в гости зовут редко. Старые приятели в заботах, нарожали и растут — по аттракционам и кружкам все выходные. Новых — попробуй заведи! Знакомства отбирают энергию, которой с возрастом все меньше. Да уже и видишь людей насквозь. Все вокруг предсказуемо: пусты, эгоцентричны, неискренни, хвастливы или, наоборот, любят жаловаться — одним словом, скучны до зевоты.

Молодожены не разнимали рук, друг на друга смотрели с лихорадочным блеском страсти в глазах. Казалось, они минуты считали, чтобы остаться наедине. Наверняка займутся сексом прямо в машине.

— Мы с Ирой год организовывали! Я уже и не верила, что аукцион состоится. Не представляете, как сложно было договориться о таком шикарном помещении. А сколько палок в колеса вставляли эти вредные коммунальные службы! То доков не хватало, то уже все собрали, а срок

действия истек... — Танечка вдохновенно рассказывала о грядущем благотворительном бале в польском посольстве.

На праздничный аукцион в пользу онкобольных детей должны были заявиться политики, звезды эстрады и какие-то блогеры. Во всей этой благотворительной мишуре я не разбирался, хотя Ира прожужжала мне все уши. Но жену слушать было скучно, а вот Танечка сумела рассказать о мероприятии так, что стало ясно: оно не рядовое. Ведь деньги пойдут на спасение детских жизней! Молодой муж глядел на Танечку так, будто она прикосновением могла воскрешать из мертвых.

— А Ира каким-то чудом выбила нам праздничные даты... — нахваливала подруга мою жену.

Та растягивала губы в королевской улыбке, а меня так и подмывало сказать, что на самом деле это не ее заслуга. Но не хотелось ставить Иру в неудобное положение.

— Мне очень помогла одна моя знакомая...

— Наша, — поправил я Иру. — Жена моего друга. Я его попросил помочь, а он — жену.

— И вы поучаствовали? — Танечка засияла. — Спасибо!

Говорили об ипотеке, на которую у «атошников» льготы, и о том, что Танечкин муж решил не продлевать контракт с государством и уйти в частный охранный бизнес.

— Как ты не боишься за него? — изумилась Ира.

— Еще как боюсь! Каждый миг! Но это его работа. Знала, за кого иду.

Ни маленькая зарплата, ни ротация — ничто не смущало влюбленную подругу. Интересно, что она запоет лет через пять? Особенно если зарплата ее мужа останется такой же маленькой, а риск для жизни — таким же высоким.

В машине Ира слишком уж восхищалась молодым солдатом. Я не ревновал (ему-то моя жена была ни к чему), а раздражался.

— Отслужил родине, теперь в бизнес уходит. Прямо как я.

— Сравнил! Он в боях контужен. Это тебе не картошку чистить.

— С чего ты взяла, что я только картошку чистил?

— Может, не только. Но ты же не был на войне.

— А должен был? Афганцам скажи! Извини, что цел и не контужен! АТО тоже не пойми что за война, знаешь ли. Спорный момент!

— Ладно... Давай не касаться политики. Приятная пара.

— Согласен.

— Заметно, как безумно он влюблен?

— Нищий солдат в девушку с квартирой в центре столицы? С чего бы это?

— При чем тут квартира! Он ее много лет добивался.

— Так она к нему от мужа свалила?

— Что ты все опощляешь? Забыл, что такое искренние чувства?

— Знаешь, забыл!

— Печально!

Остаток пути мы ехали молча. Дождь заливал лобовое стекло. Дворники поскрипывали в такт сердцу.

Забыл... Но так хочу вспомнить! Вдохнуть полной грудью. Жить начать!

Доехали до дому, разошлись по разным комнатам.

— Алло, Марьяша, детка?

Тосты Ира пережарила, кофе пересластила, только варенье из роз, которое передала Танечка, спасло отвратительный завтрак.

Я почти убедился, что дальше так нельзя. Жизнь с Ирой отравляет меня невидимым, но смертоносным ядом. Я разлагаюсь, будучи не таким уж и древним.

«Доброе утро, сладкая дырочка!» — написал.

Марьяна не ответила. Какие женщины неблагодарные! Ты делаешь для них все и в ответ хочешь лишь немного нежности и понимания. А что получаешь?

Марьяна не отвечала, на работе тоже случалась накладка за накладкой. Я психовал и срывался на всех подряд. Мне передали, что новенькая девочка офис-менеджер даже плакала после моего эмоционального выпада в ее сторону. Не засну, если не выскажу Марьяне все, что думаю о ее поведении!

Ее телефон весь день был отключен. Снова на зарядку не поставила? Иногда мне хотелось ей няньку нанять. Ее задача — быть на связи. Все! Больше я ничего у нее не прошу!

Еле досидел до конца рабочего дня, поехал к Марьяне. На этот раз без цветов, зато с ворохом претензий.

Месяц назад застал ее с парнишей, каким-то актеришкой с голливудской лыбой и холеной рожей. Хотел было разукрасить — Марьяша вступилась. Как только пижон ушел, я ее хорошенько отгаскал за волосы. Не нужны мне рога! Она разобиделась, сказала, что я, сумасшедший ревнивец, зря наехал: мол, этот пижон — младший брат ее подруги, приходил посидеть с Дашенькой. Да и подруга позвонила, сказала, чтоб я утомился, брат ее на Марьяну видов не имеет и вообще скоро женится. Неловко вышло...

Марьяна вещи собрала. Как быть? Не планировал, конечно, так быстро делать ей настолько дорогие подарки, но тут все сошлось. Выгорела отличная сделка, да и загладить вину хотелось. Вернулся из салона с ключами от машины, Марьяша и растаяла! Впервые задумался, что опасно ее надолго оставлять одну. Моя Марьяна — такая конфетка, что каждому хочется попробовать. Что, если уведут? Хотя я для Марьяши хороший вариант. Не каждый готов вложиться в женщину, а я — человек слова.

Во всех окнах Марьяниной квартиры горел свет, хотя еще только смеркалось. Звонил в дверь минут пять, но никто не открыл. Это уже ни в какие ворота! Со злости лупанул по дверям кулаком и расшиб о косяк костяшки. Ну вот, опять заставляет ревновать! Доберусь до нее и... женьюсь!

Сбежал в машину за своим ключом. Воображение уже рисовало Марьяну в объятиях молодого качка. А что, если она не открывает, потому что с ним? Дрожащей от гнева рукой отворил дверь.

— Марьяша! — закричал с порога.

Прошел по коридору, не разувшись, и резко распахнул дверь спальни. Кровать была расстелена, но пуста.

Марьяны не оказалось ни на кухне, ни в ванной, ни в гостиной. Она ушла? Сбежала с другим?! В ярости отодвинул стеклянную створку гардероба. Пестрые платья висели на вешалках, а многочисленные пары обуви валялись на полу. Не могла же она уйти без вещей...

Ой, точно, она спит в детской!

Розовое покрывало с кровати сползло на пол. Окно открыто настежь, в комнате — дубарь. Марьяны и тут не было!

Услышал слабый всхлип. Кое-кто свернулся комочком под детским столиком с принцессами, обхватив маленькими ручками коленки. Глаза казались бездонными, пугающе красными.

— Дашенька? — На миг я потерял дар речи. — Иди сюда!

Опустился на колени и поманил жестом.

Нехотя малышка вылезла. В пижаме с надписью «Princess».

— Где мамочка?

Мой вопрос заставил Дашу закрыть руками лицо.

— Я ищу маму, Дашенька. Она ушла куда-то?

Даша закивала, не убирая рук.

— Давно? Куда?

Даша заскулила.

Внутри все похолодело.

— Ушла и не вернулась?

Марьяна уехала на машине и не вернулась. Не вернулась!

— Мы найдем маму, — сказал я уверенно.

Это недоразумение. Что-то случилось с машиной, Марьяна осталась без денег, телефон разрядился... Сколько всего глупого в жизни случается!

Даша вся посинела — видимо, от плача и холода. Я закрыл окно, накинул на плечи девочки покрывало, за ручку вывел в зал и включил мультики. На стеклянном журнальном столике валялись пустые коробочки от йогуртов, а на полу был выложен рисунок из конфетных фантиков. Я понял, что Даша ела только то, до чего смогла дотянуться.

— Даша, за тобой иногда женщина присматривала. Как ее найти?

Даша повертела головой. Блин! У меня тоже никаких контактов няни. Этим только Марьяна занималась. Может, в агентство позвонить? Предложить любые деньги? Пусть с малой посидят, пока я ищу Марьяну. Или к соседям... Куда же Дашу деть?

— А парень с тобой такой сидел, помнишь? С сережкой в ухе.

Даша не знала его номера.

Я опустился на уровень ее огромных глаз и очень серьезно сказал:

— Даша, я поехал искать маму. И буду звонить, звать кого-то, чтобы присмотрели за тобой. Ты сможешь еще побыть одна? Не будешь бояться?

Ее личико сморщилось, глаза тут же наполнились слезами, но она втянула нижнюю губку и кивнула.

— Не буду, — вздохнула обреченно.

И мне стало ее так жаль! Я, когда был ребенком, знал, что о папе плакать нельзя. Мама ревела, сестра хныкала, а я старался быть мужчиной. Когда никто не видел, я залезал на подоконник и пытался разглядеть его в каждом прохожем. Но когда меня спрашивали: «Ты скучаешь по папе?» — я твердо говорил: «Нет!» А сам глотал ком из невыплаканных слез.

Я глянул в покрасневшие глаза этой маленькой девочки, которая отчаянно пыталась быть храброй. Нельзя было бросить ее одну!

— Ладно, Даша, сейчас что-нибудь придумаем.

Подзарядил мозг очередным «сникерсом». Погуглил сайты агентств, быстро оставил заявку в двух. Онлайн-ассистент задавал кучу дурацких вопросов насчет того, на сколько времени я хочу оставить ребенка, есть ли у меня справки о прививках, особые требования к знанию английского, и прочую дребедень. Я попытался решить проблему по телефону, но оператор три раза переводил меня с линии на линию, а Даша испуганно косилась в мою сторону, словно я собирался продать ее на органы.

Параллельно шел вызов от Иры. В телефоне уже пять пропущенных. Только ее не хватало! Написал: «На работе», в надежде, что жена угомонится.

Набрал друга и коллегу, у которого есть дочь: когда-то он упоминал няню.

— Никита, у меня вопрос! — начал торопливо.

Коллега просек по тону, что дело важное, и, несмотря на веселый женский смех где-то на заднем плане, серьезно сказал:

— Слушаю.

— У твоей дочки была няня. Можешь дать ее номер? Это срочно!

— Понял. — Никита никогда не задавал лишних вопросов, поэтому мы и дружили. — Масенька, у тебя сохранился номер нашей няни? — обратился он к жене. — Да, Татьяна Васильевны... Ивановны, прости. Ну поищи!

Набрал меня через минуту.

— Записывай... Ой! Масенька, — это снова к жене, — а в Донецке код тот же?

— В Донецке? — переспросил я. — Так няня в Донецке?!

— Ну да! — Он засмеялся. — Зачем моей взрослой девахе няня? Она уже школу окончила!

— Прости, не сообразил...

— Няня была лет десять назад. Мы еще там жили.

— Блин! — Я совсем забыл, что они не киевляне. — Нет, мне донецкая няня не нужна.

— Позвони в любое агентство.

— Да-да! Спасибо.

— Ты это... когда уже будешь? Ира говорит, трубку не берешь.

— Что?

И тут я услышал голос своей жены:

— Когда будет? И зачем ему няня?

Размашисто стукнул себя по лбу. Как я мог забыть! Сегодня мы ужинаем с Никитой и его женой. Глянул на время — ну да, все уже в ресторане.

— Привет! — Ира взяла у коллеги телефон. — Скоро освобождаешься?

— Я? Я... Ира, не знаю. Скорее всего, не выйдет у меня.

— Серьезно? Мы же...

— Стоп! Ирочка, не злись. Но тут такое!

Ирин голос теперь звучал холодно и очень строго:

— Что случилось? Зачем тебе няня?

Я сделал паузу и выдал первое, что пришло в голову:

— Настя вернулась.

— И?

— Я с ней виделся. Она оставила мне ребенка, попросила присмотреть. И пропала! Я не могу ее вызвонить!

— У тебя есть племянник?

— Племянница. Ну да. Выходит... есть.

— Она с тобой?

— Да. — Я обернулся на Дашу, поедающую сухие хлопья из пачки. — Я не знаю, куда ее деть.

— Вези срочно домой! Я буду минут через пятнадцать.

— Как домой? К нам?!

— В чем проблема?

— Нет, ну я не могу. К нам! Вдруг Настя найдется?

— И что? Настя же знает, где мы живем.

— Ты сказала, чтоб ноги ее в нашем доме не было.

— Я сказала, чтоб она не приходила в том состоянии, в котором была тогда. Или ты собираешься девочку на улице бросить?

Называется, выкрутился. Приплести сестру — лучшее, что мог! Только как дальше? Выиграть время. Найти Марьяну. Сказать Ире, что Настя пришла и забрала дочь назад. Вот мой план! Надежный, как швейцарские часы. Ахах! Нервно засмеялся.

— Даша, — позвал, — поехали! Собери игрушки.

В маленький чемоданчик покидал детские вещи. Даша подбежала ко мне с розовым платьем в руках.

— Дашенька, оставь, мы на ночь всего!

— Я же принцесса!

Вздохнул и впихнул в чемодан еще и пышную юбку с воланами. Игрушки она тащила в сумке с феями и вцепилась в нее мертвой хваткой, не разрешила мне нести.

Припарковавшись, я повернулся к Даше:

— Мы с мамой тебе не говорили, но ты — моя племянница.

Даша нахмурилась, видимо, не поняла значения слова.

— Я — брат твоей мамы. Твой дядя! Мы едем к моей жене, твоей тете...

Даша смотрела на меня внимательно. Было противно оттого, что я пытаюсь заставить ребенка лгать, но взгляд у Даши был взрослый, казалось, она все понимает.

— Ничего не говори ей о маме. Пока что. Не называй имени, не рассказывай о том, откуда вы приехали в Киев, и о том, как тут жили. И о том, что я часто к вам приезжал. Для мамы важно, чтоб ты эту тайну сохранила.

— Тьотя зла?⁴

— Нет! Она очень добрая. Но твоя мама... Она скрывается от злодеев. Тетя добрая, но злые люди могут ее обмануть, и она проболтается о твоей маме. Этого допустить нельзя. Ты согласна?

Даша кивнула. Каждое слово давалось мне сложно, но что-то же надо было говорить.

— Пообещай мне!

— Клянуся! — торжественно выкрикнула Даша.

Когда мы поднимались на лифте, Даша все смотрела на меня пронзительным, недетским взглядом.

Я бубнил:

— Все будет хорошо, Дашенька. Мы найдем мамочку...

Казалось, мне снова десять и я держу за руку пятилетнюю сестру и шепчу ей: «Все хорошо! Папа вернется!» И сам себе верю.

— У нас гости, Ира, — сказал я глухо. Откашлялся и повторил громче: — Ира, у нас гости!

Дашенька схватилась за мою руку, как за спасательный трос.

— Даша, это тетя Ира, моя жена.

Ира растерянно захлопала глазами, но, преодолев изумление, заулыбалась:

— Привет, Дашенька! Разувайся, милая. Ты голодная? Будешь супчик с курочкой? А потом — мороженое...

На меня Ира посмотрела очень странно. Я испугался, что она все поняла. Или что-то заподозрила.

Пока Даша ела перед телевизором, мы с Ирой стояли на балконе и шептались.

— Ну ты же знаешь мою сестру! Она позвонила рано утром, сказала, мол, срочно надо увидеться. Приехал на встречу, а она с Дашей. Попросила присмотреть. И пропала!

— А почему ты даже не знал, что у тебя племяшка?

— Я не общался с Настей семь лет!

— Она же приходила в прошлом году. Ты еще ее парня избил.

— Не избил! В рожу дал. Этот хипстер даже на ногах не стоял, убожество!

— Это был отец Даши?

— Не знаю. Она просила денег. Как обычно. Про Дашу не заикалась!

— И мама не знает?

⁴ Тетя злая? (укр.)

— Никто не знает! Настя в Каменце давно не живет. В последний раз звонила из Днепра. Перед этим — из Франкфурта.

— Бред какой-то... Никто из семьи не знает, что у Насти есть девочка. Столько лет! Это бред!

— Это — типичная Настя! — воскликнул я. — Позаботимся о Даше?

— Что за глупый вопрос!

Ира возилась с девочкой до вечера. Устроила ей купание в ванне с пеной, читала сказку с телефона.

Даша не могла заснуть. Позвала меня. Я сел у кровати и взял ее маленькую хрупкую ручку в свою.

— Общай, що знайдеш маму! — прошептала Даша. — И не дай злим людям її образити!⁵

— Обещаю. А ты храни наш секрет.

Даша улыбнулась и кивнула:

— Клянуся.

Она закрыла глазки и уснула через минуту.

Ира разбирала детские вещи, которые я принес, и хмурилась.

— Под чем твоя сестра была, когда собирала ребенка? И самое странное... — Ира протянула мне платяице из натурального шелка. — Все вещи новые, очень дорогие. Но... Носок один. Трусов не положила... Ни маек, ни колготок. А джинсы с дырками...

— Джинсы модные.

— Модные. Для лета.

Всего было так много, что голова раскалывалась. Я размышлял над тем, как искать Марьяну. Несколько раз выходил в подъезд, чтобы набрать номер, но ее телефон оставался вне зоны доступа. Что в таких случаях делают? Обзванивают больницы? Знакомых? Я же никого из ее друзей и родственников не знаю...

Господи, лишь бы все обошлось! Марьяна найдется, я верну ей Дашу, и мы заживем как прежде. Марьяна, найдись! Я куплю тебе все, что ты захочешь. И Даше куплю. И пожертвую что-нибудь детскому дому... Господи! Проси что хочешь, только помоги из этой хрени выпутаться!

Даша проснулась, жалобно заплакала и позвала маму. Ира переложила ее в нашу постель и улеглась рядом, чтобы прочесть еще одну сказку.

Нужно было подышать воздухом. Я из тех, кто редко теряет самообладание. Вопросы решать умею. Но сегодня... Мне как будто снова десять, и на меня наваливается забота о семье. Я хочу всего лишь играть в мяч и не делать уроки, а у меня мама в депрессии и сестра без присмотра. Мир снова огромный, а я в нем — маленький. Небо падает на меня, и оно такое тяжелое...

Холодный ветер бил в лицо. Начал искать в «Гугле» номера больниц и тут понял, что забыл фамилию Марьяны. Причем ведь столько раз за эти месяцы она мелькала: и когда счета ее оплачивал, и когда машину

⁵ Обещай, что найдешь маму! И не дай злым людям ее обидеть! (укр.)

оформлял, — но вот именно сегодня напрочь вылетела из головы! Помню только номер машины. Да! Я узнаю через ДАИ.

Сразу стало как-то легче. Все я решу!

Позвонили с неизвестного городского номера.

Мужской голос извинился за поздний звонок. Сказал, что в телефонном аппарате были поломки, которые специалисты устранили... Так и сказал: «устранили». Спросил, знакома ли мне Марьяна... назвал фамилию. Тю! Точно! Как я мог забыть! Спасибо, парень! На автомате сказал:

— Не знаю. То есть... Да, знаю, конечно!

Оказывается, я был «одним из самых частых контактов». Марьяна стала жертвой автомобильной аварии и получила травмы, несовместимые с жизнью. Так и сказал: «несовместимые с жизнью». Спросил, не хочу ли я приехать на опознание и не могу ли сообщить о происшествии родственникам. Так и сказал: «надо бы сообщить родственникам».

— Стоп! Я не понял, где Марьяна?

— Ее тело в морге номер три, на улице Докучаевской, четыре.

«Сникерс» был на вкус как лимон. Второй — еще хуже: брокколи.

Но во всем есть светлые стороны. По крайней мере я узнал, где Марьяна. Меня больше не мучает неизвестность. Уже не надо переживать, что она потерялась и ждет помощи. Все понятно. И на этой мысли надо сфокусироваться! Я знаю, где моя Марьяна и что с ней. Она на улице Докучаевской, четыре, и она — мертва.

Домой вернулся через полчаса. Ира читала в постели. Лег рядом. Она закрыла книгу, хотела что-то сказать, но я впился в ее губы.

— Ты бледный какой-то. Хорошо себя чувствуешь?

Стягивал с нее сорочку.

— За стеной ребенок... — шептала она, а я раздвигал ей коленом ноги.

Утром разбудила Даша. Прибежала к нам в постель. Ира заулыбалась, щекотала маленькие пятки, Даша смеялась. А я смотреть на нее не мог. Что же я скажу ей? Что?!

Уехал на работу даже без завтрака. Даша выбежала в коридор попрощаться — кивнул и сбежал. Она как горгона Медуза для меня: загляну в глаза — и окаменею.

В обед поехал на Докучаевскую, четыре. В машине выпил газировку — мозг зарядить. Не помогло. Шел вялый, как в тумане.

Узнал по щиколотке. Там тату красивой розы. Говорю: «Она», а от лица отворачиваюсь, глаза зажимаю. Не хочу лицо видеть. Не хочу! Стараюсь, чтобы врач не заметил, что я как баба. Делаю вид, что смотрю, а сам взгляд опускаю. Все равно увидел и нос ее перебитый, и страшную гематому на пол-лица. Марьяша уменьшилась, ссохлась, маленькая стала, как ребенок. Попросил воды, но вода не помогла: в горле все равно першило.

Спрашивали, что да как. Откуда знакомы. Я сказал, она подруга моей гулящей сестры. Ложь нескладная. У меня всюду Настя виновата. Но ее обвинять можно. Все поверят, и никто не узнает. Я все ждал, когда

спросят про Дашу. Сам думал сказать. Уже рот открыл. Все-таки у Марьяны есть где-то семья, заберут, не обидят. Только вот промолчал.

Послали запрос насчет родственников: зарегистрирована-то Марьяна во Львове.

Вечером сделал три лишних круга на машине вокруг дома. Тянул время. Мысль появилась: а не съездить ли к Марьяше? И тут же догнало осознание — нет там больше никого. Нет Марьяши! Нет!

Не стану сегодня ни о чем таком думать. Не стану Даше говорить. Так и самому легче представить, что Марьяша потерялась, ушла, исчезла. Пусть так. Когда-нибудь услышу ее шаги по паркету, запах почувствую, розу на щиколотке поцелую. Просто потерялась она. И никто пока не нашел.

Дома все шумело: в телевизоре пела принцесса, на планшете вопили котики, Даша носилась по квартире красная, потная, а Ира — убегала.

— А вот и дядя! — Ира, радостная, подбежала, расцеловала в обе щеки.

Вся кухня — в запахах, один ароматнее другого. Ира расстаралась: и борщ подала с домашней сметаной, и блинов нажарила с мясом, даже о любимом мною говяжьему рагу не забыла. Не жена, а скатерть-самобранка. Сказала, Дашенька помогала.

Вздохмаченная, улыбающаяся Дашенька забралась Ире на колени и зазвенела детским голоском. Ходили они «на шопинг» — смешно выговорила, — за теплыми вещами, потом к игровым автоматам. Дашенька насобирала сто билетиков, обменяла на книгу — розовую, с уродливыми куклами на обложке.

— Это «Лолы»⁶. У меня есть вот такая «Лола», а вот эту я потеряла.

Ира смотрела на меня вопросительно, бровь выгибала, явно на что-то намекая. Попросила Дашеньку отнести книгу, наклонилась ко мне и сказала:

— Она со мной по-русски говорит весь день.

Да, действительно, я и не заметил.

— Расскажи дяде о себе на английском.

Дашенька выскочила на середину комнаты, приосанилась, ручки за спиной сложила и важно, как на сцене, начала болтать по-английски, как ее зовут, где живет и какой у нее любимый цвет. Английский я знаю плохо, но Ира-то — идеально. Раз она ошибок не заметила, значит, их нет.

— Молодец, Дашенька! — сказал я. — Наверное, ту куколку, которую ты потеряла, надо купить.

— Это куклы-сюрпризы, — возразила Ира. — Неизвестно, какая попадется.

Глянул удивленно: она-то откуда знает?

— Твоя сестра, которая сама двух слов не свяжет, обучила ребенка украинскому, русскому, да еще потихоньку английский с ней зубрит. Тебе это не кажется странным?

⁶ L.O.L. («Лол») — коллекционные миниатюрные куклы-пупсы китайского производства. Продаются тематическими сериями в пластиковых шарах-сюрпризах.

— Настя в детстве хорошо училась.

— Она ведет асоциальный образ жизни. Скрывала ребенка! Бросила! При этом Даша — живая, ухоженная малышка с собственным планшетом, чемоданом кукол... Она уже читает!

— И?

— Возможно, ею занимался папа. Даша ничего не говорит, уходит от темы. Помнишь того парня, что с Настей приходил? Думаю, он и есть отец. Может, разыщем?

— Зачем?

— Что будем делать, если Настя не вернется?

Я молчал. Даша танцевала. Ира на нее посмотрела, и все морщинки разгладились.

Жена уложила ребенка пораньше. Пришла уже в пижаме, я залез рукой под шелковую блузу.

— Устала. — Ира убрала мою руку. — Сейчас не хочу.

Осадила, как приставала на улице.

— А когда ты хочешь? Никогда!

— А ты? Что-то до вчерашнего и не помню, когда у нас было! С появлением Даши сам не свой. Если тебя что-то мучает, расскажи. Если просто скопилось напряжение, заплати кому-то.

— Что?!

Ира посмотрела холодно:

— Есть такая услуга. Обратись.

Натянула на себя одеяло, повернулась спиной и замоталась с головой.

Я лежал и вглядывался в черноту. Виделись мне во тьме каштановые кудряшки, слышалось звонкое «кохаю»⁷, и красное платье поднимал ветер...

Пошел в туалет, потом в гостиную. Нигде не было покоя. Везде темнота рисовала мучительные картины.

Поднял глаза, увидел Дашеньку. Стояла посреди комнаты босая на холодном полу.

— Дядя, — прозвенел голосок, — вы нашли маму?

Связки завязались в узелки. Ни словечка не выдавить. В горле выросла опухоль, вот-вот подавлюсь.

Дашенька подошла ближе, положила мне на колено маленькую ручку.

— Не грустите, дядя. Мы ее найдем!

Скользкая гусеница ползет по щеке.

— Не плачьте, дядя. Все будет хорошо.

Дашенька запрыгивает ко мне на руки, кладет на грудь голову. Я зарываюсь носом в ее волосы. Гусеница на щеке не одна — все лицо залито. Дашенька гладит меня по плечу, я вытираю слезы, а их все больше и больше.

— Девочка моя, — говорю, — за что же это? Как же так, милая?

⁷ Люблю (укр.).

Шепчу Дашеньке, но на самом деле не ей, не ей.

— Что же ты... За что же тебе? А мне — что? Что же мне?!

Ложимся с Дашенькой на диван, крепко прижимаю ее, слез становится меньше. Но сегодня все, что бы я ни ел, даже любимый «сникерс», имело вкус рвоты. Значит, плохи мои дела.

Проснулись мы с Дашей на том же диване, но укрытые одеялом. Ира сварила кофе, тостов нажарила. Впервые за долгое время завтракали вместе. Она мазала хлеб вареньем и шоколадной пастой. Дашенька вся измазалась, ладошки маленькие облизала.

— Чумазик! — засмеялась Ира.

— Чумазик! — расхохоталась Дашенька.

У меня от приторности шоколада сводило скулы. Ира спросила, почему не поел, ответил: поджелудочная.

Работал на автомате. Ни с кем лишний раз не хотелось и словом перекинуться, что на меня не похоже. Секретарша спросила, здоров ли. Привыкла, что всегда шучу и делаю комплименты. Поглядывал на телефон, будто ждал звонка. С того света? Чтоб услышать: «Это все ошибка. На Докучаевской, четыре, не мой труп. Я жива!» Но никто так и не позвонил.

Домой, несмотря на пробки, решил ехать через Лукьяновку. Себя лишний раз помучить? Проезжал мимо ее квартиры, заметил свет в окне — ударил по тормозам так, что сзади в меня чуть не врезались. Все на дороге разобиделись и загудели. Присмотрелся — оказалось, игра воображения.

Что делать с ее вещами? Хотя нет, не буду пока об этом. Лишь бы день протянуть, не решая. А потом еще один...

Приехал домой, не планируя, раньше. Ира купила парочку настольных игр. Весь вечер Дашенька нас обыгрывала. Когда Ира отворачивалась, Дашенька мне подмигивала, а я показывал большой палец. Это — наши секретные сигналы. Мы превратились в заговорщиков, у которых свой тайный план под кодовым названием «Спасти Марьяну». Даша верила: я ищу ее маму. Верила, что молчанием защищает от беды. А я лгал ей!

Перед сном Ира не стала читать, выключила лампу на своей стороне и, пожелав спокойной ночи, закрыла глаза. Но не отвернулась! И даже в одеяло не замotalась. На этот раз не стал приставать. Жена не жена, а я же не насильник.

Но, клянусь, ночью она сама меня обняла!

Приготовил завтрак. Девочки с удовольствием лопали яйца пашот и мясли, смеялись и решали, в какой парк пойдут.

Впервые за пару дней нормально поел, без ощущения, что жую дохлую крысу. На работе ходил похожий на себя — острил и всех подгонял.

Вкус овощного супа с фрикадельками испортил звонок Марьяниной подруги.

— Де Дашенька?⁸

Сколько раз говорил Марьяне: не водись ты с этой Адой! Мне не нравилось влияние, которое оказывала эта женщина с сомнительным прошлым на мою впечатлительную девочку. С остальными друзьями я знаком не был. Опасался огласки, к тому же почти все, с кем общалась и работала Марьяна, принадлежали к раздражающему меня кругу экзальтированной творческой молодежи. Мы с ними обитали на разных полюсах.

Ада раздражала манерой держаться слишком заносчиво, праздным образом жизни и особенно — неприязнью ко мне, которую открыто демонстрировала. Наверняка считала, что Марьяна могла бы встретить кого-нибудь побогаче и посвободней. Мы недолго любили друг друга взаимно. Марьяна звала ее «моя фея-крестная», хотя ничего волшебного в этой женщине не было — голый расчет и практичность во всем.

Модельной карьеры Ада не сделала, но в любви ей повезло. До Революции словила «крупную рыбу» — очень серьезного человека. Сейчас он за границей в изгнании, но с Адой, слышал, видится. Ходили слухи и про других покровителей, благодаря которым бывшая сельская девчонка хорошо устроилась в столице, занялась каким-то невразумительным бизнесом и перевезла к себе в пятикомнатную квартиру братьев и сестер. Последнее, пожалуй, единственное, что она в жизни сделала ценного. А так — зачем подобная компания? Марьяна другого поля ягода, искренняя и чистая... Была.

Из офиса уехал пораньше, завернул на Подол. Квартиру Ады нашел легко, ведь не раз забирал оттуда Марьяну. Открыл брат-пижон (это к нему я Марьяну приревновал). Как по мне, и не мужик вовсе, а начищенный башмак. Таких, с глазами-озерцами, дизайнеры-пидорасы берут для рекламы трусов и вешают на баннеры, чтобы другие пидоры эти трусы покупали, а зеленые девочки, незнакомые с настоящими мужчинами, томно вздыхали. Если бы Марьяна не рассказала, что частенько делает макияж его невесте, я бы решил, что он по мальчикам. А что? Белозубый Пижон, думаю, перед зеркалом крутится чаще девочки: на бицепсы собственные надрачивает.

Ада вышла навстречу скорбная, будто Мадонна. В черное наряженная, с головы до пят закрытая, глянешь — монахиня. Но я-то знаю...

В квартире было непривычно темно. Я не сразу заметил, что все зеркала завесили плотной тканью. В гостиной в кадке стояло голое деревце, на ветках которого висели бублики и конфеты, а во всех углах горели церковные свечи. Лучше бы не заходил! Атмосферка напомнила ужастик про дом с духами.

Усадили за стол, заставленный разными блюдами, налили стопку. Сидели с нами еще две сестры. Одна — даже красивее Ады, хороша так, что вина не надо: от взгляда на нее хмелеешь. У младшей девочки было лицо куклы, но, увы, обезображенное пигментным пятном. Мелкий братишка скрупулезно перебирал в углу пуговицы из шкатулки. С первого

⁸ Где Дашенька? (укр.)

взгляда становилось ясно, что он из тех, кого нынче модно называть «особенными». Совершеннолетним из ребят был только Пижон, но он не пил. Ада сама опрокинула. Одну, вторую! Рука ее дрогнула, на лбу заблестел пот. По мутному взгляду я понял, что рюмка не вторая, а десятая. Ни на одной из наших мимолетных встреч она не была трезва. Не терплю пьющих баб!

— Ада, знаете, куда ехала Марьяна?

Они с Пижоном переглянулись, головами покачали. Солгали!

— Что с Дашей?

— Девочка побудет у меня, пока не найдутся родственники.

Ада разразилась хохотом. Сидела бы голая, и то выглядела бы скромнее, чем когда вот так, откинув голову и сотрясаясь от смеха, бьет руками по столешнице. Запила водкой, по груди себя хлопнула.

— И чего слышал о ее родичах?

Ничего. Марьяна не рассказывала. Я не спрашивал. Зачем в душу лезть?

— Возможно, вы знаете, кто отец Даши?

Ада кулаками заколотила, стаканы пошли ходуном, вилки забренчали. Собачонка, что терлась у ног, затыкала. Ада опять потянулась за водкой, Пижон отодвинул графин. Взглядом окинула — будто кнутом приструнила. Всем младшим разлила, каждому придвинула стопку.

— Ну иди родственничков! Шукай батю! Нет никого!

— Сказали Даше? — спросил Пижон. К своей рюмке он так и не притронулся. — Она... — запнулся, выпил не водку, а сок.

— О ней заботятся, — успокоил я. — Скажу ей. Попозже.

Пижон закивал. Сидел побитым щенком, даже плечи ссутулились.

— Чё не едим? — Ада привстала и оперлась о столешницу. — Марьяш? Твой приперся, да за душу твою не пьет, не жрет. Чё за дела? Иди ты к нам! Нальем!

— Адочка, хорошая моя, ты что такое говоришь? — Красивая сестра перекрестилась.

— Чего это он не ест? — Ада подняла нож, лезвие воткнулось в каравай, аккурат перед моим носом. — Угощайся!

— Я лучше пойду. — Я встал из-за стола.

— Бежит!

— Ада, вы потеряли близкого человека. И я потерял...

— Каво-каво ты потерял?

— Любимую!

Ада, пошатываясь, сделала ко мне шаг, наклонилась и под ноги плюнула, чуть на туфли не попала, но я не шелохнулся.

— Жёнка твоя тоже любимая?

Пора на выход.

— Дашу верни! — закричала вслед.

— Ада, блин, успокойся! — услышал за спиной осипший голос.

Девчушка, мелкая, что блоха, с голубыми кукольными волосами, острым, как булавка, взглядом и пигментным пятном на пол-лица, взяла Аду за руку.

Ада оперлась о стол и закрыла глаза. Ее губы зашевелились: запела. Тягучую, печальную песню — жалобный стон на незнакомом языке. Подхватила красивая сестра мягким, точно кошачья шерсть, голоском, за ней хрипло окончила куплет младшая. Ада руками в воздухе дирижировала. И тут запел Пижон. Признаться, в первые секунды я решил, что за моей спиной включили запись, настолько чисто и душевно парень пел, окутывал комнату бархатом баритона. Я падал вместе с голосами в темную расщелину скорби, поднимался на волнах тоски к мнимому солнечному блеску...

Ада взмахнула кистями, песнь смолкла.

— А теперь ты, Марьяна! — Ее руки продолжили танцевать в такт беззвучной мелодии.

Совестно стало. Поминки, а я гордостью кичусь, словно драгоценной монетой. Какой бы странной семья Ады ни казалась, любили они мою Марьяну искренне. Вернулся к столу. Опрокинул за упокой, закусил. Ада бледно заулыбалась. Ее рука легла мне на плечо раскаленным железом.

— Завтра кремация.

В длинных пальцах клацнула зажигалка.

— Придешь?

— Не могу. Но возьмите... — Достал из бумажника специально приготовленный конверт.

Ада взяла его двумя пальцами, брезгливо, как окровавленный бинт, поднесла к сигарете в уголке губ. Держала достаточно, чтобы на бумаге огненным глазом открылась дырка. Огонек зарыжел, Ада кинула конверт под ноги и притоптала тапком. Собачка сунула нос, Ада пнула ее ногой, псина жалобно заскулила. Красивая сестра прижала ее, унесла вон из комнаты.

— Не надо этого, — сказала Ада абсолютно трезвым голосом. — Место в раю не купишь.

Подхватила полы длинной юбки, уселась на стул у окна спиной ко мне, вытянулась струной.

В коридоре нагнал Пижон.

— Дядь, — запустил в карман руку, — Дашке! — На ладони лежала уродливая пучеглазая куколка. — Она у нас потеряла.

— «Лол»? — Теперь и я в курсе. — Кто Дашин отец? Есть с ним связь?

Парень нервно облизал губы и опустил глаза.

— Скажи, — я напряженно всматривался в его лицо, старался уловить сходство, — это ведь не ты?

Он сверкнул зубами, но улыбка тут же погасла.

— Дядь, вы прикальваете? У меня, конечно, дети есть. Но не шестилетние! — Он сжал губы и тяжело вздохнул. — Марьяну изнасиловали.

Я, наверное, молчал слишком долго, растирал ладонью лоб. Из квартиры выглянула девочка с пятном и позвала брата.

— Не знал. Она так дочь любит. Любила...

— Тю! Какая разница для любви, от кого ребенок?

Моя радостная, легкая Марьяна! Никогда бы не подумал, что в ее жизни было зло, с таким теплом и нежностью она относилась к миру!

— А родители ее погибли пару лет назад, — продолжил Пижон.

Из его глаз катились слезы. Он, не таясь, не стесняясь, растирал их рукавом, стоял блестящий, носом шмыгал. Легко ему плакать! А у меня вместо слез — вкус кала во рту.

Ира повела Дашеньку к родителям. У соседей снизу ходили ходуном все хрустальные люстры. Престарелый профессор цокал, изображая лошадку, бывшая работница Дома моды напевала песенку из мультфильма про собачек. Ира носила поднос за подносом, заваленные сладостями. Трое взрослых соревновались, кто первый предложит девочке конфету повкуснее, и спорили, можно ли дать очередную шоколадку или лучше накормить супом.

— Почему ты прятал от нас племяшку? — журил профессор таким тоном, будто я годы не давал ему общаться с родной внучкой.

Я присел рядом с Ирой. Она подмигнула, посмеиваясь над помолодевшими лет на двадцать стариками. Улыбнулась лучистой, давно потерянной в житейских заботах улыбкой. Так стало радостно и так до боли грустно! Когда много всего разного внутри, я нервничаю. Щекотка под кожей. Надо выбрать одно чувство. Пусть сегодня будет радость.

Вечером зашел к Дашеньке в комнату. На подушке спящего ребенка пристроил куколку.

— Дядя? — открыла глазки, положила маленькую нежную ручку на мою лапу. — Нашли маму?

— Дашенька... Мама прячется. От злых людей.

Она увидела куколку, от восторга завизжала:

— Это мама нашла? Мама?!

— Да. Еще просила передать, что любит тебя больше жизни!

Дашенька повисла у меня на шее, расцеловала маленькими губками. Ее волосы пахли цветочным полем, щечки — парным молоком. Я слышал, как бьется совсем рядом крохотное сердце. Тук-тук-тук — стремительные удары, будто в погоне.

Перед сном Ира спросила:

— Настя не объявлялась?

Я покачал головой. В моем безупречном плане сестра должна была появиться, как только найдутся родственники Даши. О них я планировал выяснить через Аду. Выяснил...

— Может, и не объявится? — сказала жена.

Показалось, в ее голосе сквозила надежда.

У крематория собралось не меньше тридцати человек, сплошь юные лица. Ребята с работы или старые друзья из Львова? Ни с кем из них Марьяна меня не знакомила.

В глазах рябило от цветов. Ненавижу прощания! Даже на самолет или поезд никого не провожаю. Куда лучше встречать.

Только вот Марьяна не вернется.

Вошел последним, встал поодаль. Пижон, важный и мрачный, в деловом костюме, казался повзрослевшим. Его красивая младшая сестра спряталась под кружевную вуаль. Хотя такую хоть в хиджаб наряди — красоты не утаишь.

Я шарил взглядом по чужим лицам: искал Аду. Не находил. Хотя сдалась мне та Ада!

Марьяна лежала крохотная. Личико по-лисьи заострилось. Совсем другая, совсем чужая. Да и не она вовсе. Пластмассовая кукла. Хорошо же поработали гримеры!

Жарко. Все в куртках, а я дышать не могу. Размотал шарф, расстегнул ворот. Воздух не проходил в легкие. Поп монотонно повторял непонятные слова, заглушая всхлипы. Красивая сестра Пижона положила голову ему на плечо, у парня в кепке зазвенел телефон, загорелая женщина в плаще громко разревелась. Я поймал дерзкий взгляд мелкой девчонки с пятном на лице. Она уставилась на меня, как на подозреваемого, и вдруг подмигнула.

К черту театр абсурда! Марьяны нет. К чему все это?

Зашел за серую стену. Уставился на серое небо. Пейзаж выцвел, покрылся серой плесенью. Серый-серый мир...

Заметил Аду. Она удостоила взглядом, спрятанным за огромными солнцезащитными очками. Сигаретный дым вдыхала жадно, будто он наполнен жизненно важным газом. От Ады разило стойким перегаром. Она и на похороны протащила «Джемесон». Жестом предложила. А я что? Я уже и не против...

— Вам тоже тяжело на нее смотреть? — спросил.

Ада не ответила. Вытерла пальцем слезу, что выползла змейкой из-под оправы.

— Это из-за меня.

— Что?

— Она ехала ко мне, — сказала чуть громче. — Помочь!

Признайся она сразу, я лупил бы стену со злости. Орал бы! Клял бы! Ненавидел бы! А сейчас и я внутри выцвел вместе с этим несправедливым небом.

Ада пошатнулась, я подхватил ее под руку.

— Это все мое проклятие! — выкрикнула и уселась на асфальт.

Я пытался ее поднять, она отгоняла, нелепо размахивая руками.

— Краще бы я!⁹ Но оно так — нет! Не работает! Нет! Меня — фиг! Только кто мой! Дорог!

Ада принялась растирать лоб, сбросила очки. Подняла на меня рябиновые от слез глаза:

— Теряли самых близких?

Я сжал зубы. С трудом произнес:

— Да. Мой сын умер. Очень давно.

Ада посмотрела на меня необычайно тепло, словно мы с ней были старые друзья. Я поставил ее на ноги, надел ей очки. Заплаканная,

⁹ Лучше бы я! (укр.)

раздавленная, она больше не казалась ледяной и неприступной, идеальной женщиной с журнального разворота. Она горевала. Как и я.

— Возьми себя в руки! — Это я когда-то сказал жене, когда мы потеряли ребенка.

Это я говорю себе уже много лет. Почти каждый день.

Ира купила Дашеньке самокат. Та гоняла вокруг дома, точно на «феррари».

Ира кричала:

— Осторожно!

Я бежал следом и контролировал, чтобы Даша не упала. Раз ей так нравится гонять, значит, нужен велосипед. Представил, как приволоку домой розовый, с уродливыми «Лолами». Дашка завизжит от радости! Сейчас уже холодно, а вот весна придет, буду учить ездить...

Господи, о чем я думаю? Сдурел? Какая, к черту, весна! Какой, к хренам, велосипед!

Ночью проснулся от холода: одеяло упало. Иры рядом не было. Без нее не спалось.

В кладовой горел свет. Ира сидела на полу и перебирала старые наброски. С нескольких своих картин в золоченых рамах сбросила черное покрывало. Когда присел рядом, прижалась плечом: замерзла.

Когда-то ее живопись казалась мне изумительной. С замиранием сердца следил за движениями тонкой руки, за порханием пушистой кисти. Сейчас признаю: ее рисунки — обыкновенная мазня.

— Ира, идем спать.

— Иди.

Она годами не приближалась к своим картинам. Большую часть даже увезла на дачу.

— Почему больше не рисуешь?

Руки, перебирающие листы, замерли.

— Зачем?

— Думал, тебе нравится.

— Разве не бессмысленная трата времени?

— Кто сказал?

— Ты.

— Так я не говорил.

— Не получаешь денег — значит, ерунда. Я верно запомнила?

— Не передергивай.

— Финансовый успех — мерило. Твоя работа приносила деньги. Мое хобби — нет. Ты нуждался в поддержке. Я решила не тратить на ерунду драгоценное время, которое могла посвятить тебе.

— Никогда я не просил тебя бросать рисовать! Я работал и учился. И да — все ради нашей семьи! Я всегда был единственным кормильцем. Что ненормального, если жена дома и занимается хозяйством? Уж прости, тогда денег на кухарку не было. У меня тоже были хобби, которые я забросил.

— Забудь. Пошли спать.

— Почему тон обиженный? У тебя уже столько лет домработница. Кто тебе мешает заниматься, чем хочешь?

— Ты постоянно повторял, что это не картины! Что раз никто не готов за них платить, значит, я бездарность.

— Опять все перевернула! Я говорил, что хобби нужно монетизировать. Иначе зачем тратить время? Раз хочешь этим заниматься, говорил, иди учись. Разве на художников не учатся? Любая деятельность — огромный труд! Говорил, я не разбираюсь. Вот я тебе контракт покажу — ты поймешь, выгодный он или нет? Поймешь? И я в картинах не понимаю! Может, они и гениальные. Но что толку, если их вижу только я?

— Мне просто нужна была твоя вера в меня!

— Сдалась тебе эта вера! Если человек хочет — делает. Я чего-то в жизни добился не благодаря чужой вере. Может, просто ты сама не верила в себя?

— А добился бы — без меня? Сколько всего мои родные для тебя сделали! А я? Все трудности с тобой! Безденежье! Твои нервы! Твоя язва! Все крутилось вокруг тебя, твоего здоровья, настроения и самочувствия. Ты выпил меня всю, ни для чего больше не оставил! Только я заикалась о том, что хочу, — сразу обида. Будто хотеть чего-то для себя — предательство... Я всю свою жизнь построила вокруг тебя и твоих желаний. А что взамен? Твое полное равнодушие! Сижу, как дура, одна в этой пустой квартире. Тебя нет никогда! Сама занимаюсь ремонтом. Сама езжу отдыхать!

— Ну так и сидела бы в той засранной «однушке», в которой мы на Лесном жили! На острова за мой счет летает — и недовольна! Зарабатывать и просто быть рядом — не одно и то же. А вам, женщинам, все мало! Говоришь, поддержка? Какая у меня от тебя поддержка? Кислое лицо?

— А у тебя не кислое?! Думаю, ты давно меня разлюбил.

— Я?! Я с тобой!

— Я тоже с тобой!

— Ты-то ясно, что со мной. А я могу быть с кем угодно! Выбрать любую! У нас даже детей нет! И это был твой выбор!

Ира вскочила, выбежала в комнату. Захотелось догнать и выкрикаться, но в доме ребенок. Сдержался.

По ламинату рассыпались старые наброски. На одном из них — лицо карандашом, показалось знакомым. Поднял лист, рассмотрел. Да... Молодой мужик улыбается. Это я лет в двадцать пять. На самом деле я тогда смешной был: лысина дурацкая, мышц почти нет, зубы кривые. Но тот, кто меня рисовал, этого не заметил: и зубы ровные, и лысина идет. Я такой... брутальный! Тому, кто это рисовал, я нравился. Жаль, больше не нравлюсь...

Зашел в спальню и услышал всхлипы. Вот чего ревет? О чем горюет? Это я должен плакать! Это я для жены сделал все, а она не ценит. Это я ради жены отказался от детей, а она считает это нормой! Это у меня в сухом остатке, кроме усталости, нет ничего. Я столько всего сделал ради любви, а любви-то, может, и не было никогда.

— Ира, чего ревом?

Хлопнул дверью. Вышел на балкон. Достал из-под декоративной подушки «сникерс».

В небе — ни звездочки. Белесые пятна прикидываются облаками. До чего же в Киеве уродливая ночь!

В офис приехал немного заранее. Сегодня у меня индивидуальное занятие с учителем английского, а я не сделал домашку. Я что, школьник? Жаль, что в работе так нужен этот корявый язык. У моего препода даже усы не растут — так, три противные волосины над губой торчат. А он шлет мне на вайбер американские мемы. Воображает, что я сяду переводить эти плоские шуточки? Или просто выпендривается?

В холле бизнес-центра «Леонардо» на диване скучала дочка Никиты, моего коллеги и хорошего друга.

— Привет, деточка!

Странная девица: никогда не улыбается. Да и на вопросы отвечает редко. Вроде и красивая. Как сейчас модно говорить, модельная. Но до того тощая, что сквозь кожу видно всю кровеносную систему. Воображает себя особенной: выбрала псевдоним, похожий на кличку стриптизерши, и заставляет окружающих вместо привычного «Саша» называть себя Алексой. Презрительно кривит рот, отчего тот теряет всякую чувственность, выгибает заросшие (по нынешней безобразной моде), зачесанные вверх брови.

Она профессионально занимается скрипкой и тянет из родителей деньги на клипы, студию, развитие инстаграма и... наркотики. Последнее я узнал от Никиты случайно. Он не любит распространяться о проблемах любимой дочурки. Я как-то разоткровенничался про младшую сестру, и друг признался, что они уже несколько лет безуспешно лечат от зависимости дочь. Вот и балуй этих малолеток! Одевай в бренды и прощай любые проступки! Мы с мамой тоже Настю жалели. Дожалелись...

— Я папе не могу дозвониться, — сказала Алекса и тут же отвернулась, словно и не со мной общалась.

— Тебя в офис провести?

Она уставилась на меня, будто предлагала прочитать свои мысли. Нет так нет. Я достал пропуск и пошел вперед без нее.

— Да! — крикнула вслед. — Пожалуйста!

Заторможенная. Совсем мозг снюхала.

В лифте ехали молча. Алекса скрестила длиннющие ноги в брендовых кедах и уставилась в новый айфон. Я, как ни старался, не могу найти в своем телефоне столько интересного, чтобы таращиться в него, как нынешняя молодежь, с утра до ночи. Спросил, как дела с организацией свадьбы. Алекса пожалала плечами. Ответила, что они с парнем хотят потихому расписаться, а родители — пышный праздник на триста гостей.

Глупость, конечно, выходить замуж так рано, но я сам женился на первом курсе, так что не мне судить. Правда, тогда и времена были другие. Мы влюблялись искренне и старались строить семьи, а для вчерашних школьников все игра. Во взрослую жизнь рвутся, а от реальной ответственности бегут. Я спрашивал у Никиты, как они с женой дали

согласие на столь поспешную роспись своего сокровища с зеленым парнишкой. «Он ее лечиться заставляет. Его она слушает», — вот и ответ. Бедные родители готовы посадить себе на шею теперь уже двух деток. В такие моменты я радуюсь, что дочери у меня нет. Хотя я бы и воспитывал иначе: в строгости и почтении.

Новенькая офис-менеджер (как же ее зовут-то?) тут же предложила нам с Алексой кофе. Мы разместились в комнате отдыха, и я принялся за английский. Безуспешно. Спросил у Алексы кое-что по заданию, и она сделала за меня буквально все номера, за что я искренне поблагодарил. Выкуси, безусый препод! Правда, он тест обещал, но голову до того занимали личные проблемы, что ни одного грамматического правила в ней не задерживалось.

— Молодец, деточка, что все-таки ходишь в группу анонимных наркоманов. Ты же ходишь?

Алекса вопроса не ожидала и смущенно кивнула.

— Ты прости, что лезу. Но твой отец мне не чужой. Ты не представляешь, как у него болит за тебя, дурочку, сердце! Очень страшно наблюдать, как родной человек себя гробит. Ты слышала про мою сестру?

— Угу, — буркнула она. — Раз сто.

— Она ведь тоже была красивой талантливой девочкой. Гимнастикой занималась. Я видел в ней спортсменку. Увы!

— Она умерла?

— Да ты что! Жива. Она год тому назад или чуть больше приходила... — И я рассказал, в каком плачевном состоянии видел в последний раз сестру, как та унижалась, просила денег, как я побил ее парня-хипстера, а тот сбежал. Объяснил, что сестра сделала в жизни неправильный выбор. Сначала просто пару раз оступилась, я готов был простить. А потом связала жизнь с человеком «на системе» и потеряла шанс на счастье.

— Неправильные вещи иногда кажутся очень заманчивыми, деточка. Особенно в юности, когда психика формируется, легко поддаваться искушениям. Но помни, что живем мы не только ради удовольствий. Думай о близких и старайся поступать правильно.

— Вы всегда поступаете правильно? — спросила Алекса без тени улыбки.

— Я? — Хотел сказать «конечно», но почему-то осекся. — Речь же не обо мне.

Через стеклянную стену я увидел, что из кабинета вышел Никита, а значит, его урок закончился.

Алекса тоже заметила отца и пошла навстречу. У двери обернулась:

— Спасибо вам за бесценные и своевременные советы. Могли бы книги писать. Научили бы всех жить правильно.

Признаюсь, мне было очень приятно. Я широко ей улыбнулся и подумал, что из меня все-таки вышел бы отличный наставник.

Только через пару минут и полтора «американо» зародилось подозрение, что она иронизировала. Какие же современные дети противные!

Возвращаясь домой вечером, я опасался, что Ира злится за вчерашнее, но она хозяйничала на кухне и даже улыбнулась приветливо. Когда увидела, какой шикарный букет я привез, чмокнула в щеку. На тумбочку в спальне я незаметно поставил новую упаковку ее любимых духов. Пусть знает, что, несмотря на сложности, я помню все, что ей нравится.

За эти духи Ира поцеловала уже в губы, но все же как-то прохладно. Рассказала, что они с Дашей гуляли в парке и кормили голубей блинчиками. Дашенька то же самое описала куда красочнее. И голубей было «представьте, все небо!», и блинчики они не просто клевали, а «клевали, а-а-а! и такие э-э!». А еще Даша попрыгала, чтобы я окончательно понял: история удивительная и такой с ней в жизни не приключалось.

Для Дашеньки у меня тоже был подарок — целых пять шаров «Лол». Она от радости потеряла дар речи, побежала распаковывать. У нее не получалось, и в итоге мы с Ирой целый час разгадывали загадки, искали знаки с помощью лупы и хлопали каждый раз, когда Дашенька находила спрятанные в отсеках сюрпризы. Я и не подозревал, что это может быть так увлекательно!

За ужином спросил Иру:

— Тебе не кажется, что я иногда лезу не в свое дело?

Она удивленно подняла брови.

— Ира, я стал замечать, что люди делают вид, что соглашаются, но на самом деле не считаются с моим мнением...

— Которое ты не можешь не высказать?

— Именно! Так я действительно перегибаю?

— Не-ет!

— Ира, я серьезно! Я ведь не то чтобы считаю себя всегда правым...

Но что поделаешь, если чаще всего я прав?

— Ничего не поделаешь, родной. — Опять ироничная улыбочка! —

Всем приходится с этим мириться.

— В смысле?

— Ты отличный друг. Ответственный начальник, щедрый муж, хороший сын и брат... Ты берешь на себя решение большинства вопросов...

— Но?

— Никаких «но». Просто не всем твои советы нужны.

— Даже когда очевидно, что я прав?

Ира почему-то засмеялась. Я подошел и в шутку придушил ее.

— Ну что ты смеешься? Ну что прикалываешься?

Внезапно ее губы оказались совсем близко. И так отчаянно захотелось их поцеловать, но Дашенька дернула меня за штанину и показала с визгом и слезами радости очередную куколку из сюрприза.

Эти трое подъехали аккуратно без одной минуты пять. Я ждал их такси у подъезда. Одному в пустую квартиру Марьяны заходить не хотелось. Первой высунула длинную ножку в розовой кроссовке красивая сестра, за ней вылетела младшая с выкрашенным в дикий зеленый цвет каре. Очевидно, она меняла парики.

Пижон в белоснежной водолазке казался знойным итальянцем. Он шел вразвалку, убирал слишком уж длинные для нормального мужика волосы с лица и растягивал пухлые губы в хитрющей улыбочке.

Хреновы зуммеры! С глупым пафосом хозяев жизни, а по факту — мыльные пузыри. Вместо рук — гаджеты, вместо книг — игры, вместо жизни — соцсети...

Бываю же я токсичным.

Ангелоподобная красавица поздоровалась и улыбнулась. Вот честно, не стал бы с ней спать! Это как осквернить святую Мадонну или первую любовь из чистых мальчишеских грез. Кошунство! Там, между идеальных ног, вместо сладкого, земного и грешного, ничего нет, только гладкая пластмасса. Девчонка слишком безупречна для такой животной штуки, как секс.

На пороге по привычке разулся. Встал на холодный пол, заморозил ступни. Обулся. Все равно ведь здесь больше никто не живет. Никто.

Мелкая сестричка принялась командовать: брат, ты делай то, сестра, ты — это. Голос у нее был недетский — глубокий, сильный. И где только умещался в птичьем теле? Каждое слово — патрон. С собой она прихватила блокнот и вела перепись вещей, расфасовывала их по разноцветным пакетам. Мне задания давать постеснялась.

Я рассматривал прозрачную чашку на столе, на дне которой осталась кофейная гуща. Словно Марьяна выпила кофе пару часов назад и просто не успела помыть. В прошлый приезд этой чашки не было. Или была?

— Бездельница! — рявкнула младшая на красивую сестру. Та с блаженной улыбкой примостилась на подоконнике и глядела на улицу, пока деловитая младшая носилась по комнате, открывала ящики, тыкала пальцем в чайник или сковородку, спрашивала: «Это ее или местное? Это надо или в мусор? Это — нам или в церковь?»

Перебрались в спальню. Младшая выкладывала на постель — ее постель — платья и длинные жакеты. Красавица примерила один в желтую клетку. (Как-то пошли в кино, и под этим желтым жакетом я высмотрел волнующее кружево топа.)

— Охреть! — Младшая встала на цыпочки и дотянулась до алых воланов знакомого платья. — Это же ей Ада подарила, помните?

Мог бы — взглядом поджег бы и без того горящие цветом юбки, чтобы не истязали память. Красивые ножки мчатся вниз по Хмельницкого... Озорная клякса в серости дня... «Оно вона!» — ее звонкий голос... Влажные пряди на мягких щеках и ресницы птичьими крыльями вокруг омота глаз...

Крошка младшая приложила к себе красное платье. Пышная юбка проглотила ее тонкую фигуру прожорливой анакондой.

— Блин! За что я гном?! Эх! Ну кому-то из прихожан повезет.

— Я возьму, — услышал свой собственный голос. — Дашеньке... Надо сохранить на память о маме.

— Сложу для вас отдельный пакет. — Младшая поправила зеленый парик. — И украшения вы заберите, и рамки. — Мы обернулись на фотографии у кровати: Марьяна с Дашей в зоопарке, Даша в коляске,

мужчина и женщина обнимают девочку с мелкими кудряшками, но не Дашу, нет, а маленькую Марьяну.

Я кивнул и молча вышел из комнаты. Выдохнул в коридоре и прикрыл за собой входную дверь.

На улице купил в ларьке газировку, мерз на лавочке, никак не получалось заставить себя зайти обратно. Окликнула красавица. Она стояла у ларька и призывно махала. Такие девчонки сладки, как сахарная вата, потому что каждый принимает их дружелюбие за интерес и хочет откусить кусочек. Красавица купила три «сникерса» и печенье. Настояла, чтоб я взял шоколадку, потому что «брат все равно не ест». Как отказаться? Да еще и от «сникерса»? Да еще и когда девушка просит? Когда это меня угощали красотки? Да никогда!

— Марьяна и Дашенька с нами жили, пока брат не вернулся. Места стало мало, они съехали.

— Вы дружили?

— Конечно! Они с Адой планировали открывать салон.

— Я не знал...

— Сестра любит, знаете, делать дела со своими. Она Марьяне много помогала, когда та только перебралась в Киев. У Марьяны идеи появились насчет салона, сестра ей: «Да-да, норм, о'кей. Даю денег, занимайся!» В общем...

— Ни разу о таких идеях от Марьяны не слышал.

Кольнула обида за то, что она ничем со мной не делилась. И тут же вспомнил, что вел себя точно так же.

— Так они уже помещение взяли!

— И что теперь?

Красавица пожала плечами и слизала шоколад с пальцев.

— Пойдемте. Мои щас ругаться будут, что не помогаю.

— И на меня?

— Та не! — прыснула. — На вас не будут! У вас злой вид. Не рискнут.

— Я злой?

— Та не. Вроде нормальный. Добрый. Просто это незаметно.

Я тихо засмеялся.

— Посиди со мной еще, — зачем-то попросил. — Просто посиди.

— Вам там плохо, да? В ее хате?

Вздохнул.

— Печеньку берите. — Раскрыла пакет. — Легче станет. Мне лично от сладкого легчает.

— Мне обычно тоже. Но не сегодня.

— По-честному, там и мне не по себе. У нее в квартире. На вещи эти смотреть... трогать их... Не могу! Мои храбрятся. Не любят, если другие видят, что им тяжело. Брат с Марьяной вообще близко дружил... Дружил! Вы ж там не подумайте!

— Не подумую.

— Так он на самом деле сильно за ней плакал. Думал, не заметно. Но я видела.

А я вот плакал мало... Что со мной не так? Совсем очерствел?!

Хотелось сменить тему. О чем угодно говорить, кроме своей боли.

Чтоб, не дай бог, ее не чувствовать.

— Брат твой вроде в театральном учится? Где планирует работать?

— А зачем ему работать? Он удачно женится.

Я расхохотался до икоты.

— Нет-нет! Не в том смысле! Он работает, работает! И невесту любит. Но Ада говорит, он, кроме женитьбы, ни на что не годится. Она так и обо мне говорит. Но я-то стану Божьей невестой.

— Монахиней? — удивился я.

— Да. Очень хочу быть миру полезной!

Красивая сестра походила на нежного ребенка, невольно стало ее жаль. Мир жесток! Для чистых и прекрасных душ — жесток втройне.

— Вы оставите Дашу себе?

— Что?

— У нее никого нет. Ее же заберут в приют! Брат был в приюте. Ада говорит, его там испортили. А я думаю, ему просто было очень одиноко. Представьте, расти в семье, а потом остаться совсем одному!

— Да... Это тяжело.

— У вас есть дети?

— Были. Сын. Умер.

— Блин... Ой! Простите!

Наш с Ирой сын прожил пять месяцев. Да и то «прожил» — слово громкое. Ира в роддоме ждала, когда принесут ребенка на кормление. Всем мамочкам принесли, кроме нее. Оказалось, наш мальчик в реанимации. Я пару раз потрогал его маленькие ручки. Однажды он обхватил мой палец и сжал. Нет, дважды. Я подумал: боец! А он перестал дышать. Нет его. Похоронен. Я об этом не хочу. Мы с Ирой как-то справились. Ей, наверное, было тяжелее, чем мне. Хотя, кажется, куда уже тяжелее? У меня в сердце нож торчал долго-долго. У Иры глаза месяцами были мутные, казалось, она в другом мире.

Я стал больше работать. Отвлекало. Ира мазюкала холст серым и черным. Но как-то я увидел на ее картине розовые пятна, похожие на облака, и понял — полегчало. С тех пор мы не беременели. Однажды намекнул Ире, не пора ли... Но она так глянула! Я узнал этот пустой и полный черной горечи взгляд. Не хотел, чтоб этот взгляд вернулся. Без детей тоже можно.

На Воздвиженке долго крутился, чтобы припарковаться. Дурацкий белый «мерс» занял единственное пригодное место. Я, видимо, громко возмутился, потому что Пижон набрал чей-то номер и сказал игриво:

— Выйди к нам! Нет, просто хочу на тебя полюбоваться.

Через пару минут из дому вышла брюнеточка. Я сразу признал в ней инстаграмщицу, разъезжающую по Дубаям за пару косарей. Она виляла накачанным задом, приоткрывала наколотый ротик, источала феромоны, как героиня старого фильма «Любовный напиток номер девять».

— Ой, простите! — охала, стреляя глазками. — Только купила машину! Все не научусь парковаться!

Переместив «мерс» в соседний переулок, подошла, демонстрируя ровные зубы, как будто надеялась одной своей улыбочкой заполучить сумочку ценою в четверть квартиры.

— Я уже обед накрыла! — сказала так, чтоб я почувствовал: приглашение лично для меня. — Идемте!

Я попытался отказаться, но она возразила:

— Поминки у нас. Надо зайти. Ваша помана¹⁰ уже готова.

Пижон сгреб в охапку пакеты и пошел следом за горячей брюнеткой.

— Это его невеста? — спросил я у младшей, выгружая из багажника остатки пакетов.

— Считайте, наша сестра.

— Еще одна?

Младшая закурила.

— Губу не раскатывайте. Она флиртует со всеми. Это ничего не значит.

Очередные поминки (они их каждый день устраивают?) проходили непривычно живо. Горячая сестра-брюнетка включила музыку на телефоне и слегка завиляла бедрами в такт.

— Шампусик! — закричала младшая, достав из морозилки бутылку.

Пижон, прежде чем открыть, взболтал. Вылетел пенный залп. Девушки подставили бокалы, младшая взгромоздилась на стол и подсунула под струю кастрюлю.

— Шо мне ваши рюмки! Бухаем по-взрослому!

Пижон плеснул шампанским себе на макушку, зарычал, умылся. Притянул красивую сестру и закружил в странном бешеном танце. Младшая ложкой била по кастрюле, раздражающий звон стоял на всю комнату. Горячая сестра оголила смуглые плечи, закинула аппетитные ножки на спинку стула и хохотала. Пижон в танце обнимал красивую сестру. У нее покраснелось лицо, она упала на колени и по-цыгански задрожала плечами, вскинув точеный подбородок.

— Эй, ромалэ, эй, чавалэ!¹¹ — запел Пижон, подпрыгивая и хлопая в ладоши.

За вакханалией наблюдали нарисованные глаза юной Ады с портрета над искусственным камином. Без порицания и без радости, с пронзительной болью во взгляде.

Время замедлилось. Искусственный синеватый огонь в камине вспыхнул. Я четко разглядел на идеальных молодых лицах хищный оскал. Я оказался на шабаше, стал свидетелем пляски каннибалов. Над трупом! Над трупом Марьяны!

— Заткнитесь! — закричал. — Прекратите!

¹⁰ Помана (укр., молд., рум.) — поминальный подарок, вещь, которую дарят на память об умершем.

¹¹ Эй, цыгане, эй, ребята! (цыг.)

Зарябило в глазах, кандалами сковало ноги. Сердце затараторило скороговоркой.

— Зат... — Перехватило дыхание, голос пропал.

Я рухнул на софу, ладонь прижал к груди, кожей чувствовал, как рвется наружу сердце. Виски сдавило, резко пересохло во рту, в ушах появился звон. Искривились красивые хищные лица. Розовый топ красавицы, забитый тату торс Пижона, вздымающиеся груди горячей сестры, парик младшей — все заволочло туманом, через который проступила единственная мысль: «Конец! Умираю!»

— Все хорошо. Смотрите на меня. На меня! — рядом мелькнуло лицо горячей сестры. — Воды! Полотенце! Дышите глубже. Это просто нервы.

На лоб шмякнулось мокрое, холодное. В рот заливали воду.

— Вот так... Правильно... Хороший мальчик!

Плечо сдавил жгут. Горячая сестра ритмично сжимала резиновую грушу.

— Давление скакнуло! Сейчас собьем...

— Укол?! — всполошился я, заметив в ее руках шприц. — Нет! Вы что? Не хочу укол! Это больно! Не надо!

— Сделаю не больно.

— Не смейте! — Я вырвал руку. — Ненавижу иголки!

— Ладно-ладно! Смотрите, вам лучше. Лучше? Давайте проверим пульс...

Ее рука была теплой и мягкой.

Молодежь столпилась вокруг с обеспокоенными лицами. Красавица протягивала стакан воды, Пижон держал бутылек нашатыря, младшая промакивала салфеткой мой влажный лоб.

— Это инсульт? — пробормотал я сухими, все еще непослушными губами.

— Всего лишь паническая атака. — Младшая отошла к окну и закурила.

— Верно. — Горячая сестра погладила мою руку. — Все уже хорошо. Все хорошо. Нервы.

— Нет у меня никаких панических атак и не было никогда!

— В вашей ситуации это нормальная реакция на переизбыток стресса.

— Простите, что не пляшу!

— Ой! Вы неправильно нас поняли! — залепетала красавица. — Веселье — часть ритуала.

— Это поминки! — Дыхание мое выровнялось, успокоилось сердце. Я попытался встать, но не смог.

— Сидите-сидите! — Горячая сестра снова достала тонометр. — Слабость сейчас пройдет. Это нормально.

— Ни черта не нормально! И то, что вы творите, — тоже.

— Вам не понять, — сказал Пижон. — Это наш обычай.

— Мы на поминках не только горюем, — объяснила красивая сестра. — Любимых не стоит провожать с грустью. Они ушли в лучший мир.

Тем более для женщин с детьми в раю всегда есть особое место. Марьяна вернется на землю в своих внуках. А если мы будем только страдать, душа может расстроиться. Она ведь все видит! Она еще с нами! Гляньте на древо жизни. — Красавица указала на деревце, увешанное конфетами. — Вот так вот сладка и быстротечна земная жизнь. Мы должны ценить каждый миг. Три дня и три ночи ревели. Сегодня — время веселья! Садитесь за стол.

На скатерти с ручной вышивкой стояло тарелок на двенадцать персон, но я понял, что больше гостей не ждут. Горячая сестра положила мне кусок лепешки с начинкой и густую кукурузную кашу.

Хозяева сплели пальцы и зажмурились, Пижон долго бубнил что-то на незнакомом языке.

— Молись быстрее! — Младшая приоткрыла глаз. — Все голодные!

— Вы не из Украины? — спросил, когда ребята взяли за приборы. Слишком уж часто переходили на неизвестный язык. Да и обычаи у них, честно говоря, показались страннее некуда.

— С юга, — ответила младшая. — Молдавская диаспора.

— А разговариваете вы на молдавском?

— Я, — младшая поправила съехавший парик, — говорю на молдавском, украинском, русском, французском, английском, немецком, испанском и латыни. Учу китайский. А вот наша Ада на других языках изъясняется так себе. К тому же наш молдавский отличается от современного. Как и традиции.

— Община живет очень замкнуто, — сказала горячая сестра. — Вам положить еще плациндочки¹² с картошкой?

Пироги были вкусными, я кивнул.

— Слышали про амишей? — спросила младшая.

— Что-то слышал.

— Так вот мы не амиши.

Ребята засмеялись.

— Знакомы с понятием космического христианства? — продолжила младшая. — О чем-то подобном писал Бердяев в своих размышлениях о природе религиозности. А в «Аспектах мифа» Мирча Элиаде¹³...

— «Гугл», закройся! — Пижон швырнул в сестру комочек кукурузной каши. — Проще скажи. Бог наш — Христос. Но мы верим в нечисть и перерождение. На поминках танцуем и в игры играем. Кто мы, скажите?

— Если это и христианство, то оно... неправильное.

— Мы рады, что у вас правильное! — Горячая сестра блеснула обсидами глаз.

— Я атеист. Обычай так обычай. Просто непривычно.

¹² Плацинда (плачинда) — круглый пирог, лепешка с начинкой (в Молдавии, Румынии и на Украине).

¹³ «Аспекты мифа» — книга философа и писателя Мирчи Элиаде, опубликованная в 1963 году, в которой изложены рассуждения о происхождении мифа и его влиянии на культуру.

Печальная Ада смотрела на нас со стены. Ее черты едва угадывались, проступая на полотне полупрозрачными штрихами.

— Это работа Третьего. — Пижон заметил, что я разглядываю портрет. — Хоть и не верится.

— Третий? Это ваш младший? Маленький такой и...

— Странный. — Пижон застегнул рубашку, спрятав под хлопок табуировки латинских букв и цифр. — Брат не разговаривает, но общается рисунками. Некоторые — удивительны.

— Сама видела, как пишет! Клянусь! — Красавица перекрестилась.

— Я не сразу узнал Аду.

— Так это и не Ада. — Младшая снова закурила. Никто из старших и бровью не повел. — Это наша мать.

От неловкого молчания спас поворот ключа в замке: пришла Ада. Увидев меня, кивнула и спрятала подбородок в ворот черного кашемирового свитера. За ее спиной показался младший брат. Он держал под мышкой твякающую собачку, ни с кем не поздоровался, сразу пошел по лестнице наверх.

— Стесняется, — сказала Ада и села во главе стола.

Казалось, под ее тяжелым печальным взглядом нужно просить разрешения, чтобы говорить и даже дышать. Ее сестры и брат были из огня и молний, она — из арктических айсбергов. Сложная, чрезмерно таинственная и колючая, будто ледяные воды северного моря. Немногим младше меня, а по ощущениям — старше на век. Древняя статуя с идеальным лицом. Ада выглядела и вела себя так, будто раздеться готова лишь для шейха или президента и обладать ею — высшая честь.

С ее приходом ушла легкость, но сакральность момента почувствовалась острее. Младшая разлила вино по бокалам.

Горячая сестра накрыла мой бокал ладонью:

— Не советую. Алкоголь сегодня вам не поможет, а повредит.

— Слушаюсь. Тем более я за рулем, — улыбнулся я и потянулся за соком.

Ада произнесла тост на своем родном языке.

— Она сожалеет, — прошептала на ухо горячая сестра, — что Марьяна не наша и по-своему мы ее похоронить не можем.

— Мне этой хрени не надо! — Младшая почесала родимое пятно. — Сожгите и развейте.

— Моя хорошая! — воскликнула красавица. — Как же так? А что, если не переродишься?

— На фиг надо вторую такую жизнь! Тебя как хоронить? — обратилась младшая к брату.

— Спасибо, что уже меня хоронишь.

— Чтоб знать на будущее. А с твоим везением — не факт, что далекое.

— Там же, где и остальных. За нашей хатой. И не вздумайте ставить плиту!

— Инкогнито? Боишься, бывшие придут плевать на твою могилу?

— Боюсь, придут ее целовать!

— А мне, пожалуйста, памятник поставьте, — сказала горячая сестра. — И повыше. Только на нем я должна быть молодая!

Красавица пригубила вина и захихикала:

— Даже если умрешь в сто?

— Особенно если умру в сто!

— А мне не надо памятника, — улыбнулась красавица. — И фотографии. Даже надписи. В святом месте схороните. В идеале — на старинной монастырской земле.

— Может, сразу в Гробе Господнем в Иерусалиме? — Младшая потянулась за пачкой сигарет, но Ада хлопнула ее по руке.

— Можно и там. Если выйдет. Я не настаиваю. Но если получится...

Мне от их смеха и неуместных шуток было, с одной стороны, не по себе, а с другой — уютно. Может, они правы, что относятся к смерти одновременно и с уважением, и с иронией?

— А вы как хотите быть похороненным? — спросила красавица.

Вроде бестактный вопрос, но она до боли напоминала наивного ребенка — невозможно обижаться.

— Я как-то... Никогда об этом не задумывался.

Мой ответ очень их всех удивил.

— Марьяна хотела, чтобы ее подхоронили, — раздался строгий голос Ады. — Чтоб не лежать в могиле одиноко.

— Я не знал...

— А что знали?

Я промолчал.

— Дашу оставляете? — Ада продолжала бомбардировать мою совесть.

— Я... еще не решил.

— Рано или поздно начнут шукать.

— Ада... Я... Мне пора, наверное.

— Заберите поману.

Красавица вручила объемный сверток в розовой бумаге с лентой.

— Это шелковое белье, — объяснила горячая сестричка и кокетливо подмигнула. — Ваша помана за почин.

— Что это значит? — не понял я.

— В Молдове принято на поминках дарить подарки родственникам и друзьям, — сказала она уже без улыбки, — на память об ушедшем. Обычно это что-то из постельных и кухонных принадлежностей. Посуда, ковры, подушки... Чем ближе человек был к покойнику, тем лучше подарок. Мы выбрали для вас дорогое дизайнерское белье. Очень надеюсь, что вам оно понравится.

Я поблагодарил, но отложил подарок. Зачем мне «помана»? Во-первых, это дикость, а во-вторых, мне совсем не нужно постельное белье. Не с женой же на нем спать!

— Помана — вроде же хрень хреню, — внезапно вклинулась младшая. — Но, блин, знаете, когда погиб жених Ады, нам досталось шикарное одеяло. Я маленькой была. Его почти не помню, а это одеяло служило нам потом еще много лет. В суровые зимние ночи я грелась под его пухом.

И каждый раз, верьте или нет, я думала о покойнике и о том, каким он, наверное, хорошим был человеком, раз даже после смерти умудряется заботиться о других. Помана нужна, чтоб Марьяна не была забыта.

Я оставил ее вещи в гараже. Накрыл старыми полотенцами пакеты со шмотками, запечатал в коробки фотографии, припрятал получше золото. Из стопки вывалился блокнот с котом на обложке. Открылся на развороте. На розовой бумаге фигурным почерком маленькая Марьяна подписала год и число, пожаловалась на несправедливую восьмерку¹⁴ и рассказала о том, что идет на день рождения к подруге. Не стал вчитываться, спрятал, как и остальное.

Вышел из гаража, повесил замок. Уперся лбом в холодный металл. Этим замком я и Марьяну закрыл. Все, что было частью ее огромного мира. А себе оставил крохи: улыбку, запах волос, отзвуки нежного голоса, вкус губ. Оставил все, что было мне нужно. Остальное отбросил. Теперь, когда Марьяны нет, а часть ее мира заперта у меня в гараже, я почему-то не могу простить себе, что она и при жизни вся целиком не была мне нужна.

Дома меня ждали объятия маленькой Дашеньки, улыбка жены. Мы сели ужинать. Ира рассказала, что определила Дашу в развивалку в соседнем доме. Теперь малышка пойдет на английский, рисование и шахматы. На среду мы запланировали втроем сходить в кино.

Укладывали Дашеньку вместе. Ира читала ей про Муми-тролля, Даша комментировала почти каждое слово. Попискивала, выпучивала глаза, ударяла себя ладошкой по лбу, изображала обморок. Дети все-таки ходячая спонтанность, ноль фальши, искренность в каждом взгляде. Даже в их лжи — простота и честность. До чего же дети прекрасны! И как жаль, что... Жаль, что Даша — не моя. Внезапное счастье — временная иллюзия. Я выигрываю для этой иллюзии время, но только оттягиваю неизбежное. Я потеряю все?

Перед сном Ира не читала. Она оставила один бледный ночник, надела полупрозрачную сорочку. Когда я вошел в комнату, она откинула одеяло и убрала с шеи волосы. Я понял намек, поцеловал ее за ушком. Она погладила мои плечи, опустила руку ниже, но я прильнул губами к пальцам.

— Что-то не так? — спросила. — Не хочешь?

— Хочу, — сказал, не отрывая взгляда от ее потрясающе красивого лица.

— Так странно смотришь...

— Как? — Я нежно провел рукой по линии плеч.

— Будто раньше не видел.

— А я видел? — Понюхал кончики ее волос.

— Что ты делаешь?

— Запоминаю.

— Зачем?

¹⁴ В украинских школах распространена двенадцатибалльная шкала оценок.

- Вдруг...
- Вдруг все же захочешь уйти? — Она отодвинулась. — Как тогда сказал. К другой?
- Ира! Прости за те слова.
- Не нужно. Ты прав.
- Ира! — притянул ее к себе.
- Обнял, в охапку сгреб свою Иру и так уснул.

...В день нашего знакомства Ира вошла в аудиторию грациозной походкой. На ней была легкая черная блуза с карманами на груди. Хотя она надела юбку длиной ниже колен, это не помешало мне разглядеть стройные ножки. Она села прямо передо мной, выложила новый, с белоснежными листами, конспект. До этого я видел Иру лишь мельком. Она училась на другой кафедре, но всегда посещала общие лекции. Помимо аудитории мы пересекались в кафе и в сквере Политеха, но она всегда ходила с подругами, а я — со своей тогдашней девочкой. Меня привлекали женщины праздничные, как брызги шампанского, Ира же казалась воспитанницей женского пансиона. Но была в ней какая-то некричащая сексуальность, которая заставляла взгляд выискивать в толпе ее стройную фигурку.

На той лекции я любовался изгибом ее шеи. Длинные тонкие пальцы ласкали ручку. Достала из сумки толстую книгу, подложила под конспект и принялась читать! Это было странно.

После лекции она заспешила к выходу, а я подлетел:

— Что читала?

Попытался изобразить интерес именно к книге, а не к карманам на груди шифоновой блузы (изо всех сил пытался на них не пялиться). Она улыбнулась, открыла сумку. Показался бордовый корешок с именем автора — «Т. Манн».

— Ого! Всегда хотел почитать... Манна!

Я никогда до этого не слышал о Манне. И книга выглядела слишком толстой для того, чтобы я по собственной воле решился ее прочесть.

— Держи. — Она протянула мне увесистый «кирпич». — Я дочитала.

Это была самая скучная книга в моей жизни. Но чтение того стоило. Ира того стоила. Мы начали перезваниваться и гуляли вместе, пару раз сходили на вечеринки. Я периодически «подгуливал» с бывшей из общаги, ведь Ира на свиданиях вела себя сдержанно, в рамках дружбы. Я не понимал, нравлюсь ли ей.

Наконец-то решился сделать шаг, но Ира на поцелуй не ответила.

— Слышала про вас с К., — сказала. — Это правда?

— Мы расстались.

— Другое слышала.

— Я с ней вижусь. Иногда... Это ничего не значит.

— А со мной — что? Тоже ничего не значит?

— С тобой — значит. Ты мне нравишься. Очень.

— И ты мне.

— Тю, блин! А я-то!.. Фух! Больше с К. не буду. Просто не понимал, как ты ко мне...

— Не хотела торопиться. Знаешь ведь, недавно с парнем рассталась. Но не говорила почему... Он изменял! В себя уже пришла, но... Такое чувство, что он помой на меня вылил. На меня и на всю мою любовь.

— Я считаю, в отношениях измены недопустимы. Это предательство. В конце концов, это гадко. Я бы себе не простил!

— Вижу, чувствую, что ты не такой. Нет ничего важнее искренности. На этом строится все! Никогда не лги. Мне нужен мужчина, которому можно доверять. Потому что я из тех, кто никогда не предаст.

И она не слукавила. Все невзгоды переживала с улыбкой, поддерживала и не предъявляла претензий. Я был мальчишкой с периферии, без связей в Киеве, с одним только упорством и желанием преуспеть.

Ира же — киевлянка из интеллигентной семьи. Я много работал, чтобы обеспечить ей тот уровень жизни, которого она была достойна. Когда же между нами порвалась невидимая нить, что казалась незыблемо прочной? Не знаю... Знаю только, что я предал своих женщин. Не потому что хотел, а просто так вышло... Никогда не думал, что стану отмазываться. Но черт возьми! Действительно, выходит, чтобы быть счастливым, приходится делать несчастными других.

Я старался, видит Бог! Я всегда для всех старался. Для малышки сестры — а Настя все равно угробила свою жизнь. Для Иры старался — а она меня разлюбила. Для Марьяны — а она... Все равно я для всех оказываюсь плохим. Просто из-за желания быть счастливым! Я дожил до тридцати восьми и до сих пор не знаю, бывает ли по-другому. Чтобы и правильно, и искренне, и при этом всем было хорошо.

Перед кино заскочил в гараж. Сел, окруженный вещами погибшей любовницы. Пялился в стену больше получаса. Потом открыл ящик, достал фотографии в рамках. Мне впервые стало любопытно, как выглядели дедушка и бабушка Даши. У девочки бабушкины волосы — непослушные змейки. Скорее всего, она будет невысокой, как и мама, мне по плечо. Дедушка Даши носил очки и шляпу. А Марьяна в детстве напоминала живую куколку.

В шкатулке с украшениями Марьяна держала золотой крестик с инициалами Даши. Наверное, с крещения. Я спрятал его в кошелек, чтобы позже отдать девочке. Позже...

Что же ей сказать? Как объяснить необратимость рока, который жестоко и нелепо унес жизни всех членов ее семьи? И сколько еще молчать, скрывать и лгать? Прости, Марьяна! Видишь, я делаю для Даши что могу. Я клянусь сделать больше! Я клянусь сделать что-то... Я клянусь... Но как? Как поступить верно? Если ты слышишь меня, Марьяна, подай знак!

Дневник маленькой Марьяны был заполнен до середины. Крупными буквами она расписала ссоры с подругой и улыбку соседа по парте. Возможно, и у Даши появится похожий блокнот, она тоже напишет о том,

как ненавидит математику, подчеркнет блестящей ручкой, дорисует радугу. Как там сказала сестра-красавица? Женщина вернется в своих внуках и правнуках. У меня нет детей. Судя по всему, уже не будет. Значит, мне не в кого будет перерождаться? Для меня все закончится на последнем вздохе? Даже крупицы моего ДНК не останется, все сгниет под землей...

Вот родителей Марьяны уже нет, самой Марьяны нет, а Даша — есть! И когда она рядом, меня переполняет такая нежность, что сердце вырастает вдвое. Я смотрю на Иру и спрашиваю себя, почему мы столько лет ждали. Наполняли жизнь иллюзорными смыслами, когда нужно было просто еще раз рискнуть.

Я сидел в гараже еще долго. Не плакал. Но мне очень хотелось.

Дома я застал странную картину. Кладовая была распахнута. На полу валялись простыни. В воздухе стоял резкий запах краски. Я нашел девочек в гостиной. Они застелили пол целлофаном, укутались в дождевики. Посреди комнаты стоял мольберт, и, по очереди окуная кисть в краски, девочки наносили на чистый холст мазки.

— Это летающий единорог! — Даша провела несколько разноцветных линий, вместе похожих на радугу.

— А это, смотри, волшебная принцесса! — Ира поставила над радугой три золотистые точки.

— Злой колдун хочет ее похитить! — Дашенька сдвинула брови, зарычала и мазнула черной краской в уголке холста.

Ира заметила меня, неловко улыбнулась. Я стянул свитер, чтоб не запачкаться, подошел к ним, взял из рук Иры кисть, сполоснул и зачерпнул салатный цвет.

— Но у колдуна ничего не выйдет. Потому что принц его победит! — Я провел кистью зигзаг.

Ира прижалась ко мне щекой, перемазала розовой краской. Мы закончили картину-историю. Начали другую. Дождевики девочек и моя майка тоже напоминали разрисованный холст.

После ванны Даша смотрела мультики, Ира жарила котлеты, я просматривал бумаги.

Потом Ира подошла, погладила меня по голове. Я отложил дела, посадил ее к себе на колени, и мы молча сидели, прижавшись друг к другу. Было так тепло и нежно! А тут и Дашка подлетела, дернула за рукав и попросила «бутбодик с сырочечком».

Позвонил Пижон. Вежливо поинтересовался, не могу ли я ненадолго с ними встретиться, обговорить кое-какие вопросы насчет Марьяны. Я старался не думать о величине проблем, которые мне придется рано или поздно решать. И все же Ада и ее семья были единственными, с кем я мог их обсудить. Смешно, конечно, что я, взрослый состоявшийся мужик, нуждаюсь в поддержке более молодых и слабых, какими бы мудрыми и самобытными они ни казались. Но я был растерян, надеялся найти ответы, которые вряд ли существовали.

К «Ишаку»¹⁵ подъехали одновременно. Пижон вышел из «рэнджа» старшей сестры с таким важным видом, будто на самостоятельно заработанные забрал эту машину из салона. Зачем-то приволок на встречу горячую сестру. Попастая вертихвостка вырядилась в белый обтягивающий костюм. По тому, как колыхалась под кофтой ее грудь, я понял, что та настоящая. Личико у горячей сестры было попроще, чем у Ады и красавицы. Ей не хватало аристократического благородства первой и соблазнительной невинности второй, но до чего же она была сексапильна!

Горячая сестра раскинулась в кресле. Пижон кальян не курил. Ногти на его левой руке были выкрашены в фиолетовый, под цвет рубашки, на шее болталось с десяток цепочек и шнурков. Спасибо, помадой рыбки губешки не намазал! Я еле сдержал приступ тошноты. Если знакомые нас заметят? Нормальным, серьезным людям современная инстаграмная мода не по нутру. Тоже мне — будущее страны! Плачевное.

— Аде звонили насчет Даши. — Пижон налил в чашку сестры чай.

Я глубже вдохнул дым кальяна. Началось! Знал ведь, что рано или поздно проблемы нагонят!

Горячая сестра обернулась ко мне, игриво выгнула бровь.

— Вам — нет? — спросила.

— Пока нет. Что ответила Ада?

— Солгала, что не в курсе. — Пижон размешал сахар.

Взгляд то и дело цеплялся за его клоунский маникюр. Чудилось, каждый в заведении замечает и презирает.

— Разбирательство может длиться долго. Родственников ищут. Насколько нам известно, большинство эмигрировало. С теми, кто остался, Марьяна не общалась. Мы переживаем. Могут возникнуть проблемы. В приюте девочке не место.

— Знаешь о приютах не понаслышке?

— И предпочел бы, чтоб не узнала Даша.

— Я тоже этого хочу! Даша со мной и моей женой. В полной безопасности. Я решаю пока...

— Вы рискуете! — вмешалась горячая сестра. — Нужно идти в социальную службу! Даша к вам привыкла, финансовые возможности у вас есть. Вам легко дадут опеку. У всех из-за вашего бездействия могут быть проблемы. А если Дашу объявят в розыск?

— Понимаю...

— А я вот не понимаю, почему вы медлите!

— Вы жене не рассказали, да? — Пижон прокрутил между ярких пальцев чайную ложку. — Кем вы представили Дашу?

— Племянницей.

Горячая сестра язвительно хихикнула.

— Обалдеть! — Она манерно прикрыла ладонью лоб. — Вы обманом заставляете жену воспитывать ребенка любовницы? На что вы рассчитываете? Все вскроется! Она вас возненавидит!

¹⁵ «Ишак» («Eshak») — ресторан в Киеве.

— Может, не будете лезть не в свое дело? Много вы понимаете в моем браке!

— Понимаю, что построен он на лжи!

— Девушка! Вас в вашем старообрядческом селе не учили уважать старших?

— Учили. Но не тех, что предают и обманывают и при этом воображают себя лучше других! Или думаете, мы не замечаем вашего пренебрежения? Интересно, что дает вам на него право? Возраст? Статус? Пол?

Пижон положил на стол деньги и встал из-за стола.

— Это по чеку. За все. Мы вас поняли. Разбирайтесь сами. Дашку только жалко.

— Ребята! Стойте! — Я подскочил, растерянно смял счет. — Прошу прощения за грубость. Вы хотите помочь. Но... Пожалуйста, присядьте. Извините... Я на взводе... — Обратился к горячей сестре: — Извините.

— Вы тоже извините за резкость. — Гневный огонек в ее темных глазах угас. — Ваша семья действительно не мое дело. Мы просто переживаем за ребенка.

— И я! Но... Черт! — Я стукнул ладонью по столешнице. Кровь прилила к вискам.

— Давление? — поинтересовалась горячая сестра.

— Отдайте Дашу Аде. — Пижон откинулся на мягкую спинку.

— У нее вас и так много.

— Нас у Ады нет. Я с невестой живу.

— А у меня своя квартира.

— Малыш скоро съезжают.

— А финансовые возможности? Стабильные источники дохода?

— Вы плохо знаете нашу Аду, — улыбнулась горячая сестра. —

С чем у нее порядок, так это с источниками.

— Она много пьет!

— Все пьют, — пожал плечами Пижон.

— Неожиданно...

Ребята предлагали идеальный выход, но что-то удерживало меня от согласия. Черт возьми! Я ведь только и ждал возможности переложить на кого-нибудь ответственность за девочку. Пусть Ада сама возится с ней, со службами и полицией. Скажу Ире: мамаша забрала. И заживем спокойно. Хватит выкручиваться, лгать! Правы ребята — шила в мешке не утаить. Все вскроется, и тогда...

— Это было бы разумно. Но... давайте не прямо сейчас! Надо ее подготовить. Жене обосновать...

— Вот мой номер. — Горячая сестра начеркала цифры на салфетке. — Пока учусь на хирурга, подрабатываю медсестрой. Если вдруг... Для Дашеньки, что смогу, организую.

Мне показалась странной идея обращаться за медицинской помощью к этой девушке, но она была права: случиться может все что угодно, а учитывая статус Даши на данный момент, неясно, куда обращаться.

— Есть еще один нюанс. — Пижон заправил за ухо волосы. — Мы не в курсе, где лежат Марьяшины родители. Так бы смотались во Львов да подхоронили Марьяну к родне.

Горячая сестра выдохнула длинную струю кальянного дыма.

— Надо знать кладбище и как минимум полные имена обоих родителей, — сказала она.

— Ребята, и что вы предлагаете делать с прахом? — Я уже понимал, чего от меня ждут.

— Можем отвезти урну к нам. Но...

— Есть Даша. — Горячая сестра грациозно сменила позу. — Когда она подрастет, ей вряд ли понравится, что мать похоронена неизвестно где.

— А что об этом думает Ада?

Они переглянулись.

— Мы не хотим ее вмешивать, — сказал Пижон. — Она и так на нервах.

— Уладим вопросы сами?

— Значит, заберу урну и... решу.

Я залпом допил остывший горький кофе.

— Спасибо, ребята, что так беспокоитесь.

— Это я пригласила Марьяну в Киев. — Горячая сестра промокнула салфеткой уголки глаз. — Мы познакомились, когда я училась во Львове. Она как раз искала работу. Я их с Адой свела. Казалось, все идет хорошо... Может, если б она не переехала...

— А может, если б я не купил ей машину!

Мы втроем грустно засмеялись.

— Она очень классная была, — сказал Пижон. — Будто еще одна моя старшая сестра. Даша — прекрасный ребенок.

— Самый лучший! — вырвалось у меня. — Черт! — Испугался, что на глазах у всех разревусь, и плотно сжал зубы. — Ты говорил, у тебя есть дети?

— Сын. Увы, мы не общаемся. — Беспечное выражение сползло с его холеного лица, как старая краска.

— Очень жаль, ведь... Только с возрастом по-настоящему ценишь... Моему мальчику было бы почти столько же, сколько тебе... И я где-то в твоём возрасте стал отцом... Не будем о грустном, и так... На связи, ребята! Я со всем разберусь.

Пижон протянул руку, совсем не холеную, в шрамах, горячую и шершавую на ощупь. Два пальца были без ногтей и короче остальных. Почему-то фиолетовый маникюр перестал раздражать.

Его сестра улыбнулась на прощание вежливо, но как-то дежурно. Я даже засомневался, что она действительно со мной флиртовала. Возможно, навоображал.

...Когда я узнал, что мой сын может не дожить до утра, я вышел из больницы, купил «сникерс», сел на лавочку. Стал думать, как все исправить, как решить проблему. Но... не решил. И позже стоял с его трупом на руках, осознавая, что все просрал.

На следующий день я сделал то, от чего отлынивал уже лет десять. Я поехал к сыну. К своему стыду, я не мог вспомнить ни номер, ни расположение могилы, поэтому сделал круга четыре. Наконец узнал колодец под тополем и припарковался неподалеку.

На гранитной плите мы с Ирой указали только имя и даты жизни. Очень короткие. Фото сына у нас не было. Мы попросили выбить на надгробии небо и солнце, а еще подпись, что он всегда в наших сердцах.

С удивлением я заметил, что могилка была прибрана, на гальке розовел свежий букет. Стояла погасшая лампада, лежала маленькая яркая куколка. «Лол!»! Господи! Ира была тут совсем недавно. Не одна. Она зачем-то притащила Дашу на могилу нашего сына!

Я пытался вспомнить лицо своего ребенка, но не мог. Мой малыш, прозрачный, обмотанный трубками, почти стерся из памяти. Вся его короткая жизнь прошла в боли. Чувствовал ли он нашу любовь? Нам с Ирой сказали, что, даже если выживет, будет инвалидом. Предложили оставить в роддоме. Сказали: «Вы молоды, будут еще». Ира тогда сжала мою руку и глянула в глаза с ужасом. Неужели хоть на миг могла предположить, что я оставляю своего ребенка? Я ответил тогда очень строго: «Главное, чтоб выжил. А уж все остальное — решим!»

Вернулся аккурат к ужину. Пытался прикидываться веселым, но выходило плохо. Ира заметила гармошку напряженных морщин на лбу и задумчивый взгляд. Когда Дашенька пошла смотреть мультики, Ира накрыла мою руку своей и спросила, не болит ли у меня что-нибудь.

— Я ездил сегодня на кладбище. К нему.

Ира резко убрала руку, заправила за ухо прядь.

— Ты водила туда Дашу?

— Нельзя?

— Зачем?

— Это ее двоюродный брат. Она сама захотела.

Что возразить?

— А ты зачем ездил?

— Нельзя?

— Странно. Столько лет, и вдруг... Что это ты о Сашеньке вспомнил?

— В смысле? Я что, забывал?

— Не знаю. Ты никогда о нем не говоришь.

— О чем там говорить, Ира? Зачем постоянно ездить? Если ездешь ты...

— Кто-то же должен.

— Ты никогда не просила съездить вместе.

— Ты не предлагал.

— Это не значит, что я забыл!

— А что это значит?

— Что... Ира, я не забыл. Но... Зачем ковырять рану?

— Я, по-твоему, ковыряю? Просто люблю нашего сына.

— Его нет, Ира!

— Есть. Для меня. Каждый день я говорю ему «доброе утро». Мысленно целую на ночь. Я помню до мельчайших подробностей его прекрасное личико.

Она отошла к плите.

— Но я понимаю, — продолжила тихо. — Каждый справляется по-своему. Тебе легче было вычеркнуть Сашу, как...

— Я не вычеркивал, Ира! Но ты тогда ушла в себя. Я боялся уже и за твое здоровье! Кто-то должен был думать о будущем, пока ты закрылась в горе.

— Потому что ты не хотел его со мной разделить!

— Я делил! Это было и мое горе! Что толку, если б я тоже превратился в зомби? Ира, я переживал ту же боль, но находил в себе силы думать не только о ней, но еще и о тебе.

— Да ты даже имя его за эти годы ни разу не произнес! Боялся, что станет овощем? Сломает идеальный план твоей будущей идеально контролируемой жизни? Когда Саша наконец-то перестал дышать, ты вздохнул с облегчением!

Я замахнулся. Впервые в жизни чуть ее не ударил.

— Ирочка! — крикнула перепуганная Даша. — Дядя!

— Все хорошо, Дашенька. Мы с дядей не ссоримся, мы играем. Иди смотри мультики. Скоро сказку читать и спатеньки.

В глазах Иры не было ни капли тепла. Чужая женщина! Хотя вроде и моя жена... Я ушел в спальню. Я не хотел Иру больше видеть. Никогда.

Если б не Даша, я бы уже собрал вещи. Ира считает, что все эти годы жила с чудовищем. Бесчувственным мудаком! Раз так, не хочу больше портить ей жизнь. Даже не собираюсь оправдываться, доказывать. Умолять простить за то, что наплевал на нашего малыша, хотя это не так. Он мог бы стать самым главным человеком в моей жизни! Я потерял его точно так же, как и она!

Ира вошла без стука. Села на край кровати. Мы долго молчали.

— Прости, — промолвила.

— Ты действительно думаешь то, что сказала?

— Нет. Не знаю... Прости... Ты отошел от его смерти так быстро...

От этого стало еще больнее.

— А я отошел, Ира? Как ты думаешь, я не говорил о нем и не ездил на кладбище, потому что мне все равно? Наоборот! Вспоминать об этом до сих пор так... Нет, мне не все равно!

— Я боялась, что... Желание жить дальше без него — предательство. Как будто, раз я мало о нем плакала, значит, мало любила.

— Ира! Помнишь, что мы написали на камне? Он навсегда в наших сердцах!

Ира разревелась. Я укрыл ее в объятиях. Почему горе не скрепляет? Может, потому, что боль невозможно поделить на двоих? Она у каждого все равно будет своя.

— Ира... — прошептал. — Может... Знаешь, есть люди, которые верят, что можно вернуться в этот мир. В своих внуках, например...

Может, и Саша бы... Вернулся бы к нам еще раз — в брате? Может, попробуем? Рискнем?

Ира оттолкнула меня и встала.

— Ладно. Забудь. Не судьба, значит. Все... Все нормально. Понимаю, ты не хочешь...

— Хочу! — внезапно выкрикнула и ударила себя в грудь. — Я хочу! Но... — Она снова присела рядом. — Пару лет назад я была у врача... У меня уже все... непросто очень. Прости, что не сказала. Я знала, что ты хочешь. Я боялась! Я понимаю, что тебе нужны дети. Прости! Пожа-луйста! Я... пойму, если ты решишь идти дальше без меня. Потому что... Тебе нужна настоящая семья...

— А мы какая? Самая настоящая! Сейчас столько возможностей! ЭКО, суррогатные мамы... Я готов пробовать, несмотря на сложности.

— Раз я не смогла родить здорового ребенка тогда, будучи молодой, что же выйдет теперь? А может, все из-за меня? Помнишь, под дождь вышла, потом простыла? Или еще — полезла за книжкой и упала...

— Доктор сказал, это были мелочи и никак не могли повредить.

— Да что тогда были за врачи? Вдруг это я виновата?

— Вдруг — я? Сбой по моей линии? В моем ДНК? Ира, мы не знаем. Какой смысл себя корить? И даже если мы что-то сделали не так, это не повод всю жизнь потом бояться повторить. Мы не за все можем отвечать!

— Не верю, что это говоришь именно ты! Человек-план!

— Да я сам не верю! — Я нервно засмеялся. — Но... Я в последнее время понимаю, что не так уж и много зависит от нас. Все может перевернуться в считанные секунды. Под нашим контролем так мало... Мало, Ира...

— А если не получится? ЭКО и суррогатное материнство — это не так просто.

— Значит, не получится. Признаем, что не судьба.

— Мне все время казалось, ты уйдешь... Столько лет в этом страхе... В подвешенном состоянии, твоём холоде... и равнодушии!

— Так ты сама закрывалась! Сколько мог я стучаться в закрытую дверь? Я не читаю мысли, Ира! Я чувствую холод — и сам... отмораживаюсь. Это нормальная человеческая реакция. Мне ты была важнее детей. Важнее всего!

Я повалил ее на кровать. И целовал... раздевал... Потому что все в ней вроде знакомо, а всегда так ново и желанно. Нет и не было у меня никого ближе нее и роднее!

Потом, отдышавшись, Ира уткнулась мне в шею. Прошептала:

— Слава богу, у нас теперь есть Дашенька! Давай ее не отдадим?

В офис я зашел в отличном расположении духа. День без дурацкого урока английского — хороший день.

В комнате отдыха Никита пил кофе со своей дочуркой. Та, как обычно, была отстраненна и меланхолична. Надо же — при такой

привлекательной внешности выглядеть настолько отталкивающе! В ней не было жизни, энергии, ни капли обаяния.

Попрощавшись, она заглянула в туалет. Я не следил, просто мне тоже нужно было, и я заметил ее бежевый плащ, мелькнувший за значком «WC». Вышла Алекса после меня, потому что я успел и в кабинет зайти, и с сотрудницей перебраться парой слов. Я как раз флиртовал с новенькой девушкой у стойки. Она была абсолютно не в моем вкусе, но я люблю поднимать себе настроение ничем не значащими любезностями с женщинами, которые мне симпатизируют.

Обернулся на звонкий хохот. Алексу словно подменили. Она вертелась у зеркала, снимала себя на телефон и даже довольно мелодично пела. Флегматичная еще полчаса назад, она вела себя так, будто выпила несколько бокалов шампанского. Девушка привлекала слишком много внимания, на нее оглядывались сотрудники. Я хотел было попросить ее хохотать потише, но наткнулся в зеркале на неживой, застывший взгляд. Она тут же его отвела. Резко развернулась, не удержала равновесие и со всего размаху врезалась в мое плечо.

Ее сумка упала на пол. Молния оказалась расстегнута, и все содержимое вывалилось. Я извинился (хотя Алекса сама была виновата) и присел, чтобы помочь подбирать вещи. Сплошь бабские побрякушки: пудреница, расческа, салфетки, духи, помада... наушники, ручка, блокнот, кошелек... жвачка в блестящей фольге... Стоило взять ее в руки, девушка тут же выхватила и спрятала в самый дальний кармашек.

— Сорри! Моя любимая жвачка. Не делюсь. — Алекса подмигнула и растянула пухлые губы в несвойственной для нее соблазнительной улыбке.

Я бы поверил, что она просто страдает переменами настроения. Я бы поверил, что в блестящей фольге была именно жвачка. Поверил бы — будь мне десять!

— Нужно поговорить, — сказал Никите.

Тот сразу понял по выражению моего лица, что разговор приятным не будет.

Он потом кричал в трубку жене, чтобы та обыскала дочку. Порывался сам за ней ехать. Сорвал с учебы беднягу жениха. Заставлял его подкараулить Алексу и вывести на чистую воду. Семья церберов. Их жизни и мысли крутятся вокруг поступков маленькой эгоистки. Употребляет или нет? Обругать или промолчать? Идти на крайние меры или сделать вид, что ничего не случилось, чтобы не рушить шаткий покой?

До чего же мне все это было знакомо! Мы с мамой то же самое проходили. Действовали сообща, но проиграли. И эта семья проиграет. Им кажется, общая беда их сблизит. Но когда все уляжется — если все уляжется, — они в глаза друг другу не смогут смотреть от стыда за собственную слабость.

Вечером я позвонил Никите узнать, как развивалась ситуация. Плохо! Был большой скандал. Алекса отнекивалась, плакала, злилась, что ей не доверяют. Жених в очередной раз пригрозил расставанием. Жена позвонила в клинику. А дочь пообещала выпрыгнуть из окна. Веселье...

— Правильно, что сказал, — успокоила меня Ира. — Это не шутки. Родители должны знать, чтобы иметь возможность ее уберечь.

— Черт его знает, Ира. — Впервые в жизни я не был до конца уверен, что поступил верно. — А если я ошибся? Мало ли отчего она была веселой? Молодая девчонка! Что у них в голове?

— Но ты видел у нее...

— Мне показалось, я видел чек¹⁶. Но зрение-то у меня не орлиное! Вдруг это действительно была жвачка?

Я наворачивал круги по комнате и не мог успокоиться.

— Все равно ты поступил верно. Тут лучше перестраховаться.

— Лучше? А что они могут сделать? Только душу себе рвут.

— Могут отправить дочь в клинику.

— Ей исполнилось восемнадцать. Взрослая.

— Да какая она взрослая? Я к ней очень хорошо отношусь. Добрая, талантливая девочка. Но до чего же она глупая! Я уверена, ты все понял верно. И сейчас, возможно, предотвратил большую беду.

— Ира... было бы все в жизни так очевидно. — Я выдохнул и погладил лысину.

Господи, почему я, такой взрослый и разумный, не разобрался до сих пор, что правильно, а что нет?

— Обещай, что мы убережем Дашу от всего этого.

— В смысле? — Я повернулся к жене.

— С каждым днем все больше убеждаюсь, что Насте ее отдавать нельзя.

Ира забронировала столик в ресторане. Дашеньку взяли погулять Ирины родители, повели в развлекательный центр. Жена надела мое любимое серое платье, в котором ее талия казалась тоньше дерева. Я пригубил из большого бокала, погладил ее нежную руку.

Когда мы только начинали встречаться, ни в какие крутые рестораны мы, естественно, не ходили. Помню, как в кино ее приглашал, а она достала билеты в цирк. Напротив нашего Политехнического — зоопарк, мы часами могли бродить между вольерами. Не всегда нам было о чем говорить, но само присутствие Иры вызывало ощущение приятного хмелька. Она смущенно улыбалась, я болтал чушь. Все это не имело никакого значения, ведь у загона с тиграми я целовал ее маленькую родинку над губой. Мне нравилась ее легкая походка и то, как она клала руку на чашку с горячим чаем: грела. Ее имя звучало как заклинание. Я мог повторять его сотню раз.

— Как ты смотришь на то, чтобы выбрать Даше школу? Я предлагаю частную, возле нас. Мне и педагог понравился, и помещение. Уютно, как дома. В классе всего десять человек.

— Я не против, но давай вместе найдем. Хочу сам пообщаться с персоналом и ознакомиться с программой. Вдруг они учат плохо? Не хочу,

¹⁶ Чек (сленг.) — маленький сверток фольги с героином.

чтоб Дашка отставала. Она умная, усидчивая, смекалистая. Это надо развивать.

— Моему выбору не доверяешь?

— Всецело доверяю! Но я тоже хочу быть в курсе всего. Все-таки это теперь наша с тобой Дашенька.

Ира сияла. Лет десять с лица стерла. Рядом с ней теперь спокойно. Она больше не смущается, она смотрит прямо, ее взгляд глубокий и завораживающий, как звездное небо. Родинка над губой все та же. Как-то Ира надумала ее убрать, я сказал, что только через мой труп. Если раньше меня привлекли ее сдержанность и невинность, то теперь-то я знаю, каким моя жена может быть вулканом страстей. И это разогревает куда больше — тайна, которую хранят только для тебя. Ее волосы стали со временем пахнуть иначе, куда-то ушли милые щечки, но четче сделались скулы — проявилась порода. И даже носик истончился, словно время его обтесало. Я любовался этой новой Ирой, элегантной, сильной, тонкой. Сколько еще новых Ир предстоит увидеть!

Я впился в ее губы.

— Домой поехали? Прямо сейчас?

В машине я гладил ее колено, клал руку себе на молнию.

— Горячо так, — шептала Ира, щекотала шею дыханием.

Мы завернули в наш двор, и я уже нащупал под свитером Ирин лифчик...

Зазвонил телефон. Я услышал встревоженный голос тещи.

— Уверена? — не отнимая от уха трубку, Ира разочарованно вздохнула. — У Даши температура, — сказала, прикрыв динамик. — Да, мама, я сейчас же за ней приеду.

— Разворачиваемся?

— Давай я за Дашей, а ты пока что закажи нам вкусного, а то в холодильнике пусто.

— Я съезжу, а ты закажешь.

— По дороге надо бы лекарств прикупить. Ты запутаешься, какие брать. Подожди нас дома.

Ира пересела в кресло водителя и завела авто.

Я поспешил к подъезду.

Под фонарем стояла женщина в пальто, похожем на стеганое одеяло, и смотрела на меня в упор. Я сделал вид, что не заметил пристального взгляда, прошел было мимо, но резко остановился. До меня дошло, кто это.

— Настя? — сказал тихо, испуганно.

Надеялся, что ошибся.

— Привет, — узнал ее все еще детский голос.

Настя собрала когда-то длинные и густые, а теперь изрядно поредевшие рыжие волосы в хвост на затылке. Если бы она вела себя неадекватно, кричала, не держалась на ногах, я бы без зазрения совести прогнал ее. Но моя младшая сестра не казалась ни пьяной, ни угашенной. И она мне улыбалась.

— Хотела увидаться, обсудить кой-чѐ, а ты всюду меня заблокировал. Я...

— Что мерзнем? Пошли.

Дома Настя сняла пальто и осталась в смешном свитере с Микки-Маусом. В мочках ушей поблескивали серьги в виде хот-догов. Настя так и не сумела вырасти. Только старилась. Морщины резали лоб, губы теряли былой контур, худоба казалась не изяществом, а изможденностью. Но она по-прежнему была по-своему привлекательна. Или мне так казалось, потому что я всегда ее очень любил?

Она села на диван и поджала под себя ноги в носках с блестящими гусеницами. Я думал о том, что уйти она должна раньше, чем вернется жена.

— Скоро Ира будет. Она после прошлого раза запретила тебя в дом пускать. Поэтому...

— Запретила? Сириасли? Ну ок. Это типа намек, чтоб валила?

— Нет, это... Да. Примерно так.

— Радужненько. Ну да ладно. Понимаю. Прошлый раз было такое... Но ты не это... не думай. Я не за баблом. Я наоборот, это... На счет мамы. У нее юбилей. Думала, может, мы с тобой это... придумаем что-нибудь? Она счастлива будет, если мы вместе забацаем чего. Типа помиримся.

Я чуть чай не пролил, настолько ее слова меня удивили. Настя вспомнила про маму. Настя хочет помириться. Ущипните меня!

— Вместе организовать маме праздник?

— Сириасли, чего ты такой типа удивленный? Это наша мама. Любимая!

— Ты давно об этом не вспоминала.

— И с чего ты взял? Я с мамой всегда на связи.

— Что?

Я поставил горячую чашку на подставку.

— С какого ты взял, что я не общаюсь с мамой?

— Она не рассказывала.

Настя засмеялась смехом нашкодившей девчонки:

— Ссыкует!

— Мама меня боится? Что за бред!

— Тебя все боятся, — фыркнула Настя и сняла носки, под которыми оказалась еще одна пара — в красный горошек. — Ты типа весь такой командир дотошный. Маме запретил со мной видаться, вот она и боялась тебе признаться, что мы общаемся.

— Запретил, потому что ты деньги из нее тянула.

— А какое твое дело? Тянула, не тянула... Это и моя мама! А ты со всеми, будто они — вещи. Запретил то, разрешил это. Из-за тебя у меня не детство было, а хренов концлагерь. Сириасли! То низзя, это низзя...

— Прекрати! Я думал, ты мириться пришла, а не высказывать детские обиды.

— Мириться. Но ты первый начал!

— Хочет мама, пусть общается. Она взрослый человек. Что считает нужным, то и делает. Только потом пусть не жалуется, что ты ее снова развела.

— Да что ты опять? Ты ж видишь, я в завязке! Нормас у меня все! Пришла, блин, брата увидеть. Думала, посидим, чай попьем, для мамы радость порешаем. А ты снова!

— Прости! Все. Я не буду. Ты в завязке. Какой, кстати, по счету?

— Да пошел ты! — Настя натянула обратно носки и подорвалась с дивана.

— Стой! — Я схватил ее за руку.

Если Настя живет в Киеве, рано или поздно она может пересечься с Ирой. И откроется, что никакой дочки у Насти нет.

— Прости! У меня к тебе серьезный разговор. С мамой решим, конечно, вместе поздравим... Но! Сядь, пожалуйста.

Настя скорчила недовольную гримасу, но опустилась на диван.

— Мне нужна твоя помощь, сестра.

Я сказала «сестра» многозначительно, чтоб она прочувствовала силу уз, которые нас связывали.

— Настя... Ты в Киеве сейчас?

— Сейчас? А чё сейчас? Я ваще-то уже сто лет в Киеве. И если б ты...

— Обожди! Мама знает, где ты?

— Говорю ж, да! Предлагаю, поехали с тобой и с Ирой в Каменец на юбилей. Я своего возьму...

— У тебя новый муж? Снова из... этих? Это тот хипстер, что с тобой приходил?

— Да что ты опять! Какой хочу, такой и муж! Хоть торчок, хоть хипстер! Что ты всюду лезешь!

— Все. Не лезу. Не мое дело. Прости, Настя! Мне нужна твоя помощь.

Она откинулась на спинку, удивленно прищурилась.

— Конечно, брат, я... Помогу! Говори, чем надо?

— С нами сейчас живет ребенок.

— Ого! И чё?

— Дочь одной моей... знакомой. Но я сказал Ире, что это твоя дочь.

— Чё?!

— Так нужно было. Я не мог сказать Ире, чей это ребенок.

— Твой? — Настя расхохоталась. — Ты притащил жене нагулянную малую?

— Нет! Это не мой ребенок. А знакомой.

— Которую ты трахаешь?

— Настя! Это важно! Услышь! Скоро девочка уедет. Если потом при встрече Ира спросит о ней, подтверди, что дочь твоя.

— А она не удивится, куда делась моя дочь? Не попросит увидеться?

— Скажешь, отдала отцу.

— Чё? Да я в жизни б свою малую никому не отдала! Чё ты из меня перед всеми вечно тварь лепишь?

— Настя!

— Да ты охренивший вкрай! Имел бы хоть совесть сказать правду. Типа, сеструха, так-то и так, ерундовина приключилась, каюсь, нагулял дите, не знаю, как разрулить. А ты, и лажая, боишься выглядеть неидеальным!

— Не мой это ребенок! Ладно, проехали. Зря только рассказал.

— Посмотри на себя! Сидит важничает. Святошу корчит, а сам-то? Нагулял дочь, притащил в дом и хочешь, чтоб я, тварь такая неблагодарная, — так ведь ты на меня орал? — тебя прикрыла? И кто после этого лицемерное дерьмо? Я, может, и не вся такая правильная, но я хоть не лживая. А ты весь из гнили! Думаешь, что-то там заработал — все тебе можно? Все мы должны вокруг ходить по струнке? А ты нам во где со своими нотациями! И меня, гляди, приплек! Снова хотел за чужой счет остаться чистеньким! Типа на моем фоне беленький? Нет уж! Не все мне ходить семейным уродом. Сириасли! Теперь пусть твое настоящее лицо увидят!

— Ладно, Настя. Вижу, по-хорошему не выйдет. Да, ты — неблагодарная тварь. Для которой я столько сделал, а ты не оценила. Сам дурак. Не нужно было.

— Не нужно! Я, что ты там для меня делал, не просила. Делал он! Ты к моему мужу на похороны приехал? Поддержал? Да ты ходил радовался, что его не стало!

— Этот торчок утянул тебя на дно!

— Мое дно! Мое! Я с тобой, когда Сашеньки не стало, была. И ярлыки не вешала, кто прав, кто виноват. А ты просто не переживешь, если кто-то сделает не так, как ты считаешь нужным!

— Хорошо. Я понял. — От злости на нее меня колотило, но сдерживался, чтоб не схватить за рыжий хвост и не подвесить под потолок на люстру. — Сколько ты хочешь?

— Покупаешь?

— Покупаю. Сколько ты хочешь за молчание?

— Хату! — Она развела руками. — А что? Могу еще машину затребовать, но ты — брат, я с пониманием. Поэтому — «двушку» в новостройке.

— Я, по-твоему, олигарх?

— Нет, но удавишься, чтоб никто не прознал твои грязные секретки! Не дай бог, заподозрят, что ты не мерило праведности. Так что разберешься. Бабосы точно у тебя водятся.

— Хорошо.

— И сейчас денег дай.

— Сейчас?!

— Да! Там Ира твоя на подходе, так? Вот я ее дождусь, и пусть малая твоя меня как мамку признает! Или не признает? Что же твоя Ирочка-фифочка скажет на все это? Она при разводе тебя больше разует, чем я.

Наличкой была только тысяча долларов и пятерка штук гривен.

— Мало! — взвизгнула Настя, когда я выложил перед ней деньги.

— На карту?

— А чё такой бледненький? Сириасли! Может, чем угостить, повеселеешь?

— Вон!

Настя скалила желтые зубы, как гиена.

Позвонила Ира. Понял, что она близко и я не выкручусь.

— Ирочка, ты на месте? — спросил в трубку, стараясь звучать непринужденно, но голос меня предавал.

— Мы подъехали. У тебя там все в порядке?

— Да. Как Даша?

— Горит, кашляет и сонная. Спустись, заведи нас.

Я обернулся к сестре. Но диван был пуст. В коридоре хлопнула входная дверь. На столе остались лежать в беспорядке деньги, которые я решил отдать. Но она не взяла. Почему? Я быстро нашел Настин номер в старых сообщениях и разблокировал. Набрал. Звонок сорвался. Набрал еще раз, но не дозвонился. На этот раз заблокировала она.

Когда я коснулся Дашкиного лобика губами, он был горячим, как утюг. Впервые я видел малышку вялой. На руках донес до постели, Ира раздела ее и укрыла одеялом. Мы сидели у ее кровати, поили теплым молоком с медом и сиропом от температуры. Ира читала сказку, я держал маленькую мягкую ручку. Как только Дашенька уснула, мы по очереди поцеловали ее в лоб и тихо вышли из комнаты.

— Мне показалось, я во дворе видела Настю, — сказала Ира, заваривая чай.

— Тебе показалось.

— А если нет? — Ира смотрела сквозь меня. — Она заберет Дашу? — пробормотала в отчаянии. — Заберет? А ты можешь попросить, чтоб она ее нам оставила? Ведь ей она вряд ли нужна!

— Ира...

— Да, прости, я говорю глупости. Это ее дочь. Конечно, она ей нужна! У меня, видишь, уже паранойя. Боюсь, Настя в дверь позвонит. Зайдет, скажет: «Отдавайте Дашу!» Ведь так и будет. Это же на время. Так ведь? Мы ведь знали, что она с нами временно...

— Ира! Я должен тебе кое в чем признаться!

Она поставила чашку и внимательно на меня посмотрела.

— Даша... Она...

Я обязан ей все рассказать! Честно! Сейчас же! Так больше не может продолжаться! Скоро Дашу начнут искать, если уже не ищут. Возможно, найдутся родственники, которые по закону могут забрать. У них на Дашу куда больше прав, чем у меня. Я вообще ей никто! Ребенку нужно сказать, что мама умерла. Ире сказать, что... что у меня была другая. Да! Придется сказать. И тогда я потеряю Иру. Потеряю любимую женщину! И потеряю Дашу — самого чудесного ребенка на свете. Малышку, которой могу дать больше, чем родственники, которых она даже не знает. Больше, чем Ада и вся ее безумная семейка.

— Ау! В чем признаться?

— Что...

Сейчас! Будь же женщиной! Пусть ты все потеряешь — за поступки приходит расплата! Твой обман — карточный домик. Везение, что Марьяна зарегистрирована во Львове, а бюрократия у нас до сих пор как во времена Империи. Ты не сможешь выкручиваться вечно. Или сможешь?

— Это действительно была Настя.

Ира прикрыла рот рукой.

— За Дашу она просит квартиру.

— Что?

— Я куплю ей квартиру, и она отдаст нам Дашу навсегда.

Ира сцепила в замок руки и повернулась к окну. Медленно-медленно она стала прохаживаться по комнате. Замерла и спросила:

— Мы можем себе это позволить?

— В Каменце точно. В Киеве... придется подужаться.

— Тогда... Это правильное решение. Пусть юридически откажется от родительских прав в нашу пользу. Правильно? Ведь мы позаботимся о Даше лучше? Да? — Она смотрела на меня так, будто от моего ответа зависело все.

— Да.

Ира вздохнула и расправила плечи, словно с них свалился огромный груз.

— Да! — сказала радостно. — У нас наконец-то будет самая чудесная в мире дочь.

Самая чудесная в мире дочь закашляла, захрипела, на маленьком лобике дождевыми каплями выступил пот. Ира протерла его прохладной влажной салфеткой, пока я набирал в дозатор жаропонижающий сироп. Уложили самую чудесную в мире дочь между нами, по очереди приносили воды и клали на язычок вкусные детские таблетки.

— Мамо, матусю!¹⁷ — звала Дашенька слабым голоском маму, которой больше не было в живых.

Утром я встал раньше девочек, нервный, сутулый. Во рту привкус рвоты, стереть который даже любимый «сникерс» не помог. Ночью толком и не засыпал: беспорядочно отключался и тут же открывал глаза, гонимый липкими кошмарами.

Поцеловал Дашу в лобик. Малышка уже не пылала спичкой, но кожа казалась непривычно розовой и слишком теплой.

— Вызовем врача? — Ира, помятая бессонной ночью, вошла на кухню, кутаясь в пушистое облако халата.

Никакого врача! В свидетельстве о Насте ни слова. Ира все поймет. Ира меня проклянет.

— У нас нет документов.

— Ну и что? Они без свидетельства не придут?

¹⁷ Мама, мамочка! (укр.)

— Если обычная простуда, зачем врач?

— Когда тебе на работу?

— У меня семейные дела.

Ира устало улыбнулась:

— Позвоню Танечке, скажу, чтоб сегодня справлялись без меня.

— Опять блины в парке?

Налил жене кофе, она плечами пожала и прикусила губу.

— Нет. Я же говорила... Впрочем, забудь. Ничего важного.

Ира включила плиту, потянулась за гранолой, и только тогда я вспомнил.

— Черт! Аукцион в посольстве!

— Я не пойду.

— Ты этого год ждала!

— Я же не могу бросить Дашу!

— Ты ее не бросаешь, а оставляешь на... меня. Я могу вообще в офисе в ближайшие пару дней не появляться.

— Хочешь сказать, что останешься сам с больным ребенком, а я развлекаться пойду?

— Не знал, что для тебя это развлечение. Думал, важная работа.

Пусть не ради денег, но ради помощи другим.

Во взгляде жены скользнуло удивление, радужки потеплели, порозовели щеки.

— Ира, я все помню по лекарствам, по графику. Смогу и почитать, и накормить.

— Уверен?

— Надо же привыкать, что теперь у нас дочь.

Она обняла меня так крепко, что стало трудно дышать. Или дыхание перехватило оттого, что я почувствовал чуть ли не впервые ее искреннюю благодарность?

Застегнул ожерелье на нежной белой шее. Носом потерся о затылок, поцеловал макушку. В зеркальном трюмо отражалась потрясающая женщина. Нет, не годы она стерла с лица, а скорбную усталость последних лет. Серые глаза сияли ярче камней в ожерелье. Мягкие губы вернули, казалось, утерянную пухлость. Ладонями провел по голым плечам, прижал к себе за талию, обтянутую бархатом платья, и затвердел весь. С ней и для нее. Я отражал слепящее сияние своей потрясающей жены, как верный спутник Солнца.

— Жаль, что не увижу, как сильно ты постаралась, — шепнул на ухо.

— Малыш... это только благодаря тебе.

— Нам.

— Нам.

Дашенька подкашливала, но жар спал, глаза слезились меньше. Она лежала укутанная и смотрела на планшете мультик.

— Пока, Ирочка! — помахала маленькой ручкой. — Ты очень красивая.

— Не обижаешься, что я иду по делам? — Ира присела на край кровати и лучше укрыла маленькие ножки.

— Не! Нам с дядей будет весело!

Я не хотел тревожить Иру по пустякам. Не дай бог, подумает, что не справляюсь с элементарной проблемой.

Щеки Дашеньки пошли розовыми пятнами, кашель усилился. Рукой она терла грудь, и ни одна кукла ее не радовала.

— Здравствуйте. — Мой голос выдал волнение, когда я набрал номер, наспех начирканный на салфетке.

В домофон она позвонила через сорок пять минут. Шпильки застучали по паркету, песцовый жилет пах целым парфюмерным магазином. Я открыл окно, чтобы до прихода жены выветрилось. На специалиста она совсем не походила. Я сорвал ее со свидания: корзину с розами она оставила в коридоре. Зато приволокла в большой сумке стетоскоп.

Даша узнала ее, назвала по имени (непроизносимому), обвила руками. Стала тут же засыпать вопросами о матери. Горячая сестра вопросительно смотрела на меня, и я старался переводить тему.

— Скорее всего, воспаление легких, — сказала она в коридоре. — Я пока что лишь медсестра. Вести пациента не имею права. Нужна госпитализация.

— Так все плохо?

— Нужно сделать посев. Установить точный диагноз. Скорее лечить.

— Прямо сейчас?

— Вызывайте частников и следуйте их рекомендациям, — сказала и плотно сжала малиновые губы.

— Да я верю вам! Верю! Не надо никого другого вызывать. Тем более Даша вас знает, ей так спокойнее будет. Как скажете, так и сделаем.

— Сегодня не моя смена. Но попытаюсь договориться. Поехали. Возьмите наличку.

Ира сорвалась из посольства в больницу и злилась, что я не сообщил сразу. Анализы назначили на раннее утро, за внушительный кэш удалось выбить отдельную палату. Взяли без оформления. Горячая сестра шепнула, что документы все же понадобятся.

— Не все, — улыбнулась, — решаю я. Или деньги.

Кем приходилась мне расфуфыренная девушка, жена не спросила. Обеспокоенная здоровьем Даши, она не задавала лишних вопросов. Попросила лишь вещи привезти и добавила:

— Надо Насте сообщить.

— Она не дала свой новый номер, — солгал я.

— Возможно как-то вычислить того парня, что с ней приходил? Например, по телефону, что он тогда у нас забыл?

— Зачем он нам?

— Думаю, он отец.

— Не надо нашей Дашеньке таких отцов!

Ночь не спал. Не завтракал. Рванул в больницу.

На пороге палаты Ира приняла букет, забрала пакет со сменной одеждой.

У постели сидела хорошенькая медсестричка. Темные прядки выбивались из-под головного убора, вздернутый носик блестел, улыбка на фоне загорелой кожи казалась особенно белоснежной.

— Доброе утро, — сказала.

Услышав знакомый голос, узнал горячую сестру. Собранная, поделовому напряженная, в хлопчатобумажном халате, нелепом чепце, старомодных балетках с перфорацией, без капли косметики, она была по-детски свежа и мила. И это юное создание я счел опытной соблазнительницей? Стыдно даже... Простая симпатичная девчонка! Нынче молодежь незнамо что из себя корчит... А по факту — дети!

— Пойду я. У меня еще пациентов полно. До встречи, Дашенька!

— Ты с этой девушкой знаком? — спросила жена, когда горячая сестра покинула палату.

— Вскользь.

— Даша ее знает. Подруга мамы, сказала. Подруга? Насти?! Девушка такая милая... И не подумаешь, что маргиналка...

Бактериальное воспаление легких подтвердилось. Я поехал за лекарствами по списку. Как обычно, в государственной клинике и бинтов в обрез.

Привез.

Даша с койки замахала блестящей капсулой с новой куколкой «Лол».

— Откуда куклолка?

— Подружки мамы подарили, — радостно сообщила Даша.

Похолодел. Медленно вдохнул. Выдохнул. Началось!

После лекарств Даша уснула. Ира предложила выйти подышать воздухом. Пациенты в шлепках и куртках, накинутых на пижамы, курили. Я бы тоже не отказался!

— Настя не звонила? — спросила жена.

— Нет.

— Зато послала проверить, как дочка поживает.

— В смысле?

— Две лицеистки приходили.

— Лицеистки?

— Девочки в школьной форме лица. Одна как с картинки, у другой на личике родимое пятно. Они назвались, но имена были очень длинные, иностранные, и я не запомнила. Куклу подарили. Сказали, что подруги Дашиной мамы. Много же у Насти юных подруг!

Да уж... Зачем младшие сестры Ады заявили в больницу? Они же не могли не понимать, как неправдоподобно звучит это их «подруги мамы»! Как они меня подставляют!

— Настя, когда приходила, была трезвой? — спросила Ира.

— Да. Сказала, завязала.

— Может, стала учительницей?

— Да ты что!

— Смотри, какие молодые и преданные у нее друзья. Совсем не из прежней тусовки. Или я ошибаюсь? Может, она в школе продает?!

— Настя начала новую жизнь.

— Без дочки?

— Ира... Не читаю я мысли.

— Я тоже. Иначе бы давно поняла, зачем мой муж делает из меня дуру!

— Ира... Может, покурим?

— Что, черт возьми, происходит?! Чей Даша ребенок?! Твой?!

— Нет. Ира... Давай все-таки покурим... Как в универе, помнишь?

— К черту иди! Это твоя дочь?

— Нет. Одного человека. Друга.

— Женщины?

— Да. Но...

— Эта женщина — друг?

— Близкий.

Ира нервно засмеялась:

— Насколько?

— Ира... Мы...

— Нет! Стой! Молчи! Не говори!

— Ира...

— Не надо!

Лицо окунула в ладони.

— Ее больше нет, Ира! В живых. Этой женщины. Больше нет.

Жена медленно опустилась на лавку.

— Даша знает?

— Нет.

— Господи! Как это?..

— Авария.

— Господи! — Ира растирала виски. — А родственники?

— Она из Львова. Отца у Даши нет. Бабушка с дедушкой тоже...

погибли.

— Господи! У ребенка совсем никого нет?

— Только мы.

Иру мои слова крапивой ударили: вздрогнула, кулаки сжала. Я хоть словечка ждал, как Ной ворона после Всемирного потопа. Но, как и Ной, не дождался.

— Ира...

— Долго вы были вместе с... этой женщиной? — роняла слова, будто гири на пальцы, такой болью откликалось тело.

— Я с ней вместе не был. Я с ней...

— Заткнись!

— Виделся.

— На кофе! — Ира заливисто хохотала, кусала ногти и губы.

Я стоял перед ней раздетый. Стоял без кожи. Весь — рваная рана. Сердце налилось свинцом, хрупкие ребра не могли эту тяжесть вынести — трещали, крошились.

— Ты ее любил? — Ира всю тяжесть моей вины в этот вопрос вложила.

Тут же потухла, лишь короткий фитилек остался.

— Я люблю тебя.

Вскочила. Завилила между сигаретами в руках, тапочками на носок, куртками на пижаму.

Догнал. Схватил за руку — вырвалась.

— Нет. Не сейчас. Сейчас не могу. Не хочу!

— Дай объясню!

— Нет! Не тронь, а то на тебя же вырвет.

— Ира!

— Вырвет! — в лицо бросила, скорчилась. Стеной презрения отгородилась.

— Ира!

Суставы скрутило, зубы сжались до скрипа эмали.

— Ира!

— Что же ты натворил!

Она скрылась за сигаретами в озябших пальцах. За тапочками на носки. За куртками на пижаму.

Что же я натворил!

Вокруг больницы круги наматывал. Стены неприступные. Ни лазейки! Как в крепости. А за ними — моя семья.

Не мог уйти. И зайти в палату, чтоб в глаза посмотреть, — тоже.

Стрельнул сигарету. Гадость! Отвык... Когда Ирка забеременела, бросил. Мучился. Мечтал, как закурю в день рождения сына.

...В роддоме бродила какая-то зараза, посетителей не пускали.

Во время родов маялся, от осенней прохлады дрог, выжидал жену под окошком ее палаты, маленьким, с мутными стеклами. Ноги не находили покоя, вытоптали вокруг роддома сто тропинок. Радость и волнение захлестывали. То казалось, я на сто процентов готов, то — что облажаюсь. Всегда же есть это самое «что-то», оно выходит из-под контроля. Из-под моего. Уверил себя, что держать буду это самое «что-то» руками и зубами, чтобы не вышло. Из-под контроля. Из-под моего.

Курил тогда под окном. Каждый вдох в чреслах разливался сладостью. Сигарета — итог сорока одной недели. Самого важного периода нашей с Ирой совместной жизни. Курил и счастье свое лелеял, перекатывая сигарету губами.

Спустя часов... не счесть сколько — стемнело. Фонари зажглись. И окошко ее палаты тоже. Ирка выглянула, а я с сигаретой в зубах. Обещал же — ни-ни! Решил, погрозит пальцем, пожурит. Но она не стала. Просто глядела на меня из окна. Каким же прекрасным было ее лицо! Только отрешенным. И материнские объятия почему-то пусты...

Не попадалось мне ни до, ни после того вечера настолько горьких сигарет.

И сейчас все то же. Стою под грязным небом. Под графичными линиями проводов. Под курлыканье голубей. Под карканье ворон. Окно

в палате Дашеньки блестит чистыми стеклами. Но никто к нему не подходит.

Звонил Ире. Не брала. Писал. Умолял спуститься.

«Расскажи ребенку о матери!» — отвечала.

Но я не мог!

Я: «Не сейчас. Позже скажу. Умоляю, давай все обсудим! Я хочу и всегда хотел быть только с тобой!»

И.: «Этого мы уже не узнаем».

Я: «???»

И.: «Она ведь умерла».

Я: «Что мне сделать, чтоб все исправить?»

И.: «Ничего. Это невозможно».

Я: «Выйди! Нам надо поговорить!»

И.: «Я не могу и не хочу тебя видеть и слышать. Меня от тебя тошнит. От твоей лжи. От того, что заставил жить в этой выгребной яме лицемерия. Ты знаешь меня. Я тебя — нет. Не знаю, с кем я жила двадцать лет. С кем?»

Я: «Со мной! Ты знаешь меня! Я совершил ошибку! Мне невыносимо то, что я обидел тебя».

И.: «))))»

Я: «?!»

И.: «Ты меня не обидел. А разочаровал. Окончательно и бесповоротно».

Я: «Ира, прости меня!»

И.: «Прощаю».

Я: «Я люблю тебя!»

И.: «Я тебя — нет».

Привез букет и подвеску «Картье», Даше — мешок кукол «Лол».

Ира смотрела холоднее, чем на призрака. Прикоснуться не позволяла. Сказала:

— Мне ничего не надо! Подаришь следующей!

На ухо шепнула:

— Бессовестный человек!носишь куклы ребенку, а сказать правду кишка тонка? Трус!

— Если ты сейчас же со мной не выйдешь поговорить, я выволоку тебя силой!

— Вот как?

Я еле сдерживался, чтобы не наорать. Как она может даже не выслушать толком? После двадцати лет брака! Отмахивается, как от чужого. Она все еще моя жена. И обязана меня выслушать. Обязана простить!

— Я сказал, — процедил сквозь зубы, — пошли поговорим. Иначе сделаю больно!

Я вцепился в Ирин локоть, в ее серых глазах мелькнул страх.

— Хорошо, — ответила с нескрываемой ненавистью.

У вагончика с кофе я слегка успокоился. Почувствовал вину за то, что угрожал. Но как иначе было ее заставить?

— Какой кофе будешь, солнышко?

— Никакой!

Взял ей латте с сиропом. Любимые пальцы нервно гладили острый край пластиковой крышки. Ира отвернулась. Молчала.

— Пей, солнышко.

Она не пила.

— Ира... У нас все было плохо!

— Может, потому, что чувствовала... — Плач сдавил ей горло, она погладила грудь и продолжила тихо: — Я, черт возьми, как чувствовала! Все теперь встало на свои места! Не хотела видеть сигналы... Закрывала глаза... Все эти годы...

— Какие годы? Я был с Марьяной пять месяцев!

Взглядом прожгла.

— Марьяна... Милое имя. Пять месяцев... Был... По ресторанам водил... Деньги тратил... В нашу постель приходил и ложился... Хоть мылся после нее?

— Ира! Ты вообще мне не давала!

— Должна была?

— За все, что я делал?! Содержал! Решал! Да! А ты меня не хотела!

— Зато тебя хотела она? И ты ее хотел. Не то что меня. Небось, красивая и молодая.

— Моложе тебя.

— Теперь ты свободен и волен выбрать любую. Ты же так мне сказал? Можешь выбрать любую. Для тебя я старая. И ты видишь во мне старуху...

— Нет! Жену! Своего человека!

— Да-да. Только вот я не слепая... Как ты восхищался раньше мной! Как меня... страстно... А теперь... На отвали раз в год. Или я должна была из кожи лезть? На курсы минета записаться? На танцы на пилоне?!

— Боже, нет!

— Мы ничего не наладим. От наших прежних чувств осталась труха. Все ложь! Зачем даже пытаться? К этому все шло...

— Ира, я не хочу тебя терять!

— Наплевать, что хочешь ты! Хватит! Только и думаешь: я, я! Я вот больше не хочу! Зачем?

— Я все еще люблю тебя...

— Боишься быть один! Привык! Старые мы с тобой начинать все сначала? Не старые! Я все равно давно для тебя уже не та, что была в универе. А ты для меня, между прочим, остался прежним...

— Так в том и беда! Я для тебя остался прежним! Простым мальчишкой, который на стипендию жил. Не мог тебе букета нормального купить. А ты сверху смотрела. Не «гэкать» учила. Я в секунде одевался и машины на заправке по ночам сторожил.

— Я такого полюбила!

— Но я больше не он! А ты не видишь! Нет у меня восхищения тем, что ты стареешь?! А у тебя почему нет — тем, что я смог?! Поднялся!

А ты все как должное! Как само собой разумеющееся! Да! Я хотел, блин, чтоб смотрели на меня с мыслью: «Этот мужик крут!» Потому что я для всех крут. Кроме тебя!

Она заплакала жалобно. Я положил ей на плечо руку, она развернулась и горячим кофе плеснула мне на свитер. Я резко схватил ее за руку, пальцы выкрутил. Она взвизгнула.

— Прости! — Сразу понял, что сделал больно. — Прости! Не хотел!

— Убирайся из моей жизни! — Красивое лицо искривилось, пошло трещинами морщин. — Иди ищи молодых, которые в тебе видят обеспеченного мужчину! Только за бабло тебя терпеть можно! И то недолго!

Я вцепился в нее. Не мог отпустить! Не мог потерять!

— Умоляю! Умоляю! Проси что хочешь!

Упал ей в ноги. Упал на колени. На твердый асфальт. Слезы заливали лицо. Я был жалок. Хотел, чтоб она пожалела. Сжалилась! Не мог отпустить. Не мог потерять!

— Ты мне противен, — сказала так, что ясно стало: ничего не вернуть...

Но я пытался. Звонил. Писал. Стоял под палатой. Угрожал скандалом. Угрожал выгнать из квартиры. Приехал с очередным букетом. Очередным подарком.

— Успокойся, — сказала, — позоришь меня на всю больницу. Пугаешь Дашу. Забирай свою квартиру. И машину. Все! Только оставь в покое!

Охранник грозился вывести, так я всем в отделении надоел. Даже горячая сестра подошла и сказала:

— Делаете только хуже.

— А как?!

— Домой езжайте. Успокойтесь. Возьмите себя в руки!

Взять в руки? Я всегда мог. Всегда умел. Неужели разучился?

Ехал в машине и писал... писал... обо всех чувствах, скопившихся претензиях и обидах. О том, почему затрещал наш брак. Почему мне мало стало Иры и понадобились другие. Она читала и молчала. Звонил — не брала трубку.

Ладони прели, в груди свернулся еж. Заметил, что Ира не отображается в сети и мои сообщения клеймит гадкая серая галочка. Набрал. Сорвалось. Набрал снова. Жена заблокировала меня всюду. Заблокировала собственного мужа! Свою половинку. Я ржал и плакал. Плакал и ржал. Скулил жалобно, как щенок. И ненавидел ее. За всю эту боль. За тотальное непонимание. За категоричное нежелание простить. За свое унижение.

Что делать дома? В пустой квартире? Ее я купил для семьи. Для Иры и ее рисунков. Для ребенка, о котором все эти годы втайне грезил. Сам-то появлялся нечасто, в основном поспать. Работал. Чтоб Ира могла рисовать. Чтоб ребенок, который у нас бы появился, ни в чем не нуждался. Ничего в этой квартире не было от меня. Ее выбрала Ира. Ремонт сделала по своему вкусу. Я доверял. Хороший ведь ремонт. У жены

вкус есть. Но ничто в этой квартире не было родным. Кроме духов Иры, которыми пропахла подушка. Кроме рисунков в кладовой, на которых я улыбался.

Откупорил «Реми Мартин ХО». Друзья подарили года полтора назад. До сих пор бутылку не трогал. Мы с Ирой к крепкому алкоголю равнодушны. Думал даже передарить. Жена сказала: «Оставим на особый случай». Вот и настал... случай.

Поморщился. Снова убедился, что не люблю коньяк. Но было уже все равно. Хотелось!

Зачем я ее набрал?! Хоть убей, не помню. Мало того что набрал, так еще и на встречу выцепил.

— Надо поговорить, Ада! — пьяно орал в трубку. — Надо!

— Бухой?

— А что?

— Я тоже.

Она сидела на утепленной террасе. Во всем черном. Перебирала жемчужины на сережках. Вдыхала кальян, запивала шампанским, заедала брускетами со щучьей икрой.

Как я до ресторана добрался? И за руль ведь сел, идиот!

— Как за руль сел? — спросила, когда я грузно упал на диван напротив. — Совсем? — У виска покрутила непропорционально длинным и тонким пальцем.

— Пианистка? — Я засмеялся. Себе я казался дико забавным. Ей — нет. — Пальцы длинные, как у этой... У пианистки. Умеешь на пианино?

Ада покрутила головой. Медленно.

— Я тоже. Рисовать? В театре играть? Знаешь латинский?

Она загадочно улыбнулась. У Джоконды научилась?

— Тогда в кого твои эти... дети?

— Не в меня.

Я залпом выпил уже две шампанки. К брускетам не притронулся. Обнаглел настолько, что спросил в лоб:

— Кто твой мужчина, Ада?

— Ангел.

— И где он?

Указала в небо.

— Ясно-понятно. Вдова! И моя женщина умерла... Черт! Марьяна могла бы быть мне женой... Если б у меня уже не была... не было жены... Бывало у тебя, что кого ни встретишь, как бы он хорош ни был — внутри, тут, — я ударил в грудь, — места нет? Потому что там уже живет другой. Другая! Бывало с тобой?

Она кивнула. Царственно. Грациозно сложила салфетку, промокнула кончики губ.

— Я не верю, что вы все из села. Тем более какого-то темного!

— Там не темно, — произнесла со странным акцентом, прибалтийским, что ли. — Там иначе.

— Кто ты вообще такая? Чем занимаешься?

— Марьяна не рассказывала?

К моему приезду бутылка в ведре со льдом опустела наполовину. При этом Ада сидела прямо и гордо, словно на золотом троне. Смотрела твердо. Двигалась плавно. Говорила осмысленно.

— Инвестирую. В людей. Которые делают мне бизнес. Образования нет. Знаю одно — людей. Сама ничего не умею. Но знаю, кто сумеет. Даю деньги. Имею процент.

— Значит, знаешь людей... Что про меня скажешь? Что посоветуешь делать?

— Заказать, — показала два пальца, — бутылку.

Таки да...

Жаловался я долго. На Иру! На жизнь! На женский эгоизм и холод... На то, что, несмотря на все достоинства, меня, как оказалось, никто никогда не любил.

— Я так плох, Ада? — бил себя в грудь. — Ты знаешь многих мужчин. Я так плох?

— Знаю мало мужчин. Ты плох не так уж. Ты... — Она демонстративно сжала лимон в сетке. — И с тобой... — Сок брызнул, залил блюдо с устрицами.

— Потому что я забочусь! Если б мне все равно было, то я б и не это! Зачем, если пофиг?! Они не понимают, что я как лучше... Вижу, как им будет лучше... — Я имел в виду всех, за кого отвечал. — Нет даже элементарного спасибо!

— И не будет. Не жди! Ты делаешь для них все, а в ответ — черная неблагодарность. Им всегда мало!

— Вот-вот! Мало! Столько лет я... Добивался! Во всем себе отказывал! Чтоб обеспечить тыл и отдохнуть тогда. Годы жизни потратил! Ради себя бы не стал. И что? Им уже не надо! Им поздно! Ире я, выходит, сломал творческий потенциал. Сестре я, видишь, то недодавал, то мешал, слишком давил — все не так. Даже мама против меня. Бойтся! Для кого это все?! Нужно это мне одному?! У тебя хоть есть дети...

Глубокая морщина легла на ее переносицу.

— Нет у меня детей. Никого нет. Знаешь как... Идешь. Идешь. Цель одна. Не для себя! Для себя я бы давно... Иначе. Завела бы своих, замуж пошла. Но нет. Не стала. Из-за них! Чтоб они выросли и получили...

— Уверенность в завтрашнем дне! — Я хлопнул ладонью по столешнице.

— Уверенность! — воздела руки. — Сигуранта!¹⁸ Да! Может, долго строила... Слишком... Время ушло. — Льдинки ее глаз таяли, роняли прозрачные капли на щеки. — Дети выросли. Больше не дети. Я не нужна. Никому не нужна! Оказалось, я плоха. Хуже вас! «Ада, ты не понимаешь... Ада, не твое дело... Ада, мы сами... Уйди, оставь, умри, Ада...» Они меня ненавидят. Неужели я заслужила?

— Нет, мы с тобой не заслужили! Или этот мир устроен неправильно. Не надо жить для других. Не оценят.

¹⁸ Уверенность! (молд.)

— «Ты сделала мало, Ада. Ты не сделала ничего! Бросила. Свою жизнь жила». А как?! Откуда им понять, что я не забывала, я строила... Нужно было время!

— А тебе не сказали, что ты сделала все не то?

— Вот-вот! Мало! И все не то! — Она горько засмеялась.

— Что же ты плачешь, Ада?.. — Протянул салфетку, промахнулся, в икру влез рукавом.

— Все зря! Все! Траи!¹⁹

— Зря... Зря... Нет смысла. Ни в чем!

В ушах зазвенело, язык и мысли не слушались. Собственный голос я узнавал, но речь рождалась не в голове. Я не хотел говорить то, что говорил, но не в силах был замолчать...

Мерцание свечи на столике рисовало на влажных от слез щеках Ады узоры. Смотрела она тепло. Понимала! Не так уж велика разница, оказалось, между нами. Мы оба шли к цели. Оба добились того, чего желали. Оба просчитались. На пути потеряли то, ради чего шли. Даже если разбитое корыто из чистого золота, это не отменяет того, что оно разбито. Жизнь достигла кульминации, дальше лишь старость. Еще совсем недавно я считал, что к сорокалетию подойду с гордостью и чувством выполненного долга. И с чем же я подхожу к нему?

Ада выгнула шею, высматривала кого-то за моей спиной и махала. Даже пьяный, рассеянным зрением я уловил гротескную яркость желтой кожаной куртки. Брат Ады отвлекал от работы официантку: смешил и поправлял ей волосы.

Ада снова поманила жестом, раздраженно постучала по столешнице ногтями. Обратилась к брату на своем языке. Пижон начал громко спорить, не переходя на русский. Отодвинул ее бокал и достал бумажник, чтобы оплатить счет.

— Не ругай сестру, — вступился я. — Это я виноват. Мне нужно было поговорить. Я ее позвал... Я ее споил!

— Пожалуйста, — отозвался он низким спокойным голосом, — не вмешивайтесь.

Я замолк, хотя мне и не понравился его тон. Но я не мог сформулировать, чем именно, поэтому наезжать не стал.

— Вам пора, — сказал Пижон.

Я хотел возмутиться: кто он такой, чтобы приказывать? Но опять не почувствовал в его голосе никакой угрозы, только твердость, и смолчал.

— Я отвезу, — добавил он мягче.

— Я в норме. Сам за руль сяду.

Он улыбнулся:

— Не сядете.

Я заморгал, шум в голове и затуманенность сознания мешали адекватно реагировать на слова. Какой-то щенок мной командовал или, наоборот, подлизывался? Я не понял.

¹⁹ Зря! (молд.)

— Даша уже маму потеряла. Не надо, чтоб она потеряла еще и папу. Стало приятно от того, как он меня назвал. Дашин папа...

Не была бы голова тяжелой, ноги — ватными, а сердце — разорванным в клочья, я бы чужого человека за руль своей машины не пустил: это слишком интимно. Но в тот вечер я был не я — и мир вокруг поменялся.

Кусок дороги от ресторана до Гаванского моста из памяти испарился. Я очнулся от царапающих звуков: большая мужская рука, схваченная кольцом браслетов, переключала радиостанции. Заиграло фортепиано. Знакомая мелодия из десятков реклам.

— Вам лучше?

Мне стало только хуже. Наверняка так себя чувствуют люди, потевшие линзы, или космонавты на орбите.

— Музыка не мешает? Переключить? Невеста присадила на классику. Как же красиво! — сказал Пижон с чувством и приложил к груди руку. — До мурашек!

Далекie огни Труханова моста нарисовали на черной воде его точную перевернутую копию.

— Обалдеть! — воскликнул Пижон. — Хочу посмотреть ближе.

Мы затормозили.

— Тут нельзя!

— Момент. — Он включил аварийку и выскочил на улицу.

Я скривился от привкуса сгнившего мяса во рту. Хорошо, успел открыть дверцу, высунулся из машины и даже не испачкал сиденья.

Пижон опасно перевалился через парапет, махал руками и орал «привет!» теплоходу.

— Осторожно! — Я вытер губы салфеткой. — Не делай так!

Пижон послушался. Вернулся в машину.

— Безрассудно... — бубнил я через силу. — Кто тебя среди ночи в реке станет ловить? Еще утонешь!

— Я умею плавать.

— Высота большая, удар о воду будет болезненным. Тем более она холодная. Ты банально потеряешь сознание, либо схватит судорога.

— Как вы все просчитали! Даже обидно теперь, что не свалился. Проверили бы.

Авто тронулось, мы помчались дальше через Днепр, отражающий искусственные звезды.

— Ругаетесь — значит, лучше вам, — улыбнулся Пижон.

— Ты недавно в Киеве? Тебя все восхищает.

— Не должно? До этого в Одессе жил. Скучаю по кораблям. И морю...

— О-о! И как там Одесса-мама поживает?

— Прэкрасно таки! Грязно, людно, неоправданно дорого. Я ее обожаю.

— Много лет уже там не был. И на море тоже.

— Вы разве не летаете отдыхать?

— Нет. У меня очень много работы. Не вырваться... Много подчиненных.

— Без вас никак не справятся?

— Да. Не знаю... Может, мне хочется так думать... Я уже ничего не знаю. Наверное, я просто разучился отдыхать. Тревожно сразу становится, когда ничего не делаешь. Хожу взвинченный, прокручиваю наилучшие исходы. Проще не отдыхать и самому все...

— Контролировать? Годами не видеть моря! Даже имея деньги? Как-то это грустно.

— Это жизнь. Взрослая.

— Все равно грустно.

— Я всем доволен. Не переношу и не уважаю безделья. И не особо люблю море.

— Не любите море?! А я вот не люблю суши. Это к тому, что у всех разный вкус. Все обожают суши. Особенно девушки! Сырая рыба со слипшимся рисом. Что вкусного? А они все такие: «Закажем-ка суши! Пойдем-ка на суши! Как ты вообще можешь не любить суши?!» И это они еще не в курсе, что кто-то не любит моря. Люди офигеть какие разные! Вы любите суши?

— Да.

— А я вот море люблю.

На Героев Сталинграда у светофора образовалась таячка. В соседнем ряду стояла «ауди ТТ» цвета куртки моего «драйвера». Он это заметил, выкрикнул:

— Точь-в-точь как у меня!

И зачем-то решил поделиться наблюдением с девушками на передних сиденьях «ауди». Опустил окошко, высунулся и к ним постучал.

Ошарашенная брюнетка от неожиданности открыла свое.

Пижон как заладил: и про куртку, и про то, какие мосты в Киеве красивые, а девушки еще краше...

— Там зеленый! Поехали!

— Ца-ца! — отмахнулся. — Тока номер запишу.

Желтая «ауди» осталась позади.

— Ты знаешь дорожные правила?

— Водить учился в Одессе. Там правила другие.

— Слышал, ты женишься.

— На лучшей девушке на земле!

— Зачем с другими знакомишься?

— Привычка.

Наконец-то подъехали к дому. Припарковался парень коряво, но я смолчал. Все-таки в долгу!

— Давай такси тебе вызову. Говори куда.

— А можно я это... вас до квартиры провожу?

— Я в норме. Спасибо. Доеду на лифте.

— Да я вижу, что доедете. Но очень хочу в туалет. Или там у вас жена?

Я вздохнул.

— Нет. Никого.

В лифте Пижон зачем-то поздоровался с соседкой, потом погладил собаку парня, с которым мы пересеклись в коридоре. Я с соседями не знаком. Меньше всего на свете хочется болтать с кем-то в лифте. Но мальчик не городской. Может, в селе принято всех доставать?

Отопление включили, но зябко было неимоверно. Я набросил на плечи плед и поставил чайник.

— Спасибо. — Пижон заглянул на кухню. — У вас зеркало в ванной точь-в-точь как у меня.

— Какое зеркало?

— В ванной. У нас с невестой такое же дома.

— Зеркало? — Мой мозг напоминал смятую газету. — Не знаю, какое там зеркало. Жена выбирала.

— Думаете, наше выбирал я? Нет, ну я, конечно, делал вид, что тоже участвую. «Красивое зеркало?» И я такой: «Угу, угу». Если б я по своему вкусу делал, у нас был бы кошмарный цыганский палас с позолотой и херувимами. Шоб дорохо-бохато! Где ближайшая остановка маршрутки?

— Проще будет на метро.

— Не, я на метро не езжу. Там страшно!

— Давай я вызову такси и... Хочешь чаю? У меня много сладостей.

— Сладостей? — У него по-детски загорелись глаза. — А какие у вас сладости?

— Выбирай. — Я выгреб вафли, шоколадки, печенье и леденцы. Даже «сникерсы» любимые не пожалел. — Ребенок же в доме... да... Сейчас Даша в больнице.

Пижон, к моему удивлению, потянулся к какой-то безвкусной ерунде.

— Она уже на поправку пошла, знаю. Скоро выпишут. — Он грел о чашку руки и хрустел ванильной вафлей. — Вкусно-то как! М-м! Оч вкусно... Я вас объём!

— Не жалко... Что случилось с насильником? Арестовали?

— Марьяна не стала никуда заявлять. Они знакомы были хорошо. Вместе учились. Парень долго был влюблен. Она — нет. Как-то на общей вечеринке... По ходу, он ей что-то подсыпал или подлил... Шумно было, музыка, все дела, на своей волне народ. Никто не понял, типа не слышал. Или пофиг было. Она просто ушла потом домой и ни с кем из них больше не общалась. Когда узнала, что залетела, рассказывать никому из общей тусы не собиралась. Но черт этот все равно как-то пронюхал. Ну и, ясен пень, жениться предлагал, тыры-пыры... Но Марьяна, канеш, за него не пошла. Я ничё больше не знаю, кроме того, что Марьяна не хотела, чтоб Даша считала его отцом. Отака фигня, малята.

— Ну да... Я... понимаю. Кошмарная ситуация...

— Какая из?..

Я нервно засмеялся. Вот так сразу и не ответишь, какая из...

— Мы с женой думали оставить Дашу себе.

— Больше не думаете?

— Я хочу! Но... Ты слышал, наверное?

— Навели вы в больнице шороху.

— Хотел Ирку вернуть!

— Силой?

— Нет! Я... Даже говорить не стала! Не захотела выслушать. Кофе облила!

Пижон расхохотался.

— Подумаешь, облила! Меня вон как-то молодая-горячая ножиком почеркала.

Он приподнял кофту, оголив бок. Гусеницу шва перекрывала татуировка с женским именем.

— Шрам я назвал в ее честь. И это я молчу, как меня дома запирали, вещи жгли!

— Досталось же тебе!

— А то! Причем не пойму за что. Я такой хороший! Всех люблю.

— Может, проблема именно в том, что ты любишь всех?

— Что поделать? У меня большое сердце.

Развернул я все-таки «сникерс». До чего же он был гадок! Хуже комочков в манке.

— У вас очень и очень адекватная женщина! Я б на вашем месте срочно мирился и больше на сторону не ходил.

— Я любил Марьяну! По-своему. Просто...

— Жена есть жена. Марьяша понимала. Говорила: «Нет, он не уйдет. Там нормальная жена. Он ее любит».

— Так и говорила?!

— Ну да.

— Я думал. Появлялись мысли... к Марьяне. С женой все было... Тебе не понять, наверное... что такое с кем-то двадцать лет...

— Ужас как много! Читайте, моя жизнь! За эти годы можно так друг к другу прирасти — не разлепить.

— В этом и проблема... Знаешь, в твоём возрасте расходишься и максимум что — диски лицензионные делишь!

— Какие диски?

— Ты не застал, наверное, но раньше, до интернета, фильмы, музыка, игры — все было на дисках. Ещё раньше — на кассетах. Диски — это плоские, круглые...

— Знаю-знаю! У нас полно в селе было старой техники. Мы ж отсталые. Я и кассеты, и диски видел. Не понял, зачем их делить?

— И не поймешь... Неважно. Сначала хочется все общее. Все свое ей отдать! Глядишь на нее, и даже мысли нет, что когда-нибудь разлюбишь. Быть такого не может! Она ведь лучше всех! И ямочки на щеках, и как дует губы. И пусть у вас нет общих увлечений, пусть кофе варит горький, а в комнате постоянно открывает окно — это неважно все, если она рядом. Главное, чтоб улыбалась! Когда грустит, и у тебя болит, потому что она — ты. А ты — она. Одно целое. И так навсегда. Знакомо?

— Канеш.

— А со временем... Будто любовь размывает, размывает по холсту. Все меньше восхищают ямочки на щеках, все чаще бесит открытое окно. Ведь ты мерзнешь! Почему она не понимает? Почему не закроет?

Почему мерзнуть должен ты? Почему всегда все ты?! А что делает для отношений она? А она придирается по мелочам. Тянешься поцеловать — отталкивает. Сама лезет, когда занят ты! Все мимо и невпопад. Шутки твои ей кажутся глупыми, денег — недостаточно. Раньше меньше было раз в десять, а она радовалась и за каждую розу благодарила. А теперь требует машину, бриллианты. Купишь, чтоб мозг не буравила, она скривится капризно и вместо спасибо попросит еще. Не будет у тебя финансов, так обзовет неудачником. Кофе все более гадкий варить станет. Назло! Если у тебя болит, ей все равно! Если у нее болит, ты только радуешься, что получает, стерва, по заслугам. Вы больше не одно целое! А может, и не были никогда? Это как алкоголь... Пьяному — все красивые, а с похмелья — уродины. Вначале еще по новой вспыхивают чувства. Страсть и нежность вдруг как накатят! Потом трезвеешь, становится ровно внутри и прохладно, по сторонам оглядываешься. А дальше... Одно похмелье! От звуков ее голоса болит голова. От одного ее вида воротит. А в ее глазах к тебе — ничего, кроме ненависти.

— Вы меня спецом перед свадьбой запугиваете?! Я свою невесту очень люблю. И она меня. Я ни с кем ничего! Мне все хорошо! Просто я общительный и со всеми дружу. А так, как вы говорите, у нас не будет!

— В том-то и дело, что сначала хорошо у всех!

Радовал его растерянный вид, нервное почесывание локтя и бегающий взгляд. Надоели за последнее время влюбленные рожи вокруг! То подруга Иркина со своим солдатом, то девчонка-наркоманка, теперь и этот... Пижон! «У нас так не будет, не будет! Мы — особенные!» Да кто вы такие, чтоб у вас вышло? Миллиарды до вас терпели и еще после вас потерпят на поле брака поражение. Чем вы лучше нас с Ирой? Мы ведь тоже были «не такие», тоже «особенные», с особенно сильной «любовью». Пошли вы в задницу! Глупая, наивная, беспечная и бестолковая молодежь!

— Слышал я как-то в новостях, что супруги во время ссоры друг друга убили. Жена сразу скончалась, он — в больнице через сутки, не приходя в сознание. Родители подрались, а ребенок остался сиротой. И это были молодые люди. Жили в центре. У обоих бизнес, хорошая жизнь. Не алкашня какая-нибудь. Спрашивается, как так? Может, психи оба? Нет! Нет никаких звоночков. Нет никаких «с самого начала». Сначала у всех настоящая любовь, но она постепенно превращается в ненависть. Потому что вы сплелись плавниками и не разорвать: квартиры, дети, быт, привычка... И вместе уже нет сил. И второй — враг! Невозможно уйти, а рядом — нет кислорода!

— Вы хотите помириться с женой?

Я закрыл ладонями лицо и заплакал. Тихо, жалко. Завыл. Как мальчишка маленький, захныкал. Перед посторонним, абсолютно чужим мне человеком.

Зашумел чайник — гость заварил свежий чай.

— Вы дрожите, — сказал.

— Тут так холодно!

— Ну можно закрыть окно.

Я обернулся на распахнутую створку и засмеялся.

— Окно... Блин! Так это окно... Можешь? Не сложно тебе?

Ему было не сложно, он повернул вниз ручку.

— Мне никогда твоя сестра не нравилась, — признался я. — И ты бесил.

Он хохотнул:

— Я в курсе. Она тоже не слепая. Нам все равно.

— И тем не менее... Знаете и все равно помогаете мне?

— А чем мы вам помогаем?

— Вот сегодня, например. И с Дашей.

— Даша нам не чужая. И Марьяна тоже. Она бы хотела, чтоб ее дочка оказалась в хорошей, любящей и крепкой семье. Если для этого надо помочь вам, я не против.

— Хорошие вы люди...

— Обычно хорошими называют удобных. А подстраивается человек только из корыстных целей или из страха. По-вашему, хитрость и трусость — это хорошо?

— Нет. Но я не то имел в виду. Ладно... Может, и не хорошие... Но ведь и не плохие? Почему ты сына своего бросил? Не готов оказался?

— А с чего вы взяли, что я его бросил? У моего сына полная, офигенная семья. Я не общаюсь со своим малым, потому что ему без меня лучше.

В тишине хрустнула вафля. Пижон запил ее чаем.

Его взгляд из доверчиво-детского превратился во внимательно-цепкий сканер ищейки. Под самую кожу нырнул и кости защекотал.

— Вы хотите помириться с женой? — повторил тоном следователя или прокурора.

— Ирка — гордая. Не стала и слушать...

— Кофе плеснула! Прикол в том, что, если б ножом пырнула, вы бы уже помирились. Чувство вины творит чудеса.

— Предлагаешь довести ее до рукоприкладства?

— Зачем? — Он отряхнул от крошек ладони. — Нет, предлагаю вам не метаться от «извини, любимая» до угроз и обвинений. Себя только разбалтываете, маетесь, в соплях и психах ходите. А вам нужно собраться и действовать. Будете и дальше изводить, мозг ей любить, она то долбать начнет, то тянуть извиняшки и только убедится, что вы ее не стоите. Для начала — кам даун²⁰.

— Что?

— Успокойтесь. Отоспитесь. Нервишки подкрутите, чтоб не расшатывались. И решите, хотите ли быть с ней. Вернуть — одно дело, а как дальше быть? Дальше надо не гулять.

— Я люблю жену.

— Любовь от страха потерять снова загорелась? Или точно любите? Это важно понимать.

²⁰ *Calm down* (англ.) — успокоиться.

— Сам знаю! — огрызнулся. — Прости. Ты хочешь помочь... Думаю, люблю. Наладилось в последнее время, и тут вот... Как назло!

— Валите все на Марьяшу. Скажите, такие дела, бла-бла, влюбилась прекрасная девочка. Окрутила, оплела. Бегала за мной. Не смог отказать. Твоей, Ира, любви не чувствовал. Без нежности чах. Страдал, мучился. Девочка в серьезные отношения тянула, очень заботилась. Не устоял! Но любить продолжал только тебя.

— Нет, я на Марьяну не могу валить... Это непорядочно!

— Непорядочно изменять. Марьяну уже не вернуть. А жену — можно.

— Я не ангел. Сам Иру обидел. Правда в том, что все — моя вина.

— А чья же? Ваша! Без базара! Только не говорите «обидел». Вы унизили! Вот как она считает. Никаких «я тебя обидел», «я сделал больно». Скажите, что у вас лично болит оттого, что теряете ее. Оттого, что налажали. Больно — вам!

— Она не сможет жить со мной без доверия.

— Сможет. Все это доверие — фигня, когда есть сильная страсть. И не верит чел, и ревнует, изводится, сам на иглу себя садит — и уже на все ради вас готов. Без доверия! Так что главное — вернуть ее любовь. И уважение. К вам и к себе самому. На Марьяну валите и говорите, что любила она вас очень и была хороша.

— Какая разница, с кем я изменял?

— Вот ваша Ира, представим, отдалась бухому официанту, который имя ее утром не вспомнил. Или олигарх за ней гонялся и замуж звал, а она вас выбрала. Когда простить приятнее? Мы — животные, и конкуренция нас греет.

— Ира не простит все равно.

— Вы ей тоже нужны. И тоже важны. И зависит она от вас не меньше, чем вы от нее. Даже больше, как я понял. Финансово — так точно. Пусть гордая, сейчас вас ненавидит и уверена, что не простит. Но гордым легко быть на сытый желудок. Она вас тоже любит. Дайте ей время это почувствовать. Злость пройдет, сменится сожалением. Скучать начнет. Особенно если вы предложите ей компенсацию.

— Деньги?

— То, что важно ей очень. Деньги, услуги... Что-нибудь благородное и щедрое. Скажите, что развода не хотите.

— А если не согласится?

— Значит, не согласится.

— В смысле?

— В прямом. Отпустите. Не бегайте больше за ней и не умоляйте, не унижайтесь. Жалких не уважают. А без уважения нет любви. Будет настаивать на разрыве — отпустите. Отдайте, что должны, и даже чуть больше, пожелайте счастья и новую женщину берегите.

— Не нужна мне новая! Я хочу жену! И верну ее любой ценой!

— Одного вашего желания мало, потому что другой — не вещь. Не начнете ее уважать — потеряете навсегда.

Противно капала вода из крана. Противно вибрировал и вибрировал — в конвульсиях бился — айфон гостя. Звали, небось, парня гулять, звали «на суши» или «на винишко». Не знаю... Мой телефон молчит. Одна моя женщина в могиле, другая ненавидит. Я сижу в одинокой холодной квартире и ядом исхожу от чужого счастья. Завидую молодости. Завидую заветному «только все начинается». Неужели у меня все кончилось?

— Хорошо быть молодым, — сказал я. — У вас все впереди.

— Вы что?! Капец у нас впереди! Хорошо быть как вы. Когда все построил, и все есть, и не надо трястись о будущем. Вот это — хорошо.

— Юный совсем, а об отношениях столько понимаешь.

— У меня выбора нет. Приходится шарить. Я ведь малой и бедный. — Он засмеялся. — Шучу! Нет, не шучу.

— Ты из тех, кто изменяет?

— Я из тех — с кем изменяют. Шучу! На этот раз правда шучу! Почти. Вафли бомбические. — Он открыл очередную. — Объем вас так объем!

— Ради бога. Бери все. Я не люблю вафли.

— Не любите вафли?! Видите, какие мы с вами разные!

— Я люблю «сникерсы».

— И я!

— Так вон, — сказал я и подвинул батончик. — Бери, ешь.

— Не могу. У меня на шоколад аллергия. Никогда не ел «сникерсов». Это я думаю, что люблю. Уверен! Они так сладко выглядят, что их нельзя не любить.

— Не пойму, где ты шутишь, а где правда.

— Я всегда шучу. Над правдой. Знаете, я бы очень хотел, чтоб у меня была одна жена — до смерти. Это реально, как думаете?

— До смерти?! — Меня это его «до смерти» развеселило. — До смерти — не уверен. Слишком уж ты общительный! А если серьезно... Наверное, для того, чтоб семья сохранилась, ее должно спланировать нечто важное. Общая цель, высший смысл, идеалы! Не зависимость, а... то, чем горюшь. То, что вместе строишь. Беда в том, что у нас с Ирой этого нет... Было, может, в юности, а потом... Я свое строил. Думал, общее, а оказалось, ей это не было нужно. Мой план она не разделяла. У нее свое было, о чем я и не подозревал. Будто веревочный мост между нами с годами прохудился... Теперь тонких ниток недостаточно, чтоб нас обратно связать. Нужен канат!

— Разве он не появился? А как же Даша?

В пустой холодной спальне на полу валялась уродливая пучеглазая куколка. Даша называла ее редкой, поила из крошечной бутылочки, и из отверстий в нарисованных глазах капали настоящие слезы.

Я присел на край кровати. Сжал резиновую голову, на голубой радужке выступила капля. Даже кукла умеет страдать! И только у меня внутри, кроме плесени, — ничего.

Липкая ночь между полом и потолком. Между поверхностной дремой и ужасом пробуждения. Между обрывками невнятных снов. Горечь

во рту, в груди — титановая гирия. Я никогда не пробовал ничего крепче коньяка, но именно так в кино показывают абстиненцию. Холодный пот, нытье суставов, тремор рук, невозможность улечься, усесться, спрятаться от света уличных фонарей, от темных полос на стене, от гула в трубах, от соседских криков. Как назло, обострился слух! Зрение сделалось как у двадцатилетнего. Я буровил стекляшки на люстре взглядом. Напряжение мозговых волн могло бы их взорвать!

Как же на твердой и неудобной постели так повернуться, чтоб челюсть расслабилась? Как уснуть, если, стоит зажмуриться, выныривает из глубины сознания Ирино заплаканное лицо? Или роза на щиколотке мертвой Марьяны. Уродливые пучеглазые куклы «Лол» пляшут под песни моей юности, и за всем этим наблюдает портрет Ады над искусственным камином...

Зубы чистил полчаса — пытался заменить вкус сгнившего мяса мятной свежестью. В белом пятне пасты на раковине краснели кровавые прожилки. Мог бы, соскреб бы щеткой эмаль!

Как там вчера посоветовали? Кам даун? Подкрутить расшатанные нервишки? Выспаться? Отдохнуть? Набраться сил? Обрести вновь уверенность? Как, черт возьми, это возможно, если жизнь идет под откос?! — Возьми себя в руки! — сказал строго отражению.

Почему не помогает? Неужели в юности сила воли была крепче? Я мог приказать себе не ныть, не бояться и не опускать рук. Я сам муштровал себя так же, как солдата — ненавистный командир. Ни поблажки! Почему же сейчас собственный бесценный совет «возьми себя в руки» не помогает? У меня больше нет рук? Или себя?!

После завтрака съездил в зал. Тренировка далась легко, несмотря на бессонную ночь и похмелье. А все оттого, что боль в мышцах была приятней боли в душе.

Плавал в бассейне. Переплыл его весь раз десять. Наглотался воды. Замерз до чертиков. Грелся в сауне. Улегся на верхнюю полку, где сухой воздух выжигает дыхательные пути и бьет в набат сердце.

Выпил шоколадный протеиновый коктейль. Вкус был пресным, но хоть не гнилостным.

Еле шел по больничному коридору. Пациенты и медсестры пялились, будто знали мой секрет. Откуда? Неужели читают мысли?

Отворяется дверь. Ира оборачивается, поправляет ворот кашемировой кофты, носки длинных ног вытягивает, как в пуантах. Горячая медсестричка оборачивается, привстает с постели. На большой груди топорщится халат; чепец, закрепленный невидимкой, съехал на гладкий лоб, да так, что невидимку заметно. Обе тоже мысли читают. Переглядываются. Дашенька оборачивается, куклой машет, улыбается тепло. Скоро перестанет...

Ира и горячая сестра удаляются в коридор. Я глажу Дашу по голове, а у самого глаза на мокром месте.

— Вы нашли маму? — спрашивает малышка.

Я в кулак прячу всхлипы. Не могу!

— С мамой что-то случилось? Злые люди ее нашли?

У меня нет слов. Киваю и реву.

— Мама на небе, Дашенька, — выдавливаю. — Она теперь ангел. Смотрит на тебя с облачков...

— Значит, вы ее не спасли.

Взгляд, голос, выражение лица — вмиг переменились. Дашенька повзрослела на десятки лет в одно мгновение. И тут же спросила беспечно, будто ни слова не поняла:

— Теперь вы мои мама с папой?

Даша улыбалась. Играла в «Лолы». Даша больше не говорила о маме.

Жена попросила меня уехать. Передать через курьера кое-какие вещи. Я ловил ее взгляд, когда она все это говорила. Но не поймал.

Ночью Ира позвонила. Сказала, у Даши истерика. Девочке приснилась мама, и теперь она истошно ее зовет. У Иры голос был тихий, как шелест травы, я почти не слышал слов, только визг «Матусю! Матусю!»²¹ на заднем плане. Сказал, что приеду. Жена ответила (отчетливо):

— Не смей!

— Зачем тогда звонишь?

Пижон был прав. Я Ире нужен.

Окна были закрыты, но я все равно мерз. Кофе варил сам, но он все равно чертовски горчил. Может, не в жене было дело? Может, не она меня замораживала и травила?

Вошел в пустую палату.

— Дашу выписали утром, и ваша жена ее увезла, — сказала горячая сестра.

— Не знаете куда?

— Я — нет.

— Вы что-то говорили ей о Марьяне?

— Я — нет.

— Совсем ничего?

— Совсем. Я боялась сказать лишнее и навредить.

— Зачем столько такта? Вы же меня недолюбливаете.

— Отнюдь. Мне до вас нет дела. Я просто хочу, чтоб у дочери моей подруги все было хорошо.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Правда. Спасибо.

— У вас хорошая жена. Она Дашку полюбила. Помиритесь с ней.

— Думаете, это легко?

— Нет, конечно! Она настроена Дашу у себя оставить. Вы в курсе?

— Нет.

— А вы? Хотели бы?

²¹ Мамочка! Мамочка! (укр.)

— Да.

— Без понятия, как вам примириться и чтоб Даша не стала ходячим напоминанием об измене...

— Вот вы, как женщина, меня бы простили?

— Нет. Но я не ваша женщина. Ваша, возможно, простит.

Ира уехала к родителям. Догадался сразу. Набрал их домашний номер. Судя по доброжелательному тону тещи, Ира о ситуации не рассказывала. Добрый знак.

Чтоб не пускать меня в квартиру, ждала под аркой. Мы взяли кофе и сели в машину. Я морально готовился снова получить горячим напитком в лицо.

— Только давай не пачкать сиденья, — пошутил. — Захочешь облить, предупреди, и выйдем на улицу.

— Не стану. Я зла была. Теперь мне все равно. Никогда бы не подумала, что без тебя мне лучше, — полоснула лезвием обидных слов.

— Не скучаешь?

— Нет. Удивительно даже... Все умерло окончательно.

— А я вот скучаю. И люблю тебя. Как любил всегда, так и люблю. Только, кажется, сильнее.

— Поэтому искал мне замену?

— Невозможно тебя заменить. Но я тепла искал. Человеческого. Близости!

— Я все это время была рядом!

— Не была! Да и я, видишь, не был... Прости, Ира. Прости за все.

За то, что все сломал.

— И ты прости. Давай друг друга отпустим.

— Хочешь развода?

— Хочу.

— Твердо решила?

— Твердо.

— Понял. Что мне сделать, чтоб тебя переубедить?

— Ничего. Поздно.

— Не прощаешь?

— Прощаю. Но больше вместе быть не хочу.

— Я оставляю тебе квартиру.

— Не нужно. Родители приютят. Там разберусь.

— Денег кинуть на карту, пока не разберешься?

— Ничего не надо.

— Ты же не чужая. Тем более пока с тобой Даша. Из-за меня все. Дай мне возможность хоть как-то искупить вину.

— В этом ты весь! Думаешь, все меряется деньгами?

— Нет. Увы. Мне ничего и никого, кроме тебя, не надо. Но видишь...

Я тебя потерял.

— Не надо подачек.

— Это мне нужнее. Правда, это нужнее мне!

— Ты любил ее?

- Я люблю тебя!
  - Лгун. Лицемер. Ладно... Что уж теперь...
  - Я хочу взять Дашу насовсем.
  - В смысле, ты хочешь взять Дашу?! Это я беру Дашу!
  - Вместе давай заберем.
  - Ты как обычно! Не слышишь! Я-не-хочу-с-тобой-жить!
  - Слышу. Не живи. Мы можем оформить опеку, а потом развестись. Будем любящими разведенными родителями.
  - Зачем тебе это?
  - Я хочу стать отцом! Отцом Даши! Я люблю ее!
  - Как и ее мать?
  - Дура! Я люблю Дашку. Вне контекста наших с ее мамой отношений.
  - Подрастет, станет на маму похожа.
  - Зачем эти пошлые гадости? Я привязался к ребенку точно так же, как и ты.
  - Найди бабу и заведи с ней ребенка. Ты можешь! Это я уже не могу.
  - А я хочу этого ребенка. Не имею права?
  - Полный бред! Я развожусь и беру Дашу к себе!
  - У тебя пока нет работы. Будет сложно взять ребенка. Мать-одиночка без источников дохода. Если ты разведешься со мной сейчас, то не будешь по закону иметь права даже на алименты. Если мы возьмем опеку вместе, то я буду содержать и Дашу, и тебя минимум до ее совершеннолетия. Вы останетесь в квартире. Сам съеду. Тебе не обязательно выполнять обязанности жены. Только матери. Я буду отцом. Буду на выходных забирать Дашу, на отдых возить, заниматься ею. Так живет большинство разведенных пар. Просто заботятся о ребенке.
  - Это манипуляция какая-то? Ты таким образом надеешься меня вернуть?
  - Не все крутится вокруг тебя. Я тоже хочу быть отцом лучшей девочки на свете.
  - Мне нужно подумать.
  - Хорошо.
  - Я пока побуду с родителями.
  - Хорошо. Но социальные службы уже ее ищут. Надо решать быстро.
  - Я не могу! Не хочу тебя! Не хочу с тобой быть!
  - Понял. Прости, Ира. Очень жаль, что я все испортил. Мне так хреново...
  - И поделом! Прощай! — Хлопнула дверцей машины.
- Солнце прямо в глаза било. Прощалось. Ни тепла в нем не осталось, ни нужды. Завтра первый день зимы. Долгой, унылой. С морозными ночами. Плюсовыми, а оттого мокрыми и скользкими днями. Ветрами колючими. Снегами грязными. В Киеве холодов больше не бывает. Ни тебе снежных горок, ни инея на голых ветках. Сплошная слякоть.

Европейский климат! Все серо и уныло. Ненавижу этот город. Уже больше двадцати лет ненавижу.

С тех пор как перебрался в столицу, считал себя киевлянином. Не потому, что хотелось тут жить, а потому, что это создавало иллюзию причастности к чему-то большему. Большему, чем домик в крохотном городишке, где из достопримечательностей одна крепость. После Каменца Киев поразил шириной проспектов, высотой домов и количеством людей на квадратный метр. С какой гордостью я говорил, что теперь в столице живу! С какой помпой принимала меня семья, стоило заехать к родным на очередной праздник. А уж когда привозил красавицу жену, мама вытирала с уголков глаз слезы счастья. Или мне только казалось?

Написал Пижону.

Я: «Ира хочет развода».

П.: «((».

Я: «Считаешь, отлипнуть и не отвечивать?»

П.: «Ахах! Дать время».

Я: «И что?»

П.: «Все меняется»)).

Я: «И чувства?»

П.: «Они — в первую очередь».

Я: «Что мне делать?»

П.: «Расслабиться. Вы уже все сделали».

Я: «Но как?! Я же виноват! Я должен что-то сделать!»

П.: «Играете в карты?»

Я: «Немного».

П.: «После хода что надо делать?»

Я: «Ждать чужой».

П.: «!»

Я: «Так мне ждать?»

П.: «Варианты?»

Я: «Предложить больше. Золото. Мальдивы».

П.: «Свозите, если помиритесь».

Я: «Если?»

П.: «Надо быть щедрым, но глупо бросать все деньги мира под ноги женщине, которая хочет развода. Идет навстречу — не жадничайте. Уходит — значит, уходит. Смысл ей прощать вас, если вы и так все дадите?»

Я: «Колбасит меня сильно!»

П.: «А то! Подождите, пока ее начнет».

Я: «Начнет?»

П.: «А то!»

Я: «А если нет?»

П.: «Значит, нет».

Я: «???»

П.: «Нет — значит, нет»)).

Я: «Блин».

П.: «Главное, отпустите. Живите пока свою жизнь».

Я: «Какая без нее жизнь?!»

П.: «Какая-то ж есть? Вот ее и живите. Не долбайте жену, даже мысленно».

Я: «На душе так погано...»

Я: «Сказала, не скучает».

Я: «Не нужен я. НЕ НУЖЕН!!!»

Я: «Без меня ей лучше!!! Двадцать, сука, лет прожили, а ей БЕЗ МЕНЯ ЛУЧШЕ!»

П.: «Звезды далекой бледный свет

Из мрака мироздания

В пути проводит сотню лет,

Неся к земле сиянье.

И, может быть, давно уж нет

Звезды в просторах синих,

Но ледяной струится свет,

Холодный и унылый.

Ведь стала призраком звезда

На небе синем, ясном...

Не видели, пока жила,

А видим — уж погасла.

Так и ушедшая любовь:

Пока горит — мы слепы,

А вот умрет — и лишь лучом

Безжизненным согреты».

Я: «?»

П.: «К нашему с вами разговору о браке. Показалось, в тему».

Я: «Красиво. Твой стих?»

П.: «Ахах! Нет. Отчима».

Я: «Все зря?»

П.: «Что зря?»

Я: «Жизнь».

П.: «...»

Я: «?»

П.: «Я в таком не шарю. Живу себе да и живу. Вот и весь для меня смысл))».

Дома было невыносимо. Поехал на работу.

— Думал, не увижу тебя до понедельника, — улыбнулся Никита.

Он выглядел так, будто не спал ночь: углубились морщины и полопались сосуды в глазах. Да и я вялым и осунувшимся смотрелся. Каждый встречный-поперечный спрашивал, не одолжить ли визин, не сварить ли кофе, не простужен ли я, не на голодной ли диете. Только Никита молчал. Он никогда в душу не лез. Благодаря чему мы и дружили.

Все разошлись, лишь уборщица ходила с тряпкой. Затих «Леонардо», за окнами наступила знакомая «ночь в семь вечера». Никита засел в кабинете. Через стеклянную стену я видел, что ничем он не занят и больше мается, чем работает.

— Может, закажем чего поужинать в офис? — спросил, заглянув к нему. — Или твои ждут?

— А твои не ждут?

— Ира у родителей.

— Дочка в больнице, — сказал Никита и громко закрыл ящик стола.

— Что стряслось?! С ней все нормально?

— Жива. — Он тихо, нервно засмеялся. — Если все это можно жизнью назвать.

Заказали мы суши. Конечно! Куда без них? Я люблю суши. Может, и к морю есть смысл присмотреться?

— Который раз она попадает по скорой?

— Не первый.

— Думал, все наладилось. На группы ходит. Замуж собралась...

— Ходит. Собралась. А что толку?! На группы пошла, потому что жених условие поставил. Лжет ему, как и нам всегда лгала. Только у нас опыта уже сколько лет. А он ее ровесник! Что он понимает? Чуть какая ссора — у нее срыв. Это дело?! Сколько еще ссор будет!

— Так и что свадьба?

— Какая сейчас свадьба... До весны отложили. Посмотрим, будет ли он ее ждать. Опять рехаб²², наверное... Оно ему надо? Сколько ж на это нужно любви?

— У вас же хватает.

— Это наша единственная дочь! Мы, наверное, тоже виноваты... Где-то ошиблись...

— Прекрати себя винить.

— А кого? Ее? Была бы взрослая, еще ладно. Так ребенок совсем! Большой ребенок. Как ее винить?

За окнами колеса резали осенние лужи. У меня не нашлось для друга ответа. И совета не нашлось. «Возьми себя в руки!» — фальшиво звучит, когда сам с собой не в ладах.

Я старался всем казаться сильным. Пусть бы боялись или ненавидели даже, но ни в коем случае не жалели.

В последние пару дней я нарушил все свои правила: не жаловаться, не плакать и не просить о помощи. Слезы глотал на людях, скулил в трубку, заставил чужого парня помогать вернуть жену. Считайте, в несостоятельности расписался!

Выходит, я создал лишь иллюзию неуязвимости? Голый король прозрел, что его яйца у всех на виду?

— От меня Ира ушла.

Уехал за город. Чтобы не видеть платья в шкафу, Ирину любимую чашку и разбросанных кукол.

Я: «Ира, я на даче».

И.: «С ума сошел?! Там холод. Грязно».

Я: «Потерплю».

²² Рехаб (от англ. *rehabilitation*) — наркологическая клиника или центр реабилитации для людей, борющихся с разными видами зависимости.

И.: «Назло? Вроде как я тебя из собственного дома выгоняю?»

Я: «Ира... Глупостей не надо. Я ж обещал. Разберусь. Ты просила передать вещи. Не знал какие. Приезжай, бери».

И.: «Ок».

Домик в дачном районе в черте Киева мы взяли еще в десятые годы за хорошую цену. Пяти соток у озера хватало с головой. Ира планировала цветы посадить. Я хотел построить беседку и шашлыки жарить на выходных. Домишко был крепкий, каменный, с проведенными коммуникациями, но внутри без отделки. Тогда мы слегка подмарафетили лишь веранду. Планировали дизайнерский ремонт. «Может, совсем туда переедем!» — мечтала Ира. Но как-то... не срослось, что ли. Сразу денег лишних не было, потом — времени, а позже и желание угасло. Мы с женой городские люди, рабы асфальта и круглосуточной доставки. Мечту о тихом уютном местечке с настоящим камином лелеять было приятно, пока она оставалась мечтой. В итоге ни один из нас и пальцем не пошевелил, чтобы обустроить для жизни уголок, цветник разбить или хотя бы скосить перед домом траву.

Дом ветшал. Забор покосился. Под тяжестью винограда упал в бурьян ржавый навес.

Ночью за стенами слышен был лай собак, ветки царапали окно. Я мерз под тремя пуховыми одеялами. К утру под потолком собирался конденсат, капли стекали по обоям.

Позвонили из милиции:

— Добрый день! Вам знакомо имя Марьяны?.. — Назвали фамилию. Началось!

Параллельно злился вайбер: я не сразу принял вызов от Иры.

— Тут милиция! Они за Дашей! — истерично вопила в трубку жена. Добрался меньше чем за полчаса, благо не было пробок.

Заплаканной Ире наливала воду девушка в форме. Жена бросилась мне на шею.

— Я за вещами приехала, — она нервно глотала слезы, — а тут...

— Ирочка, успокойся.

— Я никому не отдам Дашу! Не отдам!

Никому ее забирать и не хотелось. Приюты не резиновые. Госбюджет — тоже.

Долгий разговор закончился примерно так:

— Да, опекаем девочку, хотим забрать. Нет, не знали, что надо заявлять. Не хотели ее травмировать. А что, нашлись родственники?

— Нет пока, — ответила девушка с русой косой под фуражкой.

— Тогда пусть ребенок будет с нами. Домашняя девочка. Маму потеряла. Представляете, каково ей будет, если сейчас ее увезти?

Поехал писать заявление. Впереди светило долгое оформление бумаг. Я деликатно пытался выведать, где, кому и сколько нужно заплатить, чтобы нас не мучили. Все шли в отказ — то ли боялись, то ли веса их решение не имело. Лишь одна социальная работница отреагировала на намеки.

Вечером вернулся домой. Ира привезла Дашу от родителей, легла с ней в кровать и прижала ее к себе крепко-крепко.

— Ира, — убрал с лица жены волосы, — если мы хотим быстрее насчет Даши все решить, нужно приступать. Сейчас же! Школа приемных родителей, пакет документов... Нужно взять справки о несудимости, поговорить с психологом, обойти врачей, представить доказательства материальных возможностей. И то это не усыновление пока — опека.

— Значит, надо приступать. Если ее заберут, я... Не представляю! Не смогу!

— Но ты ведь хочешь сначала развод.

— Я не смогу быть тебе женой в полном понимании этого слова.

— Мое предложение в силе. Оформляем опеку, общаемся исключительно как родители. Захочешь — позже разведемся.

— Ты тоже захочешь. Я не стану с тобой спать. Тебе понадобится женщина...

— Ира! Сейчас мне нужна только Даша!

Жена пошла на кухню и заварила чай на нас двоих. По привычке.

— Не мог бы ты сегодня не уезжать? Только сегодня!

— Хорошо.

Ночевал в кабинете. Не мерз. Даже душновато было.

Утренний кофе мне понравился. Горький, но это бодрит. Терпкий, зато не приторный! То ли жена научилась его варить, то ли я привык. За двадцать-то лет.

— Зайди к нам, пожалуйста, — позвала в комнату Ира.

Дашенька сидела на полу в окружении десятков большеголовых куколок, голыми коленями на паркете, молчала, не улыбалась. Черным маркером она зачеркивала куклам разноцветные глаза.

Ира всхлипнула.

— Когда мама вернется? — спросила Даша. Не своим — нежным, детским, — а строгим, почти взрослым голосом.

Вот с чем нам теперь предстояло иметь дело. Кроме прочего...

Эти психологи такие странные!

Ты приходишь к ним с конкретным вопросом, а они пудрят тебе мозг, выискивая проблемы, которые с бедой твоей мало связаны. И ладно бы все одно и то же говорили, так ведь у каждого в потайном карманчике свой заковыристый советик. И я так могу! У меня нелепых советов другим — на все случаи жизни!

Зачем обговаривать мой роман с Марьяной? Что Ира должна знать? В какой позе было приятнее? Мы с женой за двадцать лет и так рассказали друг другу, чем мы плохи. В жизни не поверю, что есть проблемные семьи, где супруги не выговаривают все, что накопилось. Не делимся желаниями? Жена частенько желала мне «убиться об стену». Боли не открываем? Только и делали мы с Ирой последние годы брака, что делились болями и претензиями.

Самым конструктивным и ценным стало обсуждение материалов школы приемных родителей и того, кто и когда занимается дочкой. Даше ведь к школе надо готовиться. На развивашки ходить. В бассейн. На площадку. Даше успокоительное капать надо перед сном. И сказку читать. А потом держать маленькую ручку, пока не уснет.

В субботу я позвонил Ире рано утром. У нас была запланирована встреча с терапевтом, но у меня не получалось.

— Прости, Ира. Завтра кухню привозят. Мне нужно контролировать...

— Ты о чем?

— А-а... Я разве не рассказывал? До морозов хочу основную часть успеть. Ремонт затеял.

— Шутишь?

— Зачем снимать или покупать квартиру в городе, если есть целый дом? Ехать до работы всего на четверть часа дольше.

— Ты делаешь ремонт на нашей даче?!

— Да.

— И молчал?!

— А что?

— Не знаю... — Даже через трубку я улавливал ее волнение. — Странно как-то... Ремонт полным ходом, а жена не в курсе.

— Ты, кажется, сказала сама, что обсуждаем только Дашу. Не думал, что тебя волнует мой ремонт.

— Меня волнуешь ты. В смысле... Я не имела в виду, что... — Она тяжело вздохнула. — Справедливо. Раз квартира за мной, за тобой дача.

— Вполне справедливо. Мне заехать завтра?

— Да. Хотя... Слушай, а если мы с Дашей заедем? Или?..

— Скажи честно, что тебе интересно поглазеть.

— Чертовски!

Вечер перед приездом Иры я проводил на утепленной террасе. За два с половиной месяца успел сделать меньше, чем хотелось бы. По идее, близились настоящие холода. Хотя прогноз на месяц обещал уже привычный плюс и слякоть. Вряд ли даже к Новому году мы получим зимнюю сказку.

Каждый день после работы, да и на выходных, я помогал своим же рабочим. Вначале бригада оставалась в доме и на ночь, но, когда поменяли окна, утеплили стены, положили полы и наклеили обои в гостиной, уже не было нужды трудиться круглосуточно.

Да, я просил ребят работать быстро. Доплачивал за скорость. Да, я контролировал с превеликим удовольствием! Считаю, это именно тот надзор, который уместен. При этом помогал вывозить мусор, шпатлевать. Потолки красил.

Никакого спортзала не нужно, когда хоть пару часов проработаешь руками. В молодости я и сантехнику мог починить, и кухонный шкаф

собрать. Потом офисные будни затянули. Казалось: зачем это? Бытом занята жена. Если что ломалось, приходил мастер.

Время вспомнить, как класть плитку!

С ребятами мы работали. Знаю, что порою подбешивал их замечаниями. Но я не просто командовал, я впрягался в работу, и за это они меня уважали.

Мой дом понемногу становился по-настоящему моим! Чем-то, во что вкладываешь не только деньги, но и душу. Тем более в работе легче переносить одиночество. Сейчас казалось: возьми я за ремонт раньше, меня бы не настигла хандра среднего возраста.

А что? В частном доме — красотища! Живешь себе недалеко от сияющего огнями города (меньше часа — и можно по Крещатику гулять), при этом ночами тихо-тихо. После крохотного провинциального Каменец-Подольска я долго привыкал к суетливой столице. А теперь, наоборот, привыкал к тому, что мимо проезжает по машине в час и видно звездное небо. Оказывается, звезды еще существуют!

Повадилось приходиться семейство ежейков. Сначала появился папа еж. Конечно, я не сразу понял, что это именно глава семьи. Потом уже, по размерам остальных, стало очевидно. Я налил ему в крышечку молока (ведь с детства учили, что это полезнейший продукт), поставил под вечнозеленой туей. Один из рабочих сказал:

— Не надо их молоком кормить. Лучше фаршиком.

На следующий вечер папа еж привел жену и ребятенка. Я прямо какую-то ответственность почувствовал. Мне теперь целую семью кормить! С того вечера я немало прочел про полноценный рацион ежейков. Геморрой! Слава богу, придумали зоомагазины. До чего же довольно было колючее семейство!

Впервые в жизни у меня появились питомцы. Сорок на носу, а я только-только осознал прелесть общения с природой.

Вышел встречать девочек на дорогу. Опасался, что Ира позабыла, какой участок — наш. К тому же забор я починил и перекрасил. Да и ворота поставил другие.

— Это точно наша дача? — улыбнулась Ира, удивленно приподняв брови.

Она медленно прошла под новеньким навесом на блестящих сваях.

— Грязно пока, — оправдывался я за беспорядок в доме и на участке. — И так уже фуру строймусора вывез... Вон там беседка будет. Дорожки хочу галькой выложить.

Дашенька, в отличие от Иры, без стеснения носилась по участку.

— Даша, пораниться можешь! — крикнула ей Ира.

— Ничем она не поранится, — улыбнулся я. — Пусть ребенок веселится.

Я попросил Иру не разуваться, потому что кафель был в пыли и холодный. Ковров я еще не стелил.

— А мебель когда? — спросила Ира.

— Не все сразу. Пока что самое необходимое.

Я заварил чаю. Ира сидела на краешке стула, будто все никак не могла побороть смущение. Вдруг резко подорвалась:

— Я же пирог нам испекла. К чаю!

Не знаю, долго ли Ира крутилась у плиты, но пирог вышел отменным. Мне даже неловко стало оттого, что я один почти весь и съел. И крошки пальцем подобрал.

— Кто бы мог подумать, что ты возьмешься за этот дом!

Ира потихоньку оттаивала и расслаблялась. Уселась с ногами в кресло-качалку и завернулась в плед.

— Я, кстати, ремонт делал по твоим эскизам. Помнишь, ты рисовала, когда мы еще думали сюда перебираться?

— Помню, — сказала, бросив на меня взгляд, полный недоумения. — Странно.

— Почему? У меня понимания, как красиво, нет. Твои идеи мне нравились.

— Правда?

— Да. Чего удивляешься? Или я неправильно поступил? Нельзя было?

— Почему нельзя?

— Ну там... Интеллектуальная собственность...

— Я тебя прошу! — Она со смехом отмахнулась. — Мне, наоборот, приятно. Я не подозревала, что тебе нравится, и тем более — что ты помнишь... Все-таки я не дизайнер.

— А могла бы.

— Что?

— У тебя отличный вкус. Талант создавать красоту и уют. Ты могла бы быть дизайнером.

— Да ладно! Куда мне уже?

— Сама сказала, мы не старые. Жизнь впереди. Новая жизнь!

— Ты что имеешь в виду? — напряглась Ира.

— Я хочу жениться.

— Что?!

Ира привстала. Тут же поняла, насколько резко среагировала, и стала нервно перебирать бахрому на пледе.

— Шучу! — засмеялся я. — Я уже женат.

Подмигнул ей, но Ира шутку не оценила: обиженно поджала губы.

— Мама Ирочка! — закричала с улицы Дашенька. — Дядя! Снежок!

Мы вышли на участок. Из рта шел пар. На небе заискрилось зимнее солнце. На черную землю, строительный мусор, блестящий навес и будущую беседку с мангалом мягкими, словно кошачьи лапки, хлопьями стелился первый снег.

Когда на улице опустился вечер и девочки засобирались домой, Дашенька неожиданно крепко сжала мою руку и спросила:

— А можно остаться на ночь с дядей?

Ира дернула сережку, я внутри напрягся. Мне нравилось проводить с девочкой время, но погулять по парку пару часов, сходить в кафе или кино — и остаться за городом вдвоем, без Иры, не одно и то же.

— Дашенька, еще не готова твоя комната... И... Хорошо у тебя интернет ловит?

— Ага. Мне негде спать?

— Есть, но... Ты привыкла к удобству...

— Тут удобно.

— Мы вещей сменных не взяли, — сказала Ира. — Зубную щетку, расческу.

— Это всего одна ночь, — поддержал я Дашу. — Утром отвезу ее домой. Неужели такая проблема — поспать в одной и той же майке? Расческа у меня есть.

Ира глянула удивленно.

— Твоя. В тех вещах, что ты когда-то перевозила. Кстати, хочешь, я тебе их отдам? Или сама перебери. Реши, что нужно.

Жена растерянно кивнула.

— Даша, ты уверена? — Ира опустила перед девочкой на колени.

Та закивала.

— Хорошо. Утречком увидимся. Зубы... Ну что ж... Не выпадут же!

Ира волновалась не меньше моего. Расписала в подробностях ритуал отхода ко сну и все Дашины пищевые привычки.

— Ира, мы разберемся. Не переживай. Это все-таки скоро будет официально и мой ребенок. И мы будем часто уезжать или ночевать без тебя.

Ира тяжело вздохнула, но против моих слов не могла ничего возразить. Они звучали логично. Вот только мне самому еще предстояло привыкнуть к мысли, что Даша когда-то станет носить мою фамилию. Пока что я чувствовал себя ответственным «дядей». Но никак не папой.

Каково вообще ощущать себя отцом дочки? Можно почитать об этом в какой-нибудь книге или журнале? А в интернете что пишут — на форумах или в «Инстаграме»? Режим «Я отец!» включается кнопкой, как только появляется ребенок? Или ощущение отцовства рождается медленно, с каждым новым совместным днем? Да, я уже был отцом. Но это было так давно! Я был очень молод и прочувствовать толком не успел. Сначала, когда Ира была беременна, я беспокоился о ней и составлял списки. Я был уверен, что освоюсь в новой роли, если все тщательно распланирую, учту все мелочи и предусмотрю проблемы. Не учел, не предвидел... Невозможно это. Моя табличка не пригодилась. Любовь, которую я держал в сердце до дня рождения сына, копил, чтобы разом всю излить, — эта любовь осталась не востребовавшей. Надо заново вживаться в это пока непонятное, но такое манкое «папа».

Я читал Даше сказку с телефона. Пообещал купить настоящие книги с картинками. Она сказала, что привезет свои любимые.

Уже пятая принцесса удачно выходила замуж, а глазенки девочки все не слышались.

— Дядя, вам снится мама?

Я вздрогнул. Не ожидал вопроса.

— Нет. Увы.

— И мне. А я жду. Она на небе забыла обо мне?

— Нет, Даша! Она тебя очень любила. Она навеки твой ангел-хранитель...

— Вы любили ее, дядя?

Дети до ужаса откровенны. Могут одним взглядом и словом все перевернуть вверх дном в нас, взрослых.

— Да. Но меньше, чем она заслуживала.

— А меня любите?

Палец нервно менял вкладки на телефоне, внутри разгорался пожар.

— Вы берете меня, потому что вам меня жалко?

— Даша...

— Потому что хотите, чтобы Ирочка к вам вернулась?

— Даша!

Мне и в голову не приходило, что у нее появляются подобные мысли и чувства.

— Ты знаешь, что мой сын умер?

— Да.

— Мне казалось, я это пережил. Забыл. Но... Помнишь сказку про Снежную королеву? У Кая в глазу застрял осколок волшебного зеркала.

— Да. Он стал плохим. Не умел больше любить... И вы тоже?

— Нет. И да. Не знаю... Не бывает, Дашенька, чего-то одного. Ты ведь иногда злишься на тех, кого любишь?

— Да! Даже на куколок!

— Но от этого не перестаешь их любить?

— Нет!

— Вот так и у взрослых. Много чувств сразу.

— Но одно сильнее?

— Да. Только пока разберешь и убереешь все лишнее...

— Как морковку в супе.

— Что?

— Я выбираю в супе морковку. Люблю суп. Не люблю морковку. Люблю маму Иру и хочу есть ее суп. Но она всегда кладет дурацкую морковку.

— Я тоже не люблю. Особенно вареную. Фу!

— Говорили маме Ире?

— Нет. Просто выбирал морковку.

Даша засмеялась залившимся колокольчиком.

— В общем, я учусь быть папой заново.

— Вы не можете меня любить, потому что у вас уже был ребенок?

— Даша, нет! Все не так. В семье бывает много детей. И родители любят их всех.

— А ваш сын на небе не обидится, если вы полюбите меня?

— Нет. Мой сын, я уверен, хотел бы иметь такую сестричку. Не обидится! Мы же его не забыли и не разлюбили. Мы с Иррой просто полюбили кого-то еще.

Даша вздохнула. На ее ресничках заблестели слезы.

— Дашенька, ты чего?

— Значит, мне тоже можно любить кого-то, кроме мамы? Я ее не забыла! Не забуду никогда! Не разлюблю! Я просто полюблю кого-то еще!

Я тяжело задыхался. В груди разрастался камень, раздавливал легкие. Дашенькины мягкие ладошки вытерли мои слезы.

— Прости! Прости! — Я отвернулся.

— Чего вы всегда стесняетесь плакать, папа?

— Мальчики ведь не плачут.

— Почему, папа? Они что, не люди?

С того раза Дашенька стала проводить у меня одну ночь в неделю. Поначалу Ира обрывала телефон и засыпала сообщениями, но вскоре смирилась с тем, что нам с Дашей тоже нужно свое собственное время и пространство.

В «Книгарне»²³ я простоял долго, выбирая самые красочные книги. Девочка-консультант подошла с улыбкой:

— На подарок?²⁴

— Для дочки, — сказал, и тепло стало на душе от короткого, но точного слова.

— Что она любит?²⁵

Теперь я мог ответить с точностью. Поддержать разговор из разряда «моя в свои семь умеет то-то и то-то, сложности у нас с тем-то и с тем-то». Я осваивал опасное поле родительства, учился обходить мины и переставал бояться сделать шаг вперед.

Мы с дочкой наряжали елку. Накупили игрушек и пестрого дождика. Неожиданно позвонила Ира и спросила разрешения заехать.

— Я вам немного еды привезла, — сказала она, разуваясь на пороге. — Как твоя язва?

— Нормально все. Я же не пью, не курю. Стараюсь меньше нервничать.

— А когда ты мебель купишь? — спросила, опустившись на единственный стул.

— Ой, не спрашивай! Кровать нравится одна, а шкаф — другого цвета, а потом и стол какой-то неподходящий... Куплю, куда денусь.

— Может, тебе помочь?

— Это было бы здорово!

Елку мы доукрашали втроем. Ира подсказывала нам с Дашей, какие игрушки куда повесить выигрышней.

Я вынес в гостиную Ирины вещи, которые она годы тому назад свезла на дачу: в основном карандашные наброски, а еще пару полотен — сирень в вазе маслом и акварельный закат.

— Не выкинул?

²³ Книжный магазин (укр.).

²⁴ В подарок? (укр.)

²⁵ Что она любит? (укр.)

— Твои картины?!

— Это не картины. Так, баловство.

— Красивое баловство. Если они тебе не нужны, я себе оставлю.

Повешу тут.

— Не говори ерунды! Зачем?

— Мне нравится.

— А говорил, не разбираешься.

— Не разбираюсь. Но мнение иметь могу? Пусть дилетантское?

Ира долго перебирала работы.

— Знаешь, когда-то все, что я писала, казалось мне особенным.

Сейчас несовершенства как на ладони! С чего я вообще решила, что у меня есть талант?

— Есть. Я же так не умею.

— Ой! Тут уметь нечего. Все посредственно...

— Твоя проблема была в том, что ты сразу, с порога, претендовала на гениальность. Люди годами развивают талант. Мало кому он дается сразу и огромный.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Ты прав. Прав! И всегда был прав. Я трусиха. В мечтах легко считать себя гениальной. Приятно думать, что, если бы ты попробовала, у тебя непременно бы вышло. Что помешали обстоятельства. А так бы ты — ух!.. У меня была претензия на гениальность, причем необоснованная. Я это чувствовала, поэтому и не шла учиться, ни с кем не советовалась и никому не показывала. Кроме тебя. Я знала, что ты в этой области не знаток, но побоишься меня ранить и будешь хвалить. Я выбрала то, что было проще. Быть только женой.

— Это действительно проще?

— Я никогда этого не узнаю.

— Почему никогда, Ира? А сейчас?

— Что сейчас?

— Ты можешь начать учиться сейчас. Если все еще хочешь, конечно.

Она замотала головой.

— Вот ты трусиха до сих пор! Сейчас-то возможность есть. Я поддерживаю вас с Дашей финансово. Учись. Пиши картины. Получится — выставляйся. Хотя бы для души.

Ира отвернулась.

— Ты не обязан поддерживать меня вечно. Мы не вместе, а я все еще вишу на твоей шее. Пора, наверное, и мне взрослеть. Искать работу...

— Ира, давай честно. Куда тебя без опыта возьмут?

— Не знаю... — Она развела руками. — Ничего не знаю. Раньше всегда была уверена, что позаботишься ты... Как беспечно!

— Слушай, а если мне не суммы вам выделять на быт, а вложиться в какой-нибудь бизнес для тебя? Сама будешь зарабатывать.

— Я — и бизнес? Издеваешься?

— Ну вот ты опять... Ладно, Ира, давай пока жить, как живем.

У нас комиссия насчет Даши скоро. А там решим.

— Мама Ирочка! — позвала Даша. — Папа! Куда слать письмо Деду Морозу?

Даша закончила рисунок. Вся обляпалась краской. Носик стал голубой.

— Положи под елочку, — сказала Ира. — Дед Мороз его посмотрит и купит тебе ту игрушку, которую ты хочешь.

— Не хочу игрушки!

На рисунке не было никаких кукол или планшетов. Она нарисовала свое тайное желание и была рисунком очень горда. Он и вправду был хорош!

— Вот у кого точно есть талант, — сказала Ира.

Двое взрослых, мужчина и женщина, удивительно похожие на нас с Ирой, улыбались, держа за руки маленькую девочку с озорными кудряшками. А на облачке, рядом с солнцем, сидела девушка в платье цвета алой розы...

Закончились занятия в школе приемных родителей. Мы вышли на финишную прямую. Перед заседанием Ира предложила переночевать дома, чтобы поехать вместе.

Я уже засыпал, когда раздался стук в дверь.

— Снег опять, — сказала Ира, присев на подоконник.

— Днем все равно будет плюс пять. Растает.

— Даша никогда не каталась на санках.

— Никогда?

— Говорит, снега всегда было мало. Я не бывала во Львове зимой.

Там действительно мало снега?

— Ира! Ты же знаешь, что я тоже не был во Львове зимой. Ты знаешь все места, где я был.

— Знаю?

— А кто знает?

Она присела на диван, погладила край простыни.

— Мне приснилась Марьяна.

— Что?

— Девушка в ярко-красном платье с кучерявыми волосами. Как на рисунке у Даши... Она?

— Ну-у... Похожа.

— Она мальчика за руку держала. Нашего!

— Ира...

— Она сказала, что заботится о Сашеньке. Там... Попросила, чтоб мы заботились о Даше. Тут...

Пальцами растерла по щекам слезы.

— Мы же позаботимся?

— Она будет наша. Всегда.

Ира положила голову мне на плечо.

— Как бы я без тебя со всем этим справлялась?

— Зачем без меня? Я же есть.

Губами прикоснулась ко лбу.

- Диван такой твердый. Тебе удобно?
- Это же всего одна ночь. Завтра уеду.
- Не надо.
- Не надо?
- Не надо. — Ира развязала халат.

Потом мы долго лежали в тишине кабинета. Тени улыцы плясали на потолке.

- Как я скучал! — нарушил молчание.
- Я тоже. Давно.
- И не говорила?
- А смысл?
- Все-таки не можешь оставить прошлое позади?
- Могу. Но смысл? Так, как раньше, уже невозможно, понимаешь? Я не верила, что мы сможем все поменять. И поменяться. Ведь оба привыкли к тому, что было. А тут переписывать отношения заново. Как новые начинать!

— Ну и здорово! Новые. По-новому. Зато друг с другом. Ты же видишь, я стараюсь. Не давить. Не наседать. Слышать тебя и слушать.

- Вижу. Но надолго ли?
- А ты надолго нежна? Надолго ли будешь видеть во мне не только мужа, но и мужчину?

Ира завернулась в одеяло.

- Вот опять конфликт, — сказала.
- А как без них? Мы вон старались делать вид, что нас все устраивает. А все, оказалось, прогнило, пока от себя прятались. Не хочу так. Хочу открыто. Искренне! Я контролирую тех, кого люблю, потому что люблю! Я не могу измениться полностью. Но я готов стать гибче. Идти навстречу.

- Готов?
- А ты, Ира?
- Я? Прости... Ведь не только из-за тебя все разрушилось. Я отгородилась в своем горе. При этом слишком полагалась на тебя, на родителей. Не ценила многого. Считала, ты не делаешь ничего особенного. Делаешь меньше, чем обязан...

— Я тоже многое воспринимал как должное, Ира. Не уважал тебя. Считал, что ты всегда будешь рядом, потому что я тебе нужен.

- Нужен! Но я больше не хочу, чтоб ты был нужен только как...
- Кошелек?
- Муж. Кормилец. Опекун. Хочу быть тебе равной.
- Я все равно буду тебя опекать. Я такой!
- И за это я тебя очень сильно люблю. Но мы теперь родители. На нас равная ответственность.

- Что ты предлагаешь?
- Я нашла место. Прописала бизнес-план. Если тебе не сложно, посмотри его. Родители и Танечка... Я... В общем, я одолжила у них сумму...

- А я?!
- погоди! Я не хочу, чтобы опять все ложилось на твои плечи. Я хочу и сама! Хотя что-то в этой жизни сделать сама.
- Я тебя все равно поддержу, Ира. Так под что помещение?
- Под детскую развивающую студию. Языки, шахматы, рисование.
- Это то, чего ты действительно хочешь?
- Очень хочу!

На юбилей к маме поехали уже втроем. Всю дорогу Ира расписывала дочке потрясающую старинную крепость, в которой я встал на колено и сделал ей предложение.

— Как принцессе? — Даша хлопнула в ладоши и мечтательно закатила глаза.

— Как настоящий принц — принцессе. — Жена посмотрела на меня и улыбнулась.

Настя приехала без мужа. Еще более тощая. Еще более рыжая. Видимо, подкрасилась перед визитом. Со мной не разговаривала, но с Дашенькой подружилась: сажала на колени, смотрела с ней мультик на планшете.

Подловил сестру на кухне:

- Рад тебя видеть.
  - Не верится.
  - Правда рад.
  - Малая так на тебя похожа.
  - На меня?!
  - Ну да. Твоя же малая. Не ссы. Маме не скажу, что твоя. Поддержу вашу враку про дочь подруги. Я же не ты. В чужую жизу не лезу.
  - Почему деньги не взяла? И меня заблокировала!
  - Обидел ты меня тогда сильно. Деньги! Деньги! Я дно, а не человек для тебя?
  - Нет, Настенька!
  - Я бы и без денег помогла. Если бы ты ко мне по-человечески. Знаю, что много наворотила. Но... Тогда я сириасли мириться пришла. Не за деньгами!
  - Прости. Я просто переживал за тебя всегда. Ты же малышка моя. Я тебя люблю.
  - Сириасли?! Какая я тебе на фиг малышка! — У Насти покраснели глаза. — Ты любишь только идеальных! А я не такая! Не была и не буду!
  - Знаю. И ладно. Какая есть.
  - Я, может, сорвусь. Может, опять все пойдет по звезде, понял? Не могу обещать ни хрена! Понял?
  - Не надо. Жизнь твоя. Хорошо, что ты сейчас тут.
  - Но я не хочу опять все пустить по звезде!
- Сестричка разревелась, как маленькая. Я, как взрослый, ее обнял. Поцеловал в лоб.
- Не хочу опять! — Прижалась крепко. — Не хочу!

Весь январь держались плюс пятнадцать. Снега было не дозваться.

Земля не замерзла, выкопать место для урны оказалось легко. На большой памятной плите осталось достаточно места для фото. Когда-то мы с Ирой планировали написать рядом с датами жизни сына свои. Но мы были живы. А Марьяна обещала заботиться о Сашеньке. Значит, лежать вместе им было бы удобней.

Даша положила на землю рисунок, где Марьяна в красном платье, а за ее спиной — огромное солнце. Солнце... Выглянуло, рисунок лизнуло и скрылось.

Весной Ира посадила на могиле Сашеньки и Марьяны живые незабудки.

В день, когда Даша окончательно стала нашей, мы не разнимали рук. Нервничали, пока ехали. Нервничали, когда подписывали. Нервничали, когда выходили на улицу. Настоящими родителями выходили.

— О господи! Не верится...

Мы обнялись. Мы плакали. Нам не верилось. Ира стала мамой. Я — отцом.

Летом я закончил ремонт дачи. И мы перебрались туда на целых три месяца. Ира моталась по делам своей новой студии. Сначала заканчивала оформление, потом настраивала рекламу, подбирала персонал. Я участвовал на каждом этапе и давал ей советы, но вскоре понял, что она настолько вникла и загорелась, что начинает разбираться в теме лучше меня. Дашенька тоже занималась в этой студии.

Я предложил всем вместе ходить на уроки к тому преподавателю, которого высоко ценила сама Ира и ученики ее школы. Конечно, художником я не стал, но постиг своеобразный дзен, смешивая краски на палитре, и даже закончил пару посредственных пейзажей. У Даши дела обстояли значительно лучше. Мне нравилось, что наша семья создает что-то вместе. Что-то красивое...

Грянули двадцатые — и перевернули, встряхнули мир, распихали всех нас по домам, угрожая пандемией.

Меня удаленка не смущала. Я теперь мог быть с семьей целый день.

Даша росла и все больше увлекалась искусством. Когда ей исполнилось шестнадцать, стало ясно, что грех держать талантливую дочку подле себя, нужно помочь ей развиваться дальше. Мы долго планировали, совещались, прикидывали варианты — и Даша подала документы в одну из испанских школ искусств. Она прошла по конкурсу, чему мы все были ужасно рады.

По ней с детства понятно было, что финансистом она быть не захочет. Что надо купить хорошую камеру и не напрягать дочку уроками биологии. Не буду лгать, что понимаю что-то в световых инсталляциях или скульптурах из консервных банок. Конечно, Даша отменно рисует и обычные вещи вроде ваз с фруктами, но тянет ее в странные дебри современного концептуализма. Не жалко сколько угодно отдать за образование, если у ребенка глаза горят, а на стене висят награды.

Но не бросать же дочку совсем одну в чужой стране! Мы с Ирой решили купить квартиру в Испании, чтобы хотя бы несколько месяцев в году быть поближе к Даше.

Слава богу, мы в это время не были привязаны к работе: дела наладились. Но в Барселоне нам не понравилось. Одно дело — прилетать на время, чтобы переждать киевскую слякоть, и совсем другое — жить там круглый год. Скучали по родной речи и сметане в магазинах. Кроме того, дочь решила снимать жилье с другими студентками из их группы и злилась, если мы с Ирой названивали по десять раз в день.

Бенидорм оказался нам раем. Наши магазины, наши эмигранты. Океан теплый круглый год. Кофе почти не горчит.

Ира вышла на русскоязычную девчонку-риелтора. Но ни одна квартира не нравилась. Цены подскочили, а нам хотелось в первой линии. Каюсь, в море для меня обнаружилась своя прелесть.

Бинго!

— Три комнаты. Большая терраса над морем. Система «умный дом». — Смуглая улыбчивая риелтор перечисляла достоинства своего объекта. — «Косметика» нужна, потому что там много детей. Где-то на стенах рисуют, где-то царапины делают...

— На фото не видно.

В фотоальбоме место на вершине скалы выглядело шикарно.

— Так хозяйева марафетят. Но дети новые появляются — и снова стены в краске.

— Почему так дешево?

— Срочно нужны деньги. Хозяйева еще там живут. Как только подпишем, сразу съедут.

Нас предупредили о том, что квартира не свободна. Но о том, что с порога нас обступит, закружит веселая ребятня, — нет.

— Папа! — крикнула на идеальном русском девчушка и опустила на нос зеленые очки. — Выгоняй стриптизерш! Покупатели пришли!

Мальчишка затараторил по-английски. Поняла его из нас двоих только Ира.

— Нет-нет, — ответила она, — мы совсем не голодные.

— А для кого я старался?!

Хозяин выглянул из кухни. Хозяин улыбкой тут же пленил мою Иру (из-за чего я напрягся). Хозяин крепко обнял риелторшу и обратился к ней на незнакомом языке. Так, понял я, у них мафия, и заволновался, не станем ли мы с Ирой жертвами аферы.

— На террасу! Солнце сажать! Увидите закат над океаном — не захотите уходить. А я сразу цену набью.

Мы с Ирой неловко переглянулись. В люльке заплакал младенец, на шезлонге расселась малютка в пышном платье. Она размахивала королевским жезлом и поправляла сползающую на лоб корону. У Даши в детстве была похожая...

Еще более неловко стало, когда белозубый хозяин с лицом греческого бога протянул для знакомства руку. Она была шершавой, горячей, со

шрамом на ладони, и вместо двух пальцев я увидел обрубки. По бесенятам в темных глазах я понял, что хозяин узнал меня раньше, чем я его. Но ни словом этого не выдал!

Стол ломился. Солнце превратилось в гранат, алым залило море до самого горизонта.

— Мы поплавать пойдем, лады? — Девочка постарше уже переоделась в купальник и нацепила шляпу.

— Не бойтесь их отпускать одних? — Ира разрежала запеченного лосося. — Поздно... Вдруг что-то случится?

— Ой, да все равно! У меня еще дети есть. Эти — выставочные образцы. — Пижон засмеялся.

Ира сделала вид, что оценила юмор, но я в этом сомневался.

Девушка-риелтор забрала у принцессы скипетр, чтобы та пила сок и не испачкалась.

— Ты хоть по именам их помнишь? — подколола хозяйина.

— Приходится записывать.

Пижон раскрыл рубашку. Грудь была исчерчена именами с датами рождения.

— Эй-эй! — крикнул он детям. — Вы не поели. Сегодня мороженым ужинать не разрешаю!

— Почему-у?! — Старшая девочка обиженно выпятила губу.

— Назло! Раз я сижу без мороженого, значит, и вы будете!

Мальчишка затрепал на английском. Ира засмеялась, риелторша тоже, а Пижон, судя по выражению лица, понял сына не лучше, чем я.

— Он сказал, что на смертном одре тебе все припомнит, — перевела старшая дочь.

— А-а! Передай, что, если не будет слушаться, я его вычеркну из завещания.

Мальчик высунул язык и пошутил в ответ.

— Не стану переводить. Папа, учи английский!

— Он сказал, — Ира улыбнулась, — что ему и так ничего не достанется, пока вы всех остальных не вычеркнете.

Приходили «сажать солнце» соседи. Объятия были долгими, прощание — бурным и сентиментальным. Я почувствовал себя статистом в старом итальянском фильме с Софи Лорен.

— Вас так любят! Не хотят отпускать, плачут! — Ира пригубила вино.

— Это слезы радости. Небось уже шампанское открывают. Представьте, какие мы шумные!

— Много ведь деток.

— Да! Люблю, когда мыслей не слышно. Тем более я с детства водохлеб.

Ира хохотала. А я вот шутку не понял.

— Говорят, если есть дети, то в старости будет кому поднести тебе стакан воды, — пояснила шепотом жена. — Так вот его ждет очень много стаканов!

После сделки Пижон воскликнул:

— Ну все! Официально бомжи. Малая, накрасься погуще! Прокутим папочкины деньги в Монте-Карло.

— Пап, мне иногда не нравятся твои шутки.

— Чё так?! Они ведь клевые!

Интересно, сколько всего пережили эти стены? Привыкнули ли к нашей с Ирой тишине?

— Повезло, что мы с тобой не водохлебы, — засмеялась Ира.

Хотели закрасить надписи на дверном косяке:

«Мама, 29 л. — 163 см.

Папа, 26 л. — 190 см, 29 л. — 170 см (присел).

Я, 7 л. — 100 см, 9 л. — 140 см.

А., 9 л. — 146 см.

Кот, 2 г. — 30 см».

Но почему-то не стали.

Террасу вечером освещала гирлянда. Чайки садились на увитые цветами перила. Ира глядела вдаль. Я передал ей бокал и обнял ее. Все меняется: мир, человек. Я поменялся. Полюбил безделье и море. Полюбил слушать. Полюбил мечтать. Полюбил жить на две страны. И смотреть, как Ира рисует. И слушать, как Ира командует своими подчиненными.

Не скажу, что ее студия приносила баснословные деньги, но через четыре года бизнес полностью окупился. Теперь мы имели дивиденды. К тому же Ира была счастлива и воодушевлена.

— Может, и тут студию открыть? — У нее загорелись глаза.

— Давай пробовать! Никогда не поздно сделать что-то новое.

Она носом уткнулась в мою шею.

— Почему ты заплатил больше, чем они просили?

— Просто. Вроде неплохие люди... Да ты сама видела этот закат!

Говорят, все счастливые семьи похожи друг на друга, а все несчастные несчастны по-своему. Кто я, чтобы спорить с классиком? Хотя поспорю! Все наоборот. Что в том несчастье? Холод, уныние, одиночество, непонимание, разочарование, гнев. У всех одинаково, как под копирку. А вот счастье — категория индивидуальная. Его каждый по-своему строит, пусть кому-то со стороны непонятно и непривычно.

Вот мы с Ирой не водохлебы, мысли свои слышать любим. Но над нашим новым камином висит детский рисунок. На нем мужчина и женщина, в небе на облаке парит девушка в алом платье. А между ними всеми во весь рот улыбается наша Дашенька.

Дмитрий ЛЕГЕЗА

«ПОЭТ НАБИЛ СЕБЕ ТАТУ...»

* * *

Если выбрал погост, если выбрал страну,
Ты расслабиться вправе —
Отправляйся смотреть на большую волну
В Канагаве.

Не поверишь, какая бывает волна
На Сагамском заливе,
А как встанут одна за другой — ни хрена
Не увидишь за ними.

Сине-белое что-то грохочет, ревет,
И внезапно в прорехе
Сине-белая Фудзи появится — вот
Для чего ты приехал.

Пусть немного потерпят страна и погост,
Для гайдзина-поэта
У художника в доме фонарь не погас
И sake подогрето.

— Ну а где рыбаки, те, чья лодка длинна,
Выйти в море забыли?
— Господин, ты же видишь, какая волна
На Сагамском заливе.

* * *

А на Марсе яблони цвели,
Их сперва не видели с Земли.
Там всю румянились плоды,
Никогда не знавшие воды.

Там платили красные рубли,
 Там копали красные каналы,
 И, конечно, яблони цвели,
 И плоды, конечно, были алы.

Ми-ми-чу-рин, осьминог-парторг,
 Юным комсомольцам-краснорождам
 Говорил: «Не ешьте “Глостер Йорк”,
 А любите “Славу перемождцам”».

Как на Марсе яблони цвели,
 Как пытели шахты и заводы,
 Как отважно по пустыням шли
 Трудовые танки-марсоходы...

А на Марсе яблони цвели,
 Жаль, что их увидели с Земли.

* * *

*Порядочный химик в двадцать раз
полезнее всякого поэта...*

И. С. Тургенев, «Отцы и дети»

То-то химик хорош он усат и статен
 Он когда проходит в своем халате
 Замирают колбы поют реторты
 И пробирок стройных встанут когорты

На руках его розовеют шрамы
 Он рисует бензольные гексаграммы
 И вельветовым молится баритоном
 Альдегидам кислотам спиртам кетонам

А теперь для сравнения возьмем пиита
 Под глазами мешки голова не мыта
 По карманам исписанные тетрадки
 На лице все признаки лихорадки

Не удобришь поле яблом хореем
 От гундосых виршей мы не бодреем
 Сколько б он извилистых слов не мекал
 Все без толку а химик он бог молекул

Прогоняйте пиитов пииты буйны
Веселитесь химики бейте в бубны
А седой Менделей повязав бандану
Пусть стучит задорно по чемодану

Mélo die

Я иду по Салтыкова-Щедрина,
У меня сегодня белая спина,
На душе невероятное ку-ку,
Сад Таврический сейчас пересеку.

Я забавный сочиняю каламбур,
Я насвистываю Mélo die d'amour,
По сценарию мне встретится Она:
— Да у вас, — пошутит, — белая спина!

С декабрем внезапно станет все не так,
Будто он теперь апрель, а я дурак,
Как дурак иду с раскрашенной спиной,
И дошкольники смеются надо мной.

Ах, не смейтесь, пацаны, я тороплюсь
На кино для тех, кому шестнадцать плюс,
Полтора рубля билетик — заходи,
Из окошка раздается Mélo die.

А вокруг невероятная метель,
Где же ты, невероятная Кристель,
Санта-Клаусы толпятся у витрин,
Бородатые, как дедушка Щедрин.

* * *

Поэт набил себе тату —
Луну и сакуру в цвету.

Моряк набил себе тату —
Красивый парусник в порту,

Аптекарь попросил тату —
Рецепт настойки на спирту,

А дзен-буддист набил тату —
Иллюзию и пустоту.

Олег САФОНОВ

МЯЧ

Р а с с к а з

В одном городе, конечно не в столице, но все-таки в довольно крупном городе с развитой системой образования, произошел труднообъяснимый, можно даже сказать, загадочный случай.

«Ну вот, еще один выискался, — скорчит мину скептически настроенный читатель, ленивым взглядом пробежав по первым строчкам. — Что в наш век всеобщей компьютеризации и цифровизации может быть загадочного?» Скривится, зевнет да и швырнет эти записи одним нажатием пальца в корзину. Однако тот, кто подольше потоптался и пообтерся на белом свете, повертелся, так сказать, в разных позах, в какие немилостиво ставила его судьба, не будет столь категоричен. Он, этот третий калач, знает: в мире гораздо больше непредсказуемого, чем кажется, и не сомневается, что в наше время тоже имеют место быть удивительные, непонятные истории. Причем в основе их зачастую лежат причины отнюдь не глобальные, а наоборот, самые что ни на есть ничтожные. Действительно, кто всерьез рискнет утверждать, что какая-нибудь досадная мелочь, глупейшее недоразумение не способны порой оказать решающее влияние на весь ход жизни человека, а то и взбаламутить, выбить из колеи весьма достойное, высококультурное общество?

Итак, в одном городе, в абсолютно средней школе, а именно в школе номер тринадцать, на ничем не примечательном уроке физкультуры дети затеяли игру. Играть решили на спортплощадке, потому как май, молодая травка, солнышко. Желания носиться сломя голову от ворот до ворот у юного поколения не возникло, соответственно, остановились на волейболе. Физрук Деев, мужчина крепкий и налитой, как спелое яблочко, дал возможность образовательному процессу течь свободно. Дети потихоньку перекидывали мяч через сетку, педагог тем временем с хорошей, светлой улыбкой развалился на лавочке. Возможно, перед ним всплывали образы фигуристых дамочек, выполняющих в тренажерном зале упражнения для улучшения формы ягодичных мышц, с одной из которых он даже договорился о променаде. Впрочем, к нашему делу это не имеет отношения.

В общем, кругом все было спокойно, но вдруг... Оно обычно и выскакивает, это «вдруг», как только расслабишься и начнешь подозревать, что жизнь совсем не плохая штука, забыв о всевидящем оке и занесенной над головой карающей длани. Так вот, вдруг ни с того ни с сего Вова Кот, не совладав со своей молодецкой удалью, заорал дурнинушкой и с разбегу, по-вратарски, запустил мяч в небесную синеву. Приложился, так сказать, от души. И ладно бы обиделся из-за проигрыша или игра надоела (подобный всплеск эмоций нормален для неокрепшей детской психики), а то взял и выдал без видимых причин. Потом, когда все завертелось и его спрашивали раз за разом: «Зачем ты, Вова, по ручному мячику ногой-то пнул?» — он неизменно отвечал, что тот сам напросился. Спровоцировал, потянул к себе своим лощеным боком и даже будто бы произнес: «Вдарь мне, Кот, да посильнее». Дальше случилась вещь еще более странная. Мяч вместо того, чтобы благополучно приземлиться где-нибудь на стадионе, неожиданно изменил траекторию полета и упал на крышу школы, причем не просто упал, а буквально воткнулся в какое-то углубление на скате, в аккурат над кабинетом директора. Восторгу детей, да и самого Кота, не было предела. Однако совсем скоро бурная радость уступила место некоторой досаде. По всему было видно, что мяч засел крепко и возвращаться в игру не собирается.

Первым стал расстраиваться физрук. Он полгода просил у директора деньги на спортивный инвентарь и наконец вчера, получив добро, выбрал в магазине за полторы тысячи вполне себе приличный светло-перламутровый кожаный экземпляр от неизвестного производителя. Утром подкачал его, вынес на урок и строго предупредил: «Ногами не пинать!»

— Ты бы лучше башку свою туда закинул, футболист несчастный! Чем теперь нормальные дети в волейбол играть будут?

— А в самом деле, Кот, ты чего сбрендил? Что теперь делать будем? — поддержали физрука ребята.

— Да вы меня на крышу пустите, я его враз сниму. Тут дело-то плевое! — предложил Вова.

В его словах был свой резон. Стоило вылезти из ближайшего к мячу слухового окошка, аккуратно пройти от него немного вправо, потом немного вниз по совсем неопасному уклону, тем более для такого персонажа, как Кот, и проблема решена. Однако это только в фильмах про корсаров и флибустьеров несовершеннолетние юнги шныряют по реям раскачивающихся на волнах кораблей и вытворяют прочую дикость. А в наше время позволить дитю выйти на крышу, чтобы скинуть залетевший туда мячик, может только человек, потерявший последний рассудок. Деев здравый смысл не терял, а потому Коту в его благородном порыве отказал и по окончании урока направился к замку по «безопасной жизнедеятельности» Упорову.

Упоров был на должности не первый год. Он немало наполучал щелчков и затрещин, не успевая вовремя реагировать на вечно меняющиеся инструкции и распоряжения сверху. В конце концов на него снизошло озарение. «За что же страдаю? — возопил он. — Надо хотя бы разобраться. Имеющий глаза да увидит!» В итоге всем чертям назло он решил изучить законодательство по безопасности: пожарные правила,

нормы по охране труда, антитеррору, а также разного рода СанПиНы*, СНИПы**, рекомендации для пунктов выдачи противогазов, ну и так далее. А дальше просто жить по закону, предвидя все нападения контролирующих органов, и, как говорится, в ус не дуть. Ухмылка судьбы состояла в том, что физрук обратился к заму по БЖ с просьбой выпустить его на крышу как раз в тот период, когда Упоров только начал осуществлять свой грандиозный замысел.

Меланхолично выслушав рассказ о мяче, заместитель директора сказал даже не без некоторого злорадства:

— По закону появляться на крыше образовательного учреждения могут только представители специализированных организаций, прошедшие специальное обучение, при наличии страховочного, скалолазного снаряжения.

— И что ты предлагаешь? Новый мяч на солнышке греться оставить, когда детям играть нечем?

— Предлагаю пойти к директору и найти способ решения вопроса в рамках правового поля. Потому как, если ты с крыши навернешься, мне отвечать.

Через полчаса в кабинете Шарова собралось летучее совещание, на которое физрук также притащил за шиворот Кота. Нашкодившего ученика, конечно, распекли, но Вова сильно не волновался, потому что в принципе чувствительной натурой не являлся. По правде говоря, ему этот словесный дождь вообще был как с гуся вода, он только недоумевал, зачем столько шума, когда можно просто выпустить его на чердак и через пять минут все будет в ажуре.

Вторая часть совещания прошла сумбурно. Физрук орал, чтобы ему разрешили забрать мяч, ведь он нужен не забавы ради, а для выполнения раздела учебной программы «Спортивные игры». Зам по БЖ глядел исподлобья и выдвигал мощный контраргумент: «А вдруг, пока Деев лазит по кровле, нарушая все мыслимые и немыслимые нормы, его снимут на телефон доброжелательные жители близлежащих домов и выставят куда надо?» Один напирал, другой стоял стеной и отбивался строчками из правовых актов. Нашла, значит, коса на камень. Спросили вызванную на всякий случай завхозиху. Та, будучи дамой рассудительной, рассмотрела вопрос в перспективе. «Специализированные организации с альпинистским снаряжением, конечно, есть, — заметила она, перебирая ключи на связке, — но появляются они, только если школам выделяют бюджетные средства на ремонт кровель. По слухам, такое событие возможно года через три, однако тот, кто хоть мало-мальски ориентируется в вопросах финансирования образования, знает, что деньги дают в двух случаях: когда жареный петух в мягкое место клюнет, ну или кто-то там, высоко, должен торги выиграть и большой заказ получить. Опять же, — продолжила она, — народ у нас, действительно, пошел принципиальный — снимают и стучат на каждом шагу. То сосульки зафотографируют, то мусор возле бачка, когда его из-за долгов не вывозят. Тем не менее срывать учебный процесс тоже нельзя, а потому не лучше ли пойти по самому простому

* Санитарно-эпидемиологические правила и нормы.

** Строительные нормы и правила.

пути — вызвать родителей этого провинившегося субъекта и взять у них полторы тысячи на покупку нового мяча?»

Директор, лысая голова которого соответствовала его фамилии, находился в раздумье. Шаров был руководителем того возраста, который незаслуженно обойден поэтами, но воспет средствами массовой информации, — то есть возраста предпенсионного. Говорят, люди в это время находятся на пике интеллектуальной активности и вообще работоспособности. Вот и Шаров был в апогее своих сил, то есть походил на перегруженного верблюда, которому не хватает последней соломинки. И он боялся этой соломинки, потому что кому нужен предпенсионный верблюд со сломанной спиной? К моменту спонтанного собрания состояние его было нервнее обычного. Последнюю неделю Шарова беспокоил один неприятный факт. На недавнем чаепитии, которое устроила заврайоно в честь своих именин, ему не хватило ложечки. А ведь у нас на официальных мероприятиях просто так без ложечки не оставляют. Возможно, отсутствие столового прибора — первый признак начинающейся опалы. В самом деле, месяц тому назад он позволил себе лишнее, не зачислив в класс тридцать пятого ребенка. Не взял, сославшись на установленную законом норму в двадцать пять учеников. А ведь к нему обращались по особой просьбе. После ложечки он, конечно, уже пожалел и думал, что черт бы с ним, с тридцать пятым, но, как говорится, поезд ушел. И вот теперь директор, вероятно, рассуждал следующим образом: «Если я в одном случае поступил по закону, то почему же должен нарушать его из-за какого-то там мяча?» Разумеется, путь, предложенный завхозихой, тоже имел подводные камни, но здесь можно было надеяться, во-первых, на то, что родитель испугается, во-вторых, что у него проснется совесть. По сему, протерев платочком красную лысину, он взял телефон и вызвал в школу маму Кота, которую, в отличие от папы, найти оказалось проще.

Валентина Ивановна Кот, женщина среднего возраста и средней же полноты, была типичной мамашкой типичного лоботряса и, соответственно, никакой совестью не страдала. А вот некоторую неуверенность в кабинете директора обнаружила. Проще говоря, немного струхнула. Поэтому, выслушав предложение Шарова возместить ущерб, она не пошла с места в разнос, а сослалась на отсутствие в кошельке на данный момент требуемой суммы, хотя и согласилась, что вопрос, безусловно, решать надо.

По пути домой взволнованная женщина встретила подружку Людмилу Зудину, с которой поделилась своим несчастьем. Следует отметить, что до этой встречи они с Зудиной уже три месяца не общались из-за взаимной обиды. Кошка между ними пробежала после того, как их общая приятельница, рассорившись с обеими, благополучно пересказала каждой мнение о ней другой стороны. Однако не зря говорится — друзья познаются в беде. Жажда справедливости тут же объединила их, вызвала бурный прилив самых теплых чувств и даже довела до магазина, где Валентина Кот купила пива и закуски на полторы тысячи, чтобы продолжить общение у нее дома.

— Да какое он имеет право деньги с меня трести? — ерепенилась, размахивая пивной кружкой, пострадавшая от директора. — Ну подумай, пнул ребенок мяч. Он для того и создан, чтобы его пинать.

— Все они только и норовят в наш карман залезть, крохоборы, — поддерживала подруга. — Бедными овечками прикидываются, дескать, средств им не выделяют. Да у нас на каждом углу талдычат, что школы всем обеспечены и никакой директор ничего с родителей дергать не должен.

— А физрук на что? — продолжала возмущенная мать. — Его прямая обязанность — следить за детьми, находить к ним педагогический подход. Я так понимаю: случай произошел у него на уроке, вот пусть с него и высчитывают. А то нашли дурочку.

— Ты о чем говоришь? Какой подход? Плевать они хотели на наших детей. Моей Леночке русичка тройку по литературе за год выставила. Ничего не читает, говорит, она у вас. А кто должен замотивировать, увлечь ребенка?

— Хорошо устроились. И зарплата, и отпуск на все лето. Еще и полтора рубля им подавай за здорово живешь...

Не будем здесь приводить весь разговор давних подруг, нашедших общего врага, обозначим лишь его итог, о котором пронизательный читатель, конечно, уже и сам догадался. Устав переливать из пустого в порожнее и почувствовав жгучее желание перейти к реальным действиям, Кот с Зудиной решили писать жалобу. Правда, сначала перед ними возникло небольшое препятствие, а именно: ни та, ни другая не владели эпистолярным жанром. Однако разве когда-нибудь неумение двух слов связать останавливало личность, отстаивающую свою правоту? Во все времена находились разного рода бумагомараки и приказные чернильницы, готовые состряпать для оскорбленного человека любую кляузу, а нынче дело и вовсе упростилось до невозможности. Набираешь в интернете что-нибудь вроде «жалоба на директора школы» — и выбирай варианты. Собственно, только и остается, что вписать фамилию руководителя, номер школы да отредактировать содержательную часть. Видимо, и в нашем случае не обошлось без использования вышеуказанного сервиса. Так или иначе, после тридцати минут упорного труда двух представительниц прекрасного пола на свет появилось следующее творение.

«Прошу защитить мои права как родителя и законного представителя несовершеннолетнего ребенка от ничем не обоснованных злостных посягательств со стороны директора школы номер тринадцать Шарова Е. С. Шаров Е. С., посягая на мою честь и достоинство, требует с меня деньги по причине мяча, случайно залетевшего на крышу. Мой ребенок, находясь на уроке учителя физкультуры Деева С. В., совершенно непреднамеренно ударил по нестандартному мячу ногой во время игры в волейбол, при этом даже слегка зашиб себе палец. Следует отметить, что Деев С. В. недобросовестно относится к исполнению своих должностных обязанностей. Он не объяснил детям правила безопасности при игре с мячом, не показал основные ошибки, которые можно допустить во время этой игры, и даже не довел до их сведения, что в волейбол играют прежде всего руками. Далее вместо того, чтобы оказать моему ребенку квалифицированную медицинскую помощь, его подвергли грубому психологическому давлению. С ним разговаривали на повышенных тонах и всячески намекали ему на то, что он должен снять мяч с крыши, но в то же время постоянно озвучивали, что на крышу не пустят, а потому

предлагали договориться с родителями о замене якобы утраченного мяча деньгами в сумме одна тысяча пятьсот рублей. Прошу разобраться также, в каком состоянии находится кровля образовательного учреждения, если в ней даже мячи застревают. Ни для кого не секрет, что на третьем этаже школы во многих местах с потолка сыплется отмокшая после протечек штукатурка, хотя взносы на ремонт с родителей собирают регулярно. На самом деле никто ничего не ремонтирует, просто понамажут пожароопасной краской, и все. Куда уходят средства, неизвестно. Также сообщаю, что в школе отвратительное санитарное состояние. Я сама лично, проходя мимо столовой к кабинету директора, видела таракана. Но, похоже, руководителю нет дела до того, что вверенное ему учреждение кишит насекомыми — переносчиками заразы, ему вообще совершенно безразличны жизнь и здоровье детей. Шаров Е. С. даже не может поставить на входе в школу нормальную охрану, ограничившись бабушкой в камуфляже. Оно и понятно, его интересуют только выборы. В связи со сказанным требую защитить меня и моего ребенка от административного беспредела. В противном случае оставляю за собой право обращаться во все вышестоящие инстанции. Подпись: В. И. Кот».

— Ловко получилось, — порадовалась Зудина, перечитав бумагу.

— Только про таракана, наверное, лишнее. Ведь не видела я его, — все еще сомневалась Кот.

— Да какая разница! Видела, не видела. Кто докажет? Поверь мне, этот таракан очень даже к месту. Директор еще из-за него повертится, как вошь на гребешке.

— А и действительно, пусть почувствует, почем фунт лиха, меньше будет рот разевать на слабую женщину.

— Эх, Валя, зря ты третьего не родила. Была бы многодетная мать. Ей вообще можно любые двери пинком открывать. Тогда бы уж он вовек не оправдался.

С отправкой письма проблем не возникло. Это в дремучем двадцатом веке подача жалобы сопровождалась покупкой конверта, походом на почту и прочими неудобствами. Сегодня в данном вопросе также произошел решительный поворот к людям. Каждое ведомство теперь имеет свой сайт, куда могут излить душу все «униженные и оскорбленные». Послав куда следует созданный в соавторстве шедевр, подруги с чувством глубокого удовлетворения продолжили беседу. Правда, беседа их в какой-то момент перешла с банального хвастовства на выяснение отношений по поводу прошлых обид и приобрела совсем недружественный характер. При этом слабый пол перешел на такие сильные выражения, которые могли бы смутить даже завсегдатаев питейных заведений. Кончилось тем, что дамы разбежались буквально в шаге от того, чтобы вцепиться друг другу в волосы, и поклялись враждовать до гроба.

Теперь оставим наших героинь, которые сделали свое дело, породив в порыве вдохновения столь великолепное и, главное, жизнеспособное детище. Тем более что через день они уже и забыли о нем, окунувшись в гущу других, не менее серьезных забот. Настало время сказать несколько слов о стороне, которой мы еще не касались в нашей истории, а именно — о стороне контролирующей.

Думаю, каждый согласится, что само слово «контроль» вызывает в нас отнюдь не лучшие чувства. Мало кто, услышав его, вспомнит какую-нибудь идиллическую картинку, например первую учительницу, которая поправляет нетвердую руку малыша, высунувшего от напряжения язык, или внимательного седого наставника на производстве, помогающего молодому рабочему разобраться с непослушным станком. Скорее, контроль для нормального члена общества есть некая злая прелюдия перед неизбежным наказанием, и проверяющий таким образом представляется ему лицом значительным, обладающим властью определять меру этого наказания от простого тыканья носом до весьма чувствительной порки у позорного столба и денежного штрафа. Данный подход делает фигуру контролера в наших глазах глубоко уважаемой и достойной благоговения. Тем не менее и его работу нельзя считать совсем уж легкой и беззаботной. Для служащего надзорного ведомства тоже существуют свои постулаты, строгое следование которым позволяет ему избежать многих неприятностей.

В первую очередь, и это главное, надо знать, кого проверяешь. Следует не полениться и поинтересоваться связями попавшей на проверку личности, чтобы заранее определиться с уровнем принципиальности. Здесь, я думаю, и пояснять ничего не надо, поскольку все мы, лишь только вылезем из пеленок, начинаем различать: кто должен титьку дать, а кто может и по попе шлепнуть, и в зависимости от этого строим линию своего поведения.

Во-вторых, надо раз и навсегда отказаться от иллюзий, что существуют организации без нарушений, и не выносить мягкотелых вердиктов, что, мол, у проверяемого все хорошо. Во всяком случае, если контрольные мероприятия ведутся по жалобе. А уж тем более когда вопрос касается детей. Жалобщик, он ведь может и до самого верха достучаться. Ему у нас везде зеленый свет. Вот тогда-то придет вышестоящая инстанция и обязательно чего-нибудь найдет. И обвинит предыдущего инспектора в отсутствии рвения, некомпетентности, а то, чего доброго, в несоответствии занимаемой должности. Оно и справедливо. Нельзя есть свой хлеб даром!

Имеются, конечно, и другие правила, например, что инспектировать комиссией лучше, чем в одиночку, там уж ответственного за решение точно не найдешь, однако, дабы не утомлять читателя, ограничимся перечисленными.

«Постойте, а как же честь мундира? — возразят некоторые. — Разве не дело тех же органов управления образованием защищать свои учреждения? Предоставлять в помощь директорам квалифицированных юристов, экономистов и прочих специалистов?» На это возразим, что мундиры в современной школе не носят, а потому и слово «честь» применительно к педагогическим работникам уже давно не употребляется. Но нельзя сказать, что руководящие структуры совсем отсиживаются. Наоборот, случись какой запал, они чаще всего первые и обнаружат все нарушения нерадивого директора и быстренько вынесут ему взыскание, так что другим органам, по большому счету, и проверять-то будет нечего.

Шаров серьезными знакомствами не обладал, покровительством вышестоящих похвастаться не мог, а был трудягой, который всю жизнь

пахал, избегал интриг и даже сам не понял, как его занесло в директора. Иными словами, являлся оптимальным объектом контроля. Поэтому получившие жалобу ведомства взялись за дело усердно, без проволочек, что называется, засучив рукава.

Ночь после досадного эпизода с мячом прошла для Шарова относительно спокойно. Признаться, и сам случай совсем вылетел у него из головы. Мало ли у руководителя других забот, кроме залетевших на крышу предметов. Правда, все утро его сопровождало непонятное мрачное предчувствие, однако вызвать его мог какой угодно факт. Ну, например, нежелание химички работать после шестидесяти семи. И ежедневное капанье на нервы: ищите, мол, специалиста, не сегодня-завтра напишу заявление. А где его найдешь, хорошего химика, да и нехорошего тоже. Или тот же приказ районо номер четыреста двадцать пять, в котором предписывается срочно вывезти с территорий образовательных учреждений весь собранный на субботнике мусор. А на чем его вывозить, когда ни машины, ни талонов на утилизацию школе не дают? В общем, Шаров находился в том самом расположении духа, когда от человека можно ожидать какого угодно необдуманного поступка.

Вот на такую-то подготовленную почву и попал звонок из отдела образования. Заврайоно Локтева, женщина, высохшая на своем посту, в нелицеприятных выражениях напомнила Шарову, что его в свое время чрезвычайно облагодетельствовали, назначив на должность, а потому ожидают от него в качестве благодарности, чтобы все конфликты с учениками, их родителями да и просто с окрестными жителями решались в пределах учреждения, не доставляя хлопот начальству. И в первую очередь не должно быть заявлений, что директор чего-то там требует в плане денежных взносов. В том числе и спортивный инвентарь необходимо приобретать без малейшего давления на родителей и уж тем более без ходатайств о выделении бюджетных средств. Также и здание школы по идее должно ремонтироваться само собой. Ну и наконец, запрашиваемую информацию надо предоставлять вовремя. Поэтому от Шарова требуется как можно быстрее написать подробную объяснительную по жалобе, затем пообщаться с Валентиной Ивановной Кот и решить все вопросы миром, а главное, снять с крыши мяч, ликвидировав таким образом источник конфликта. В перспективе же починить и саму крышу.

Дальше следовало бы ожидать, что наша история начнет развиваться наподобие скучной шахматной партии, где один игрок, будучи значительно сильнее, легко рубит пешку за пешкой и в скором времени ставит своему незадачливому сопернику мат. Однако в дело вмешался очередной непонятный факт, а именно: Шаров неожиданно взбрыкнул. Как потом, вздыхая, вспоминала секретарша, поговорив с Локтевой, шеф впал в странную неподвижную задумчивость, чего раньше с ним не случалось. Взгляд его стал невидящим, как у лунатика, а выражение лица отстраненным от мира сего. Вдруг он вскочил, схватил лист бумаги и в сильном волнении написал на нем послание. После того с кривой улыбкой попросил его напечатать, дать ему на подпись и послать в районо.

Представляем читателю содержание данного письма.

«Я, Шаров Егор Семенович, находясь в здравом уме и твердой памяти, по поводу жалобы Кот Валентины Ивановны могу пояснить следующее.

Оправдываться не желаю, потому как к денежным взносам данную гражданку не принуждал, а лишь просил ее добровольно пожертвовать школе новый мяч, причем хотел оформить передачу товарно-материальной ценности в установленном законом порядке. Если принимать подобные пожертвования запрещено, прошу пояснить, каким именно актом или распоряжением установлен соответствующий запрет.

Учитель физкультуры Деев С. В. действительно не объяснял детям, что в волейбол играют руками. Но он также не объяснял им, что в футбол играют ногами, в хоккеей — клюшкой, на лыжах катаются по снегу, на коньках — по льду, а плавают в воде.

Ученик Владимир Кот не травмировал себе конечности, так как зашибленной ногой по дверям в туалете не пинают.

Крыша у меня давно течет, однако если мяч я могу купить на свои личные деньги, то на ремонт кровли директорской зарплаты все равно не хватит. Даже если мне ее выплатят за десять лет вперед.

Пожарные сертификаты на краску, конечно, имеются, и даются они на основе лабораторных исследований, против которых даже умозаключение человека, написавшего жалобу, будет не очень эффективно.

Бабушку на школьный вход выделила охранный организация, выигравшая торги по всей области, поэтому какие тут еще могут быть вопросы. А то, что она в камуфляже, наоборот, хорошо. В самом деле, разве плохо, что бабушка находится в форме?

Тараканы. Тараканы, конечно, бегают и разносят заразу, но не у меня в учреждении.

Снять мяч с крыши не имею права, потому что по закону выходить на крышу школы могут только работники специализированных организаций, прошедшие специальное обучение, с использованием страховочного снаряжения».

Ну, скажите, разве мог нормальный директор, переживающий из-за отсутствия ложечки, которому осталось несколько лет до пенсии, написать такое? А ведь не только написал, но и подтвердил все написанное при непосредственной встрече с начальством. Уж каких только административных методов там к нему не применяли: испепеляли взглядом, стирали в порошок, орали, возвышаясь сверху, стращали увольнением и разного рода ответственностью, вплоть до уголовной, под конец даже пробовали разговаривать по-человечески — ничего не помогало. Шаров забаррикадировался правовыми нормами, уперся на своем и, вперив взгляд в пол, заявлял, что ничего противозаконного не делал, делать не собирается, поэтому все обойдется. Вот какое серьезное воздействие оказал на него мяч! В конце концов, устав от бесплодности своих атак, руководство образованием отпустило строптивого директора с напутствием, что хорошо бы действительно все обошлось, а иначе ему несдобровать. Хотя на самом деле решило потихоньку подыскивать ему замену.

Следующая ночь для Шарова была полна нездоровья, о чем свидетельствовали темные круги под глазами и блестящий воспаленный взгляд.

О нехороших предчувствиях директора даже говорить не стоит, потому что какие уж тут предчувствия, когда есть ясное понимание, что дело так не оставят, пока все по тебе не пройдет. И действительно, часов в десять утра в кабинет к Шарову забежала испуганная завхозиха — сообщить, что по задворкам школьной территории разгуливает человек в зеленом кителе и что-то там фотографирует.

«Ну, вот тут уже соврал, — скажет житель столичного региона. — Школы у нас окружены такими заборами, что и мышь не проскочит, не то что незнакомый человек». На это возражу: нельзя судить обо всей стране по меркам Садового кольца. Вот и в тринадцатой школе, у Шарова, ограда тоже была, но поставили ее еще в эпоху развитого социализма, когда общество двигалось к светлому беззаборному будущему, поэтому перешагнуть через нее любому постороннему субъекту во все исторические эпохи не составляло труда. К тому же и эти социалистические звенья несознательные граждане микрорайона время от времени выламывали по ночам на металлолом. Приходилось заделывать дыры арматурой, чтобы отчитаться в отсутствии свободного доступа на территорию образовательного учреждения, которая на самом деле представляла собой проходной двор и полигон для выгула собак.

Когда Шаров с завхозихой и Упоровым выскочили на улицу, пожарный инспектор уже отснял доказательную базу и даже рад был пообщаться с виновными в совершении административного правонарушения. Тем более что факт, как говорится, был представлен во всей своей красе. Стройные ряды мешков мусора, собранного на субботнике, ждали своей обещанной через две недели машины. Да ладно бы только пожароопасный материал в мешках. К нему еще относятся снисходительно. Возможно, в полиэтилене он меньше подвержен воспламенению. А то ведь по причине нехватки мешков дети еще сложили две кучки просто так, без всякой защитной оболочки.

— Вот из-за подобного разгильдяйства и горит страна, — мрачно проговорил инспектор в рыжие усы.

— Так ведь подготовили к вывозу. У администрации одна машина на весь город, а в багажник моей легковушки триста мешков точно не влезут, — возражал директор.

— Тем не менее за противопожарное состояние своей территории отвечает само юридическое лицо. У каждого учреждения возникают проблемы, но я так понимаю, что руководителя для того и ставят на должность, чтобы он успешно решал их, а не ссылался на трудности.

Возникла пауза, заполняемая пыхтением зама по безопасности, который неизвестно откуда взявшейся лопатой разбрасывал кучи упомянутого выше неупакованного мусора.

— В таком случае, — сверкнул глазами Шаров, — мы сейчас все, что собрали, обратно по территории раскидаем.

— Это уже ваше дело, — спокойно ответил инспектор, — лишь одно скажу: на момент проверки факт имел место, поэтому штраф все равно получите, причем в двойном размере, так как в регионе объявлен особый противопожарный режим.

Кроме вопиющей захламленности территории, представитель пожарного надзора нашел и другие свидетельства разгильдяйства. В рекреации второго этажа один из огнетушителей был без стопорного кольца. «Видимо, дети баловались», — пожимал плечами Упоров, но от его пожиманий легче никому не стало. Также ограждение крыши требовало покраски. И наконец, самое болезненное: в лаборантской у химички государственный служащий обнаружил... Что бы вы думали? Конечно! Включенный в розетку чайник! Разумеется, имелось и более серьезное нарушение: эвакуационный выход не соответствовал новой редакции пожарных правил и требовал перестройки, однако чайник все же был неприятнее. Шаров понимал, что именно этим электроприбором его и будут прилюдно мордовать на совещании директоров. Собственно, на том и закончилась проверка, которая неожиданно дала еще печальный побочный эффект. А именно: пристыженная пожарным химичка написала заявление об увольнении и сказала, что ноги ее больше в этом дурдоме не будет.

Не успел инспектор спуститься с крыльца, как позвонила Локтева, требуя отчета о результатах его визита. Выслушав рассказ Шарова, она резюмировала со злобой:

— Доигрались, Егор Семенович. Говорила я вам, что надо просить родительницу отозвать ее кляузу.

На что Шаров резонно заметил, что жалоба сама по себе, а результаты проверки сами по себе и, по его мнению, одно к другому отношения не имеет.

— Надо же, какое глубокомысленное мнение! — съязвила чиновница. — Пора бы уж понимать, что в нашей системе все взаимосвязано.

А в это время завхозиха, приняв от страха слова директора за чистую монету, взяла с урока физкультуры ребят и раскидала весь мусор ровным слоем по территории, вернув ей тот облик, который она имела до субботника.

На утро следующего дня Шаров имел вид человека, которому всю ночь снились кошмары. Остатки волос, обрамлявшие лысину, взбились кочьями, в лице присутствовала нездоровая одутловатость. Он прибыл на работу довольно рано, при этом, как рассказывал дворник, не зашел сразу в школу, а долго стоял на футбольном поле, смотрел на мяч и бормотал себе под нос непонятные мантры. Потом, погрозив кулаком кому-то невидимому на крыше, расхохотался и крикнул: «Смейся, пацц!» — после чего быстрым шагом направился в сторону крыльца. Дворник, будучи человеком суеверным, решил, что директор увидел наверху один из тех фантомов, которые часто и ему самому являлись в состоянии недоперепития. Поэтому он с опаской осмотрел крышу, но ничего необычного поначалу на ней не заметил. И вот тут, дорогой читатель, напрямую проявилась зловещая натура засевшего на крыше трансцендентного предмета, о которой Шаров, видимо, раньше всех догадался. По словам дворника, в какой-то момент швы на освещенном утренними лучами мяче растеклись, затем снова проявились и собрались в оскалившуюся злобной ухмылкой демоническую физиономию. Дворник в испуге стал озираться по сторонам, надеясь зацепиться взглядом за обычного живого человека,

но вместо этого увидел за спиной двух женщин, выражение лица которых, как ему в первую секунду пригрезилось, было под стать мячу. Хотя через мгновение он понял, что улыбки их были вовсе не потусторонние, а просто недобрые, однако он все равно ни на минуту не усомнился, что именно мяч притянул этих дам к школе. Косвенным подтверждением его мысли является такой нюанс: чаще всего проверяющие десантируются на объект не раньше десяти часов утра, данная же комиссия появилась в тринадцатой школе около восьми. К тому же, как только они взошли на крыльцо, неизвестно откуда взялся сильный ветер, и небо заволокло низкими тучами.

Одна из женщин, похожая на курицу-мать, изготовившуюся клюнуть нелюбимого цыпленка, была некая Птицына, специалист санитарного надзора. Весь ее вид свидетельствовал о том, что она, посвятив лучшие годы жизни контролю, теперь, на старости лет, искренне ненавидит и свою работу, и всех проверяемых. Тем более что никогда ей не доводилось испытывать и сотой доли того уважения, которое в изобилии доставалось ее спутнице Голицыной — совсем еще молодой девице с лисьим взглядом. Девица была даже симпатична, но разве внешние данные девушки могли бы вызвать то особое чувство боязливого благоговения, какое возбуждал отлично сидящий на ней синий мундир?

Почему они пришли вдвоем? Да потому, что, как известно, совместная работа взаимодополняемых специалистов дает наилучший результат. Если, допустим, работник прокуратуры чего-то недоглядит, то сотрудник санитарного ведомства подскажет. Или наоборот, может, представитель Роспотребнадзора на что-то захочет закрыть глаза, тогда прокуратура его поправит. И хотя по приходе в школу Птицына с Голицыной вначале разбежались по разным направлениям, но все равно чувствовали, что достигли такого единения в своем созидательном порыве, какое и имел в виду поэт, говоря: «Я буду солнце лить свое, а ты — свое, стихами». Правда, в данном случае не совсем стихами, а скорее предписаниями, представлениями, требованиями, протоколами, но сути дела это не меняет.

Разумеется, женщина в мундире перво-наперво озаботилась защитой личности несовершеннолетнего. Несмотря на свой высокий статус, она отнеслась к Воле совсем по-матерински и долго беседовала с ним в присутствии директора. При этом много раз спрашивала удивленного подростка под разными углами: не случилось ли с ним в стенах школы каких-нибудь пустячных недоразумений, ну, например, не хватали ли его за руку или за воротник, не грубили ли ему, а может быть, говорили с ним громко или смотрели косо. Однако Вова, будучи простым как три копейки, отвечал, что ничего подобного не было и вообще Егор Степанович с физруком — нормальные мужики, поэтому пусть работают. Правда, когда Шаров ненадолго выскочил из кабинета, заботливая женщина сделала еще одну попытку, предложив, пока никто не слышит и некого опасаться, рассказать все без утайки. Но Вова высказался в том духе, что у него от дирика секретов нет и рассказывать ему больше нечего.

У внимательного читателя может возникнуть резонный вопрос: «А куда, собственно, выскочил директор, когда его прямая обязанность —

присутствовать при такой “просто беседе” компетентных органов с ребенком?» В данном месте необходимо дать небольшое пояснение. Дело в том, что излагаемая здесь история развивалась не в пустом пространстве. Школа-то ведь работала! И выполняла свою идущую из глубины веков функцию — учила детей. А значит, ее руководитель был в обычном нескончаемом водовороте событий. Это ведь для сотрудника надзорного органа контрольное мероприятие является оплачиваемой трудовой деятельностью, а для директора, у которого вся жизнь в цейтноте, любая проверка есть всего лишь приносящее глубокое удовлетворение хобби. Вот и в день визита прекрасных дам на почте школы скопилось шестьсот новых писем, и еще по ватсапу (да-да, не удивляйтесь, у нас теперь в основном по нему и руководят), так вот, по этому самому ватсапу пришло еще шестьдесят шесть сообщений, требующих ответа. Среди них выделялось одно с пометкой «срочно» и тремя восклицательными знаками. В нем от школ требовалось сдать в течение часа некий статистический отчет, на тридцать страниц, а для этого проанализировать при помощи особых формул динамику запрашиваемых показателей за последние пять лет. Однако Шаров выскочил по более простой причине: в подвале лопнула труба, при этом завхозиха была занята сопровождением Роспотребнадзора, а Упоров за своими законами совсем забыл, какой в случае аварии нужно поворачивать вентиль.

Когда директор, перекрыв воду, вернулся в кабинет, он застал там весьма смущенного представителя власти и Кота с задранной на босой ноге штаниной. Дело в том, что минуту назад на вопрос, не болит ли у него палец после физкультуры, Вова предпочел ответить действием, то есть разулся и продемонстрировал свою пышущую здоровьем, неделю не мытую стопу. Но это были еще цветочки по сравнению с тем фортелем, который выкинул окутанный заботой ребенок чуть позже. Вконец устав от бесплодного, по его мнению, разговора, он вдруг неожиданно выпалил:

— Товарищ прокурор, я желаю заявить ходатайство!

И, не дав никому опомниться, продолжил:

— Прикажете директору выпустить меня на крышу. Я вам этот мяч, из-за которого весь сыр-бор, в пять минут сниму!

«Ну что поделаешь с таким непонятливым учеником. Так и всю проверку можно в фарс превратить», — негодовала внутри Голицына. К тому же Деев принес книгу инструктажей по технике безопасности на уроках физкультуры, где имелись подписи всех детей. В том числе и напротив фамилии Кот красовались его разлапистые каракули. Сам мяч также не мог вызвать сомнений в безопасности для детей. Судя по чеку, он покупался не в какой-нибудь там лавочке, а в крупнейшей торговой сети, поэтому здесь вопрос тоже закрывался. Оставалась только бабка в форме и поборы. Однако и с бабкой было непросто. Она сразу предоставила столько лицензий, сертификатов и удостоверений, что иной спецназовец мог бы позавидовать. Вдобавок женщина в мундире точно знала, что начальник ЧОПа, в котором за гроши работают такие квалифицированные охранники, близкий друг городского прокурора. Использовать бабку как источник дополнительной информации тоже не представлялось

возможным, потому что слышала она плохо, а понимала услышанное еще хуже. И все же одно нарушение написать было можно.

— А почему у вас сотрудник охраны сидит на входе? — спросила Голицына директора как можно строже.

— Так где же ему еще быть? — искренне удивился Шаров.

— На специально оборудованном посту, внутри которого он способен выдерживать натиск вооруженных бандитов до приезда специальных подразделений. И вы, как директор, обязаны это знать!

Шаров молчал. Надо так надо. Можно бабку и в пластиковую будку посадить, чтобы повисить безопасность школы. Тем более что ей все равно, где сидеть.

Что же происходило в данное время на другой линии фронта? Здесь не было даже пассивного сопротивления и потому вовсю протекала экзекуция. Санитарная инспекторша, прогуливаясь с сумочкой по зданию, до того заклевала бедную завхозиху, что та пошла красными пятнами. Проверяющая проводила белой тряпочкой по подоконникам и, подняв ее над головой на всеобщее обозрение, кричала:

— А дома у вас такая же чистота? Или только на работе можно грязь разводить?

Также, увидев перегоревшую лампу в светильнике, шипела:

— Ну, разумеется, лампочку-то заменить нам некогда. Мы же занятые!

Или:

— В этой школе генеральная уборка вообще когда-нибудь проводилась? Похоже, вам уже вовек не отмыться.

Зайдя в спортзал, она долго озиралась по сторонам и в итоге спросила:

— С какой частотой здесь моются стены?

— Так кому же их мыть? — робко возразила проверяемая. — Высота спортзала семь метров. Внизу, конечно, протираем.

— По закону влажная уборка во всех помещениях образовательно-го учреждения должна проводиться регулярно. Значит, директор должен требовать, чтобы ему предоставляли техничек, имеющих допуск к работе на высоте.

Как ни странно, завхозиха после этих слов даже немного успокоилась. В самом деле, разве можно всерьез испытывать чувство вины, когда слышишь такое? Тем более что на деньги, выделенные муниципалитетом, с трудом нашлись три пенсионерки, которые, собственно, и драили всю школу.

Были и другие похожие выпады, однако читатель, думаю, и сам легко может себе представить, на какое интеллигентное поведение способны некоторые получившие власть тетки. Отметим только, что больше всего Птицыну тянуло в туалеты. Видимо, она считала, что если театр начинается с вешалки, то школа непременно со смывного бачка. И если глаза почему-то называют зеркалом души, то водяное зеркало в отхожем месте представляет собой чуть ли не лицо образовательного учреждения. В общем, пройдя методично, где только можно пройти, ткнув

сопровождающую, куда только можно ткнуть, инспектор Роспотребнадзора приблизилась к главной цели своего похода, то есть к столовой. Здесь она повела себя странно. Сделала несколько несущественных замечаний работникам пищеблока и заняла позицию за столом в коридорчике возле продуктового склада. При этом потребовала принести себе на проверку кучу всяких документов, но толком их не смотрела, а просто сидела и выжидала чего-то, бросая временами косо́й взгляд на не отходящих от нее ни на шаг завхозихи с шеф-поваром. Наконец, убив около часа времени, она со вздохом поднялась и направилась в кабинет директора, так как Голицына ей напомнила по телефону, что впереди сегодня еще два мероприятия.

Разумеется, настроение у комиссии под конец проверки было под стать погоде за окном. Огромные, казавшиеся страшными тучи с самого утра силились разразиться сокрушительным ливнем, но какой-то искры, какого-то последнего потрясения им не хватало. Даже временами в разрывах пробивалось солнце, заставляя некоторых легкомысленных прохожих надеяться: «Может, рассосется?» Действительно, разве могла Голицына обвинить директора в поборах, когда у него все договоры пожертвования в порядке. Правда, возникал резонный вопрос, почему все жертвуют одинаковую сумму, однако такая история имела место во всех без исключения образовательных учреждениях. К тому же, как заявлял Шаров, родитель ведь мог никакой материальной помощи и не оказывать. Вот, например, та же Валентина Ивановна Кот подобными вещами никогда не занималась. Птицына хоть и говорила, что такой грязи, как в тринадцатой, она за всю жизнь не видела, однако же это были только ничем не подтвержденные слова, а школа на самом деле ничем не отличалась от тысяч других таких же школ. Определенно выходила совсем неправдоподобная глупость — ни один изложенный в жалобе факт не подтвердился. Значит, придется давать именно такой ответ, и обиженная мамашка непременно напишет в вышестоящую инстанцию.

Что касается Шарова, то он, как опытный директор, по всей видимости, еще до описываемого визита просчитал свой незатейливый конец. После бумаг, которые накатают на него эти милые женщины, к нему направят финансовых ревизоров, а те кавалерийскими наскоками не занимаются. Засядут на месяц и непременно найдут недостачу какого-нибудь гвоздя. Это и будет его последний гвоздь, потому что до конца ревизии ему дожить нереально. Он также понимал, что сам изначально пошел по этому пути, влекомый неведомой силой. Полетел, так сказать, мотыльком в огонь.

Однако и Шаров, конечно, почувствовал, что происходит нечто необычное и судьба начинает поворачиваться к нему лицом. Отдавая должное директору, следует заметить, что в голове у старого трудяги, выросшего в нашей системе образования, в данный момент вполне могли появиться совсем необычные, даже, можно сказать, крамольные мысли. «Вот я, — должен был рассуждать он, — всего-то и сделал, что не побоялся поступить по закону, не спасовал перед неправдой, отбросил малодушные сомнения, и оказался прав перед лицом вышестоящих. Значит, на

самом деле в правде — сила! И если все, ну хотя бы большинство, станут поступать, как того требуют закон и совесть, то очень скоро наша жизнь станет совсем другой, понятной и счастливой». Может быть, многоуважаемый читатель скажет, что я фантазирую и приписываю директору свои собственные рассуждения. Спешу объяснить. Дело в том, что Шаров, будучи человеком прошлого века, имел архаичную привычку фиксировать на бумаге достойные внимания мысли. Так вот, эту книжечку, исчирикannую нервной рукой, обнаружили впоследствии у него на рабочем столе, и, соответственно, его внутренний настрой в последние дни перед загадочным происшествием стал известен некоторым людям. То есть Шаров, можно сказать, на самом деле был в одном шаге от того, чтобы подняться на новый, несравненно более высокий уровень духовного бытия. И он, несомненно, осилил бы этот шаг, однако в дело опять вмешалась метафизика.

В тот самый натянутый момент, когда комиссии оставалось только попрощаться, над кабинетом неожиданно что-то зашумело, заколотило, как будто с неба на крышу падал град величиной с куриное яйцо. Директор с Голицыной невольно устремились к окну, однако никакого дождя, а тем более града, не было, и вообще в мгновение ока все стихло. Вдруг в наступившей тишине они услышали за спиной непонятный щелчок, а затем полный радости крик Птицыной:

— Таракан!

Действительно, прямо по директорскому столу полз жирный усатый разносчик заразы. Откуда он взялся? Ведь в тринадцатой школе их отродясь не бывало. Несомненно, все объясняется влиянием подлого мяча. Не мог же сотрудник санитарного надзора его с собой из дома в сумочке принести.

Проверяющие, отбросив всякую сдержанность, радовались рыжему усачу, словно выиграла миллион на тараканьих бегах. Осыпали его вспышками фотоаппаратов, приговаривая: «Ну вот, правда — она всегда вылезет! Да о чем тут вообще можно говорить, когда по столу у руководителя школы тараканы бегают!» Они бы, наверное, и сами сфотографировались с вызвавшим такой восторг насекомым, но внезапно директор задышал, схватился за воротник и стал сползать в кресло. Раздался гром. Хлынул так долго собиравшийся ливень.

Инфаркта, однако, у Шарова не оказалось, а давлением, грозящим разорвать манжету тонометра, у нас в образовании никого не удивишь. Директор сам понимал, что нехорошо отлеживаться, прикрываясь гипертоническим кризом, когда через две недели окончание учебного года. А потому, получив в больнице утреннюю порцию уколов, он еще до обеда появился на рабочем месте. Проверок в этот день не было. Хотя предыдущим вечером звонил, чтобы согласовать время своего прихода, ветеринарный контроль, но, узнав, что директора увезли на скорой, решил повременить с визитом. И телефон Шарова молчал, как рыба, потому что у нас не любят тревожить человека в реанимации. Только во второй половине дня ему позвонил старый друг, директор другой школы, чтобы справиться о здоровье. После недолгого разговора он, прощаясь, сказал: «Да не бери ты в голову, Егор. Скинь свой дурацкий мяч, а в отчете

напиши, что ветром сдуло. Всего и делов-то. У нас вон всю зиму сосульки сами тают даже в тридцатиградусный мороз. Вообще, мне кажется, самое страшное в твоей истории позади. Сейчас, после неотложки, тебя никто не тронет, а там, глядишь, и забудут».

Казалось бы, действительно, живи да радуйся, однако радоваться-то Шаров как раз не мог и даже, наоборот, впал в совершенную меланхолию. Он ничего не делал, только в раздумье ходил по кабинету, напевая давнишнюю, непонятную песенку: «В бананово-лимонном Сингапуре...» Временами останавливался возле раскрытого окна и долго смотрел вниз на увеличивающиеся от непрерывного дождя лужи. На вопросы заходивших к нему сотрудников отвечал неопределенно, что-то вроде: «Да-да, конечно, я решу... потом, а сейчас мне некогда». Даже сообщение о том, что Кот швыряет камни на школьном дворе, оставило его равнодушным. Он только философски заметил: «Время разбрасывать камни, время собирать...» Впрочем, секретарша быстро стала заворачивать всех визитеров со словами: «Разве у вас горит? Приходите завтра. Неужели так трудно понять, что человек не в себе?» Таким образом, его совершенно оставили в покое. То есть оказали ему медвежью услугу. У нас ведь как? Живет себе человек в своем привычном мире, бегаёт по своим незатейливым маршрутам, ни о чем таком не думает. Увидит, что цены в магазине выросли, вздохнет, выругается в адрес неопределенного круга лиц и поспешит дальше. А стоит тому же человеку остановиться и по-настоящему задуматься, он непременно впадет в тоску, отдалится от общества, станет подумывать, не уйти ли ему в монастырь, и вообще с ним начнут твориться нехорошие вещи. Вот и Шаров весь рабочий день что-то себе накручивал, а под занавес выскочил в приемную и, приблизив к секретарше горящие глаза, произнес взволнованным голосом, как будто сделал великое открытие: «Знаешь, почему Сингапур шагнул от бананов к небоскрегам? Потому что они там с помощью законов сами себе мячи не забивают! Все дело в элементарной логике. Нельзя выиграть, если играешь против самого себя. Значит, правда совсем простая — даже исполняя закон, нужно прежде всего держаться здравого смысла! А потому следует пойти и выдернуть корень зла, несмотря ни на какие запреты». Сказав это, он вдруг распрямылся, посветлел и даже помолодел, словно и в самом деле на него снизошла благодать.

Затем директор поднялся на чердак, вылез в слуховое окошко, прошёл от него немного вправо, потом немного вниз по совсем неопасному уклону, поскользнулся, слетел с крыши и разбился. Он свалился как раз в то место, которое было по инструкции огорожено Уповорым красной ленточкой на случай падения мяча. Так что при его приземлении никто не пострадал.

Вот так бесславно закончил свой путь вечный трудяга, избегавший всякого рода интриг. Предоставляю дорогому читателю самому решать: поднялся он на более высокую ступеньку бытия или же просто, пойдя по скользкой дорожке, свернул себе шею. А что же мяч? Самое удивительное, что следственные органы ни внизу, ни на крыше никакого мяча не обнаружили. Даже выемки, где он мог бы застрять, не наблюдалось.

Сплошная гладкая поверхность. Что дало повод некоторым скептикам еще долго вопрошать в сомнении: «Да был ли мячик-то, может, мячика-то и не было?»

«Ну что же, — скажут, прочитав вышеизложенное критически настроенные люди, — история, конечно, занятая, не каждый день директора школ с крыши падают, но в целом все в ней легко объяснимо с рациональных позиций. То, что иные руководители из-за какой-нибудь мелочи сходят с ума, — не новость. Да и может ли быть иначе, если при назначении бедолаги на должность не учтут самого главного — толщины его кожи. Он, может, и умный, и талантливый, но системе-то нужен не мыслящий тростник, а ломающие бетон дубы. В общем, нет в рассмотренной драме ничего загадочного и таинственного».

Однако в том-то и дело, любезный мой читатель, что история эта имела весьма бурное продолжение. И виной тому какой-то совсем мелкий чиновник из отдела образования, которого сейчас уже и фамилии-то никто не вспомнит, тем более что их там быстрее, чем перчатки, меняют. Когда первоначальная шумиха стихла и о Шарове, как в свое время предрек его друг, на самом деле стали забывать, он, этот незаметный человечиска, решил, что надо на всякий случай подстраховаться. И однажды утром в почте образовательных организаций города появилось следующее указание: «Всем учреждениям еженедельно сдавать отчет о наличии на кровле посторонних круглых предметов с полостью внутри». Отсюда и пошло. Только отчитается директор о том, что у него все хорошо и ничего порочащего репутацию школы на крыше не наблюдается, и тут же на сайт городской администрации неизвестно откуда приходят фотографии той самой крыши, на которой в насмешку над всеми красуется круглый полый предмет. Сплошное издевательство: отчет — мяч, еще отчет — и снова мяч! Дошло до широкой общественности. Стали говорить, что скоро все директора в городе с крыш попрыгают, а городское начальство и в ус не дует, не контролирует, так сказать, ситуацию. В подтверждение этих слов часть директоров, не дожидаясь своей участи, написали заявления об увольнении, и, к удивлению районо, желающих на их место не наблюдалось. Опять же и дети стали бояться ходить в школу. Некоторые родители, оправдывая регулярные прогулы своих чад, так прямо и отвечали классным руководителям в порыве негодования: «Сперва уберите с крыши монстра, а потом уже нам выговаривайте!» Сенсационное заявление сделала ревизору повариха одного детского сада. Оказывается, голодный мяч в конце рабочего дня пролез на продуктовый склад и, напугав всю смену, стащил три палки колбасы и прихватил упаковку мороженой рыбы в придачу. Завхозы стали наперегонки писать ходатайства в районо, чтобы им выделили деньги на ремонт крыш, потому что на них мячи уже живого места не оставили. Грызут, проклятые! Обнаглевшие полые предметы прокусывали трубы в подвалах школ, ломали старые датчики пожарной сигнализации, провоцируя вызов пожарной бригады, забивались в стояки канализации, вызывая заторы, приводили в негодность замки в кабинетах, писали нецензурные слова в туалетах и занимались прочим мелким вредительством. В газетах и интернете появились

объявления: «Сниму мячную порчу. Сделаю кармическую защиту от мяча. Подложу мяч несправедливому начальнику». Средства массовой информации тоже не могли остаться в стороне и всерьез обсуждали версию, что на крышах школ никакие не мячи, а специально разработанные вражескими странами роботы, которые занимаются сбором информации о передовых разработках отечественной системы образования и сводят с ума ее руководителей. Однако всех переплюнул профессор паранормальных наук Огурцов, который в прямом эфире во всеуслышание объявил, что круглые полые предметы есть не что иное, как прорвавшиеся в наш мир из другого измерения головы пленников майя, которых принесли в жертву после ритуальной игры в мяч. И они, без сомнения, являются провозвестниками начинающегося конца света. То есть, как мы видим, не только образовательная среда, но и все общество достаточно большого города было крайне взбудоражено.

Понятно, что в такой ситуации от властей требовались грамотные, решительные действия. Поэтому, во-первых, в школы по госконтракту поставили импортные конструкторы, из которых дети на уроках труда могли самостоятельно собрать квадрокоптеры и впоследствии использовать их для видеофиксации обстановки над учреждением. Во-вторых, администрация города нашла весьма значительные бюджетные средства, чтобы работники проверенной, хорошо ей знакомой специализированной организации смогли, наконец, подняться на школьные крыши и очистить их от мячей.

Однако принятые меры не помогали, и круглые полые предметы росли на кровлях, как грибы после дождя. Тогда среди вконец растерявшихся чиновников нашлась-таки умная голова. И мне искренне приятно, что нашлась она именно в образовании. Администратором, предложившим правильный выход из сложившейся ситуации, был не кто иной, как уже известная нам Локтева. «Откровенно говоря, что же мы так суетимся, — высказалась она на совещании при главе города. — Проблема есть у того, кто хочет ее видеть. А если проблему игнорировать, то она сама по себе исчезнет. Во всяком случае, директора найдут, как ее решить». В итоге наутро по всем школам разослали следующую методическую рекомендацию для заполнения отчетов по мячам: «Круглые полые предметы, отмеченные в предыдущих отчетах, во второй раз не учитывать и, соответственно, в графе “наличие” писать “отсутствуют”».

Ну, против такого подхода, разумеется, не устоит никакая нечистая сила. И постепенно вся эта мячная лихорадка сошла на нет. Только в отдельных школах в редких случаях появлялись еще на крышах непонятные предметы, но теперь уже данные факты свидетельствовали лишь о нерадивости отдельных директоров и ни в коей мере не говорили о недостатках системы в целом.

Некоторое время после описанных событий в городе имело место жуткое явление. Темными дождливыми ночами по его пустынным улицам метался безумный лысый человек с мячом в руках. Человек кричал, наводя ужас на сонных обывателей: «Ищу здравый смысл!»

Тихон СИНИЦЫН

СЧАСТЛИВЫЙ ПОПУТЧИК

Керченские босяки

Пантикапейские Нью-Васюки —
Бараки и мазанки на берегу...
Как пляшут керченские босяки —
Я точно теперь позабыть не смогу.
В тельняшке скачет биндюжник шальной
С бутылкой и крабьей клешней в руке.
Арбуз подсолен морской волной.
И оглушительно в солончаке
Цикады поют про жизнь босяков,
Кудлатый татарник цветет в пыли,
Руины греческих городков
Для них сияют из-под земли.
Морячка в парео машет рукой.
Хватает за джинсы лохматый пес.
И южный говор течет рекой
В горящем мареве папирос.

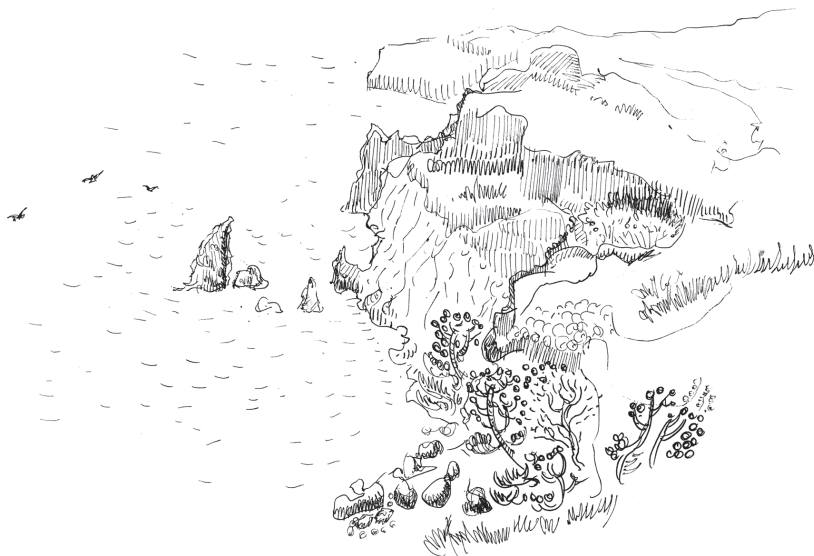
Звезда Тарханкута

Над степными волнами, над волчьим логовом,
над жуткими цикадами и богомолами, над клыками обрывов, надрывно,
над воздушной крепостью Иштиандра, над корнями кермека, над юно-
стью Владимира Коренева, над пиратами XX века, над опасным гнездом
каракурта восходит ослепительная звезда... Это — звезда Тарханкута!

Над сухими колодцами, над кораблями забытыми,
над чумными лисятами, над журавлями транзитными,
над последними желтыми махаонами, над подводными духами (в ластах
с баллонами), над камнями прогретыми, над минаретами, над торговкой
инжиром и сигаретами,
над осенним ястребом Бродского, над бродом и бурунами, что чернее ма-
зута, восходит ослепительная звезда... Это — звезда Тарханкута!

Над огромными пучеглазыми крабами, над уставшим Гераклом и половецкими бабами, над маяками, кострами и телескопами, над залетными редкими скопами, над оврагами с призраком филина, над этюдом маэстро Шипилина, над античными вазами и водолазами, над медузами, ставшими яркими стразами...

Ярче праздничного салюта восходит звезда Тарханкута!

Про лето

Рычат муравьиные львы из песчаных воронок.
Пионы шпионят.
И перышки сизоворонок
Парят над горами. Стрекозы теряют ресницы...
Нюанс в том, как ты догадалась, что это все снится.
Все это —
Цветной диафильм из советского детства.
Отходит паром от причала. Мой дом по соседству.
На пристани ловят ставриду смешные поэты.
И все разговоры, конечно,
Про лето, про лето, про лето.

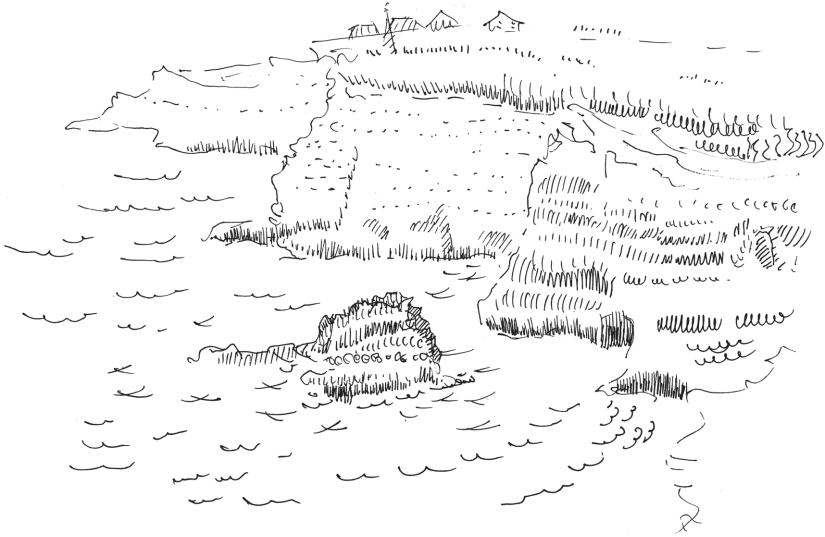
Счастливый попутчик

Счастливый попутчик садится в любое такси.
Счастливый попутчик не ведает глупой тоски.
Когда по дороге шагает счастливый попутчик —
Я думаю, ты забываешь про тучи.
Счастливый попутчик скитается множество лет.
В нагрудном кармане попутчика —
Звездный билет.

Его не пугает поветрия привкус колючий.
 Бесстрашно блуждает
 Счастливый попутчик.
 Счастливый попутчик смешит пассажиров в купе.
 В июле на пляже скучает по снежной крупе.
 Зимой напевает про солнечный лучик —
 Таинственный путник, счастливый попутчик.

* * *

Важно все: движения стрижа,
 Буквы из родного алфавита,
 Важен вид знакомый с этажа,
 Где для ветра форточка открыта.
 Дождик важен, сумма добрых дел,
 Ложка, принесенная к обеду...
 Старый дом, что чудом уцелел.
 Важен майский праздник —
 День Победы.
 Важен город тот, что снился нам.
 Важно быть счастливым в день рождения.
 Важно птиц узнать по именам...
 И предать никчемное — забвенью.

Прощание с перроном

Люблю отбытие с невзрачного перрона,
 Есть в этом таинство надежды и тревоги,
 Когда земля уходит из-под ног.

Мы движемся в безлюдные пространства,
Как будто евразийский континент
Господь создал для долгих путешествий,
Лишенных минимального комфорта,
Зато переисполненных открытий,
Освобожденья и других метаморфоз.
Пронесются навстречу грузовые
И пыльные товарные вагоны.
Потом мелькают дальние станицы,
Безликие кирпичные дома,
Лес с двух сторон
И серые промзоны.
Отбытие теперь мне часто снится:
Плацкартный полумрак со всех сторон,
Мережится в проходе проводница,
И чувствуешь — в окне плывет перрон.
Вагон трясет слегка. Гудки
Похожи на сигналы судовые.
Стекло почти касается щеки.
Прощупывает точки болевые
Воспоминанье юности, разлук...
Уже давно не огорчают сплетни,
Уже стакан не выскользнет из рук —
Держи удар.
Ты — совершеннолетний.
Легко арендовать автомобиль,
С комфортом к морю ехать понемногу.
Но я иной предпочитаю стиль —
Бескрайнюю железную дорогу!

Рисунки автора.

Андрей БЕЛОЗЕРОВ

В КОНТРОВОМ СВЕТЕ

Р а с с к а з ы

Улыбка

Заказал фото кандидат в депутаты. Праймериз у него. Надо с баннера смотреть на людей. Располагать к себе.

Встретились в арендованной на час студии. Классическая физиономия депутата — сытая, холеная, привыкшая к начальственному выражению. Тут уж лучше по партийным спискам проходить — кто в здравом рассудке за такое проголосует?

Но хотя бы не хам, а в очочках, видно, что ему милей компьютер со «Скайримом», а не баня с проститутками. Все-таки спасибо прогрессу: человек стал подслеповатей и безобидней.

Пригласил я его в кресло присесть, настраиваю источники света — и смотрю, тает, как снеговик, товарищ кандидат на этом свете. Вся важность растаяла, руки задрожали.

«М-да, тут с наскоку не получится», — угрюмо подумал я и решил, что мне и самому присесть не помешает.

Сел напротив — глаза в глаза.

— Может, снять очки? — мямлит кандидат.

— Да... Да, нам нужен зрительный контакт.

Достал камеру, выставил настройки. Вроде все прекрасно: свет объемный, кресло контровичком красиво обрисовано кожаное — цвет, текстура, все дела. Только кандидат никуда не годится. И совершенно задеревенел. Да лучше б я пустое кресло для «Вайлдберриз» снимал!

— Давайте расслабимся.

— Ага! — говорит кандидат, а сам вцепился в подлокотники, как будто его в космос запускают на этом кресле.

— Отпустите. Встряхните руками, непринужденная поза...

— Все. Понял.

И вот он выставил пятерни, смотрит на них, сжимает и разжимает дрожащие пальцы, а потом хватать одной рукой другую.

Не, ну это экзорцизм, а не съемка!

— Давайте я вам помогу.

Не очень мне хотелось трогать этого мужика, но взял я его чертовы клешни и насильно стал лепить из них — в лучших традициях Ренессанса — прекрасные, словно с фрески Микеланджело, кисти рук.

— Вот та-а-ак... Руки зафиксировали...

Я распрямылся, боясь лишний раз выдохнуть на слепленный образ.

— А теперь — улыбка! Улыбнитесь своему избирателю. Открыто, искренне!

Зря я это — про избирателя: его сию секунду невидимый избиратель за яйца и схватил. Весь он выпучился, покраснел — а улыбка не происходит!

— Нужна, нужна нам улыбка, — говорю.

Счет пошел на секунды, вон уже испарина на лбу выступила. Но пока еще можно зафотошопить.

Он даже кашлять стал специально. Кашляет — и вроде как промеж кашля уголки рта подниматься начали и... Нет, все превратилось во что-то ужасное, в смятый пельмень — о боги!

— Стойте! Надо расслабиться. Тряхните головой.

Я уж и сам затревожился — полчаса съемки как не бывало.

— Расслабиться! — всхлипнул депутат. — Улыбка!

И схватил себя за вздувшийся лоб.

Прекрасные кисти рук ухнули в тартарары, только Господь смог бы повторить этот шедевр!

— Ах-х-х... — сказал я.

А он разминал себе лоб, мял перекошенные щеки, тянул их вверх — они пружинили вниз и отказывались улыбаться. Он стал шлепать себя по щекам, все становилось пунцовым — и мое сердце рыдало: как восстановить пунцового депутата, как слепить назад?!

Но в то же время я понимал, что не могу отказать себе в удовольствии и прервать этот божественный перформанс. Когда я еще увижу депутата, который себя по физии валтузит? Столько покаяния в этих телесных спазмах, что аж из тьмы в круг света выступает с укоризною народ!

Но всему есть предел. Фотограф же, а фоткой еще и не пахнет.

Я опять схватил его за руки:

— Пойдите!

И он смиренно затих в моих руках и поник головой едва ль не на плечо мне.

Я чуть не ляпнул: «Полноте казнить вас, милостивый государь, красота спасет мир!» — так уж это мне показалось уместно...

Медленно, держа за запястья, вернул его вглубь кресла и как бы незначай сложил в фотографибельную позу.

— А вот скажите, дома есть кошка? Или собака? Пушистая?

Кандидат поднял голову, и — о чудо! — глаза его просветлели.

— Белка.

— Ого! — А сам нащупываю камеру. — Провода, поди, грызет?

— Не то слово! В шторах гнездо свила.

И словно ангел, расправив крылья, когда уже все на хрен умерли, — выплывает она, невозможная на этом лице, но вот она — улыбка. Под серийную съемку десять кадров в секунду.

На берегу

В чудесный выходной денек позвонила Полина и сказала:

— Хочешь на гору?

— Нет, — сказал я. — А во сколько едем?

С нами была собака Полины, дочь Полины и Маша Полины.

Поверьте, лучше гора, чем ловить кота, который нагадил в шкаф.

Поднимаемся по тропе. Полина всегда спрашивает Машу про травы.

Маша — биолог.

— Это ирисы, — говорит. — Это купальница азиатская...

Мне уже представилась купающаяся Маша.

— Кандык сибирский... Вероника седая...

А вот Веронику оставьте себе.

Маша могла бы из головы сочинять, а я б и уши развесил: смотрите, это белозерица опечаленная, сорокалетник бездетный, зелавица пустоты... О, какие травы!

Потом тропа стала сильно круче. Маша — ну пока мы еще могли говорить, а не просто пыхтеть — сказала, что «занялась детоксом, а то вес не двигается». Смешала чернослив, оливковое масло и настойку сенны. Съела ложку — и ничего, решила съесть две — и тут понеслось...

Даже когда Маша говорит о диарее, это звучит не мерзко и не пошло. Как-то всю я ее принял в душу, и так это остается до сих пор.

— Ну, — говорю, — главное — это снадобье не принимать перед походом в гору.

Гора и вправду была гнусная, бесконечные пологие склоны — и за пять километров тебя видно.

Пошутил, ха-ха, смешно. И что вы думаете? Накаркал!

На первом пике я вдруг понимаю, что проживу неопозоренным ну минуты три еще от силы.

— Полина! — говорю сквозь зубы. На Машу я и не надеялся, а Полина запасливая. — А у тебя есть туалетная бумага?

Сам же смотрю на эти гребаные красоты в лучах заходящего солнца. Какое спрятаться — я вижу, как на соседнем холме сороки гнездо свили!

— Господи, господи, да сколько ж мне бежать?!

— А ты иди вниз по склону, он закружится — и скроешься чуток.

Полина весьма рассудительна.

— А бумага-то?

— А вот бумаги нет...

Ой, минус десять баллов тебе, Полина! И протягивает мне... маску коронавирусную.

— Что? Серьезно?

— Поверь мне, испытанное средство! — тоном профессионала, конечно же.

И неспешно на следующий пик — ну чтоб меня не смущать.

Я бегу вниз. Считаю шаги, это отвлекает, а перестану — каюк моим штанам. И что вы думаете? Оборачиваюсь наверх, а там уже трое незнакомых гаденышей стоят со смартфончиками навскидку и пытаются на красоты в заходящем солнце. Главная красота, конечно же, я, прекрасно вписанный в нижнюю треть композиции. Я бегу от них, бегу, но холм ни хрена не закругляется, а я никак не скрываюсь от их настырных туристических глаз.

Тогда я оглянулся в последний раз и окаменел. В лучших библейских традициях. С собой у меня была куртка серо-зеленая, я присел, накинул ее себе на лицо, весь ею бесформенно покрылся — и стал камнем. Фотайте теперь! Я камень, обычный диарейный камень...

На второй вершине мы пьем чай с пампушками. Собака — хитрая, вредная такса — с них глаз не сводит.

— А вы знаете... — говорит Маша, энергично схватив очередную пампушку.

— Знаем что?

— ...какой самый большой зверь, на которого охотится ласка?

— Мышь же.

— Заяц? — недоверчиво говорит Полина.

— Больше.

— Да ладно! А что там осталось — лиса? Волк?

— Бо-о-ольше!

— Ласка ест человека! — восклицаю я, в страхе от своего открытия.

— Не исключено. Но еще больше. Ласка ест лося! Она караулит лося на ветке, запрыгивает ему в ухо и вгрызается в мозг!

Надеюсь, вам пригодится это знание.

На последнем пике — фотосессия для Машиного инстаграма. Фотограф — угадайте кто. Повернись, наклонись, тряхни волосами. Но Маша и без команд бегаёт как ужаленная, чтобы вытоптать каждую секунду действия. Гряда уходит в сторону низкого солнца — бычьим стадом с покатыми спинами — и тает в мандариновом мареве. Все эти хтонические волны, вздыбы и перекаты боков окрасились в зелено-оранжевый и фиолетово-коричневый. Лайков будет мно-о-ого!

Даже собака получила свое от прогулки. Она обматерила пару туристов, поохотилась за их пятками — план выполнен. Непонятно только с дочкой Полины (лунатик в наушниках с лицом в планшет) — она с таким же успехом могла погулять между кухней и сортиром.

Меж тем мы уже спустились к заливу.

— Слушай, Полин, как все переменялось, а? Мужички на квадраках, «зожники» с рюкзачками, гора эта ваша, люди по ней, как по Коломенскому парку, прогуливаются... А ведь это Усть-Абакан, родина гидролизного спирта! А ни в одном глазу!

И только я так сказал...

Метрах в трехстах — но берег-то пустой, далеко видно — со всей дури несется белая тачка по ухабам прямо вниз, к заливу.

С прилежно включенными фарами.

И врезается в воду.

С полминуты держится по окна на плаву — подумалось даже, ну тупо встала на дно, щас пьяный дебил вылезет с матерком, — но нет: качнулась тачка, поплыла чуток, махнула задом на прощание — и только рябь по воде.

А течение там неслабое, это только называется так мило — залив. Ага, в Сочах заливы, а Енисей — он и в плотинах ледяной и лютой.

Маша потом в показаниях сказала, что мы «побежали»... Такой себе это был бег, после горы особенно. Да и, можно подумать, нас там ждали.

А как добрались, то и ряби нет, толком места не определишь. И колеи нет — «летучий голландец».

Ну, думаю, повезло. Ну увидели бы колею да край машины — и что? В ледяную воду — долг перед совестью исполнять? Маша, Полина и я — три рефлексивных топора? Ну-ну...

На Полинин вызов прибыло всяких чудесных транспортов, полосатых и разноцветных, как конфетки.

Клевая красненькая машина пожарников приехала первой. Да, чуваку из тачки явно не хватало воды... Потом скорая привезла даму врача, и та, как Ассоль, бродила вдоль линии берега, вглядывалась в рябющую воду, придерживая белый халат на ветру. Полицейские и спасатели — ну они тоже приехали попинать грязь.

Все искали колею, и я искал, но так и не нашли: и та вроде старая, и та... Мне думается, был бы я один, вся эта свора пожарных, врачей и спасателей погнала бы меня по берегу ссаными тряпками: «Где колея, где колея?»

Так работает совесть пред ликом смерти: ты виноват, что нет колеи, что совсем не хочется бежать, твой мозг стирает точное место погружения, путает тебя. А может, совесть пудрит тебе мозг, а он и не виноват и ничего не тер. Но над этим Маша пусть думает — ей, может, еще в диковинку. А я...

Вот уж темнеет, и юркают фонарики. Мне грезится белый цветок суицида, распутившийся среди всех этих прекрасных гор, заливных лугов и тяжелых вод.

Согласитесь, красиво ушел — на белом «коне» пролетел, не оставляя следов, в сильную красивую реку. Просто взял и уехал туда, к чертям собачьим.

Да мне горло перехватило от вдохновения!

А наутро узнали — машина была пустой. Молодой рассеянный папаша со своими дочками пошел в горы, а машина решила искупаться.

Маша прыгала от радости. Теперь ее совесть чиста, а то она уже и свечек за упокой наставила, и слезу пустила... И в сториз всем про это

рассказала. Что подумала и почувствовала Полина, мы не узнаем, потому что она очень воспитанная. А мне, хоть весть и хорошая, взгрустнулось: жизнь переписала мою вдохновенную историю на свой лад, обернула в беззубый фарс.

Ну и девочек еще жалко. Они такие кусятся в сполохах пожарной мигалки, нагулялись, устали: «Папа, а где наша маши-и-ина?»

Ваш покорный слуга пер на этой машине!

Туда, вниз, к воде.

Безнадежно пристегнувшись.

Рассекая фарами крошечную тьму, гремя ушатанной подвеской на булыганах и старых колеях, исчеркавших весь берег.

Под Альфреда Шнитке в магнитолу.

То хихикая, то скорчив мину — да какого хрена?! А то и смахнув сентиментальную слезу.

На зеркале заднего вида болтается иконка, бьется об лоб.

А впереди тысячи и тысячи километров непрерывного спуска.

Николай ФЕДОСЕЕВ

**«ЗАПАХ ХЛЕБА,
ЛИСТВЫ И ТРАВЫ»***

Николай Григорьевич Федосеев ушел из жизни в конце прошлого года, и мне стало остро не хватать его как человека — мудрого и доброго. Когда я был собкором военных журналов по Сибирскому военному округу, а он — «Красной звезды», наши кабинеты в Окружном доме офицеров были рядом. Таких очеркистов, как Федосеев, в военной журналистике тех лет было немного. И прозаиком он был отменным. На мой взгляд, одним из лучших в Новосибирске. В семидесятые и восьмидесятые годы публиковался в «Сибирских огнях» со своими рассказами, с повестью «Про Кузю и Ванюшку», однажды мелькнули и его стихи. Выпустил три книги. Сборник рассказов «В конце лета», книжку очерков «Цветы командиру», сборник стихов. В Москве, в приложении к «Красной звезде», была напечатана повесть «Вспомнить Мамушкина».

В 2018 году Федосеев подготовил поэтический сборник «Откровения», хотя сам, будучи до болезненности скромным человеком, свои стихи за стихи не считал, никогда их не афишировал. «Конечно, на поэзию в высоком смысле этого слова данные “творения” не претендуют. И все же подарю их друзьям, которых, увы, осталось совсем мало, знакомым, сослуживцам, соседям и просто хорошим людям. Пусть читают! Может, посмеются, погрустят, побранят меня за “хулиганство”, вспомнят свое, что есть, поразмышляют, откликнутся душой и словом...» — так написал он в предисловии к сборнику.

Стихотворения Николая Григорьевича, действительно, будто бы «не для широкого чтения», как он сам признается. Они просты, безыскусны. Особенно безыскусными они кажутся сейчас, когда в ходу эстетская вычурность. И все-таки это не графомания, не просто рифмование строчек. Я такие стихи называю народными. Они в чем-то сродни, не по уровню, конечно, а по духу, Твардовскому, Исаковскому... А если из наших новосибирских поэтов — Ивану Краснову.

---

* Публикация Виктора Сайдакова.

Краснов и Федосеев, к слову, симпатизировали друг другу. Оба были безнадежно добры к людям. Да и вообще ко всему миру. Николай Григорьевич ни на крохотку не ожесточился даже тогда, когда жизнь его превратилась в муку. Он потерял двух взрослых дочерей. Пережил инсульт. Война и послевоенное детство все время выглядывали из него настороженным страхом. Рожденный в 1941 году в окопной траншее, он часто мне говорил: «Вот посмотришь, скоро будет война...» Или: «Помяни мои слова, будет голод в России, да такой, что не приведи господь...»

Я до сих пор хорошо помню его глуховатый голос, неповторимую по теплоте интонацию, когда он читал свои рассказы и стихи, в которых почти вещественно проявлялась переполнявшая его любовь ко всем людям, ко всему живому и живущему.

Виктор САЙДАКОВ

Из детства

Дед долго смотрит мне вослед,
Напрягши старческую шею.
А мне всего тринадцать лет,
И я пахать уже умею.
Пашу свой первый клин для ржи,
А может, для другого злака.
И дед кричит мне вслед: «Держи
Покрепче плуг, едрёна лапоть!»
Держу. А сам упасть готов —
Так тяжело дается вспашка.
И понимает все без слов
Колхозная кобыла Машка.
Ей тоже, видно, нелегко,
Она здесь тоже не чужая.
Пахать нам надо глубоко
Для будущего урожая.
А дед-сосед — наставник мой, —
Не замечая мою муку,
Нахваливает: «Ну герой!
Постиг крестьянскую науку.
Теперь ты парень хоть куда,
Таких и не сыскать в округе!»
И все ровнее борозда,
И все увереннее руки.

Иду по пашне босиком.
Передохнуть? Но я упрямый!
Земля тепла, как отчий дом,
И ласкова, как руки мамы.
В тот день, наверно, понял я,
Хоть мало жил еще на свете:
Земля — на то и есть земля,
Чтобы на труд добром ответить.
С тех пор прошло немало лет,
Но помнятся до сладкой боли
Кобыла Машка, дед-сосед
И мною вспаханное поле.

Играй, гармонь!

Котенком ночь уткнется мне в лицо,
А я не прогоню, а приласкаю.
Возьму гармошку, сяду на крыльцо
И что-нибудь тихонько заиграю.
Хотя я не ахти какой мастак,
Да и гармонь уже беру все реже,
Играю не по нотам, просто так —
Чтоб душу переборами потешить.
Я знаю, что из всех моих грехов
Вот этот грех мне запросто простится.
Я просижу до третьих петухов,
Мне никуда не надо торопиться.
Я посмотрю на звезды, что с небес
Бесследно исчезают понемногу.
Я им сыграю вальс и полонез,
И «Выхожу один я на дорогу...»
А чтоб не верховодила печаль,
Которую к себе и не зову я,
Рвану мехи гармошки — и с плеча,
И с ходу — огневую плясовую!
...Наутро же, словно к своей родне,
Где поровну и радости, и боли,
С рассказом о привидевшемся сне
Придет моя соседка баба Поля.
И скажет так: «Послушай, Николай,
То ль дня тебе, чтоб наиграться, мало?
Ты по ночам тут больше не играй.
Ты вон играл — а я во сне плясала».

Подсолнух и баба Поля

Выйду утром — боже мой! —
На меже расцвел подсолнух!
Он стоит себе под солнцем —
Горделивый и прямой.
Шляпку сдвинув набекрень,
Затекает переглядки,
И ему, конечно, лень
Сторожить и сад, и грядки.
Побежать бы под уклон,
Прямоком на чисто поле...
Но соседка баба Поля
Скажет: «Ишь ты, фон-барон!
Вот дождешься ты ворон.
Налетят со всех сторон,
По макушке тюк да тюк —
И каюк...»

Я и Кузька

Отгостили друзья, отшумели,
Откуражились вдоволь, и вот —
Бестолковой толпой улетели,
И остались опять я и кот.
Кот мой Кузька — лентяй и мошенник,
Ждет награду и щурится вдаль.
Я ему за заслуги на шею
Непременно повешу медаль.
Зазимую мы с ним без печали
В неказистой крестьянской избе,
Где скрипят половицы ночами
Да беснуются черти в трубе.
Где под окнами в пору глухую
Кто-то ходит — тяжел и сердит —
То ли зверь, то ль поживу какую
Во дворе ищет местный бандит,
Я Кузьме говорю: «Ты не трусь-ка,
Вот сейчас мы зарядим ружье...
Где ж ты, Кузька?» Гляжу я, а Кузька
Колбасу втихомолку жует.
Ну скажите, куда мне деваться,
Коль ему я не вправлю мозги?..
Значит, мне одному отбиваться
От зверья, от жулья, от тоски...

Пожелание себе

Когда мне вдруг
Не станет мочи
И я споткнусь
В конце пути,
Пусть это будет
Днем иль ночью,
Когда тепло
Или не очень,
Но только чтоб
Легко и молча
И неожиданно
Уйти.

Буря

От ветра сильного дрожит
И глухо стонет крыша дома.
Эх! Только б до весны дожить!
А до весны уже недолго.
А до весны — как до сосны,
Что примостилась у окошка.
Под ней задолго до весны
Всю ночь гуляют кот и кошка.
Он, видно, в этом деле крут,
Да и она, как видно, тоже.
Они так яростно орут,
Что вся деревня спать не может.
И я не сплю. А дом гудит,
Дрожит, как хрупкое создание.
Вот-вот вспорхнет — и улетит
Аж за пределы мирозданья.

Гимн печке

Метель ворвется на крылечко —
И стукнет в дверь сто раз подряд.
А у меня есть в доме печка,
И в ней уже дрова горят.
Огонь лопочет и бормочет
На непонятном языке.
Нет ни желания, ни мочи
Сидеть в холодном закутке.

Придвину к печке табуретку,
Поближе к жаркому огню.
Жаль, что друзья бывают редко,
Я их за это не виню.
У них, поди, своя морока,
Поди, и в жизни нелады.
Они состарятся до срока,
А я останусь молодым.
Мой грустный срок еще далече —
Я это знаю наперед,
Ведь печка мне и душу лечит,
И телу молодость дает.
Когда беда согнет жестоко —
Лечусь теплом ее огня...
Такой вот расчудесный доктор
Прописан в доме у меня.

Предосеннее

Дочери Светлане

Вот и всё. Вот и кончилось лето.
Не собрать даже горстки тепла.
И журавль на исходе рассвета
Уже пробует силу крыла.
Лес стоит. Я брожу между сосен
С чувством давней какой-то вины,
И мне кажется: лес этот соткан
Из прозрачной, как свет, тишины.
Ты оставь все дела и заботы,
Погляди: вон дымятся поля.
Это после тяжелой работы
Остывает родная земля.
Натрудилась она, нарожалась,
Настрадалась в ненастье она,
Но щедра — даже малую малость
Отдает она людям сполна.
И хоть скоро снега засинеют,
Стужей стянет дороги и рвы,
Долго будет носиться над нею
Запах хлеба, листвы и травы.
В жизни всякое может случиться,
Но и на сверхтрагичной черте
У родной бы земли нам учиться
Этой мудрости и доброте.

Элино́р ПЭЙТ

ЗАПОВЕДНАЯ БАБУШКА

В жизни каждого человека есть коллеги, которые не оставляют следа в душе после расставания, а есть такие, которые, даже находясь за тысячи километров, продолжают оставаться ориентирами, путеводными звездами, дарящими чистый немеркнущий свет.

Такой свет излучают для меня глаза Тамары Алексеевны Макашовой. Несмотря на то что в этом году она отметила 85-летие, у нее невинно-голубые, молодые глаза девчонки.

Тамара Алексеевна известна как один из опытейших сотрудников заповедной системы России со стажем работы более сорока лет... Первая женщина — главный лесничий в СССР, одна из первых женщин — заместителей директора по охране территории в ООПТ (особо охраняемые природные территории. — *Ред.*). Своим примером она показала, что и представительница «слабого» пола может не хуже мужчин приносить пользу природе, с ружьем обходить границы заповедной территории, защищать ее от браконьеров, лесных пожаров, любить живое в каждой из его форм, будь то растение, насекомое, зверь или птица.

Для многих Тамара Алексеевна является человеком-легендой. Для меня она — любимая, заповедная бабушка, к которой можно всегда прийти за советом, выпить вкусного чая с травами, поговорить о вещах, интересных только мне и ей. Например, о том, как рано в этом году начался осенний пролет птиц, как порадовала высокой урожайностью рябина, а кедровый орех снова не уродился. Она с удовольствием послушает историю о том, как по предосеннему лесу вслед за мной шел в вечерних сумерках молодой любопытный лось, а потом расскажет о своих встречах с этим животным. Беседа побегит легко и плавно, как речка, в ней утонут тревоги уходящего дня, останется лишь бодрящая свежесть и глубина духовного родства с моей заповедной бабушкой, не растратившей за годы хитрых искорок в ярких, живых глазах, удивляющих до сих пор молодостью и озорством. К таким людям, как Тамара Алексеевна, применимо высказывание английского зоолога и антрополога Джона Леббока: «Мы не в силах удержать молодость, однако те, кто любит природу, всегда остаются молодыми».

Домик у озера

С Тамарой Алексеевной жизнь свела меня в 2015 году, когда, приехав на работу в Саяно-Шушенский заповедник, я спрашивала у коллег, не сдается ли где-нибудь квартира. «Поживешь пока у меня! — решительно сказала Макашова, узнав, что молодому специалисту негде жить. — И мне веселее будет!» Меня потрясло и тронуло это предложение. На тот момент она меня не знала, но готова

была впустить в свой дом и в свою жизнь. Вскоре я поняла, что ее двери всегда открыты — в прямом и переносном смысле. В обеденный перерыв сотрудники заповедника бегали к ней в огород, чтоб сорвать огурец или помидор к общему столу, а плохие люди обходили ее двор стороной. Хотя вору не пришлось бы лезть через забор или ломать замок, ни разу никто ее не ограбил, не снял урожай с грядок. Некоторые знакомые считали Тамару Алексеевну за такую открытость в наше непростое время «не от мира сего». Может, дело в том, что большая часть жизни Тамары Алексеевны прошла в эпоху Советского Союза, когда жить было безопаснее и люди друг другу верили. Кроме того, поскольку очень много времени хозяйка проводила на территории заповедника, вдали от дома, она научилась дружить с соседями, которые не оставляли без внимания ее имущество. «А вдруг трубу прорвало, пока я на территории? Что же, ломать все? Нет уж, лучше пусть будет открыто!» — улыбалась в ответ на мой вопрос Макашова. Соседи, действительно, хорошо присматривали за ее домом. Как только я впервые появилась на его пороге, мне учинили допрос с пристрастием. И каждый раз, выходя во двор, я чувствовала внимательные взгляды из соседских окон.

Так я очутилась в удивительном мире заповедного человека, где царил аура любви. Три комнаты в добротном кирпичном доме в трех шагах от конторы заповедника и озера с непоэтичным названием Первый Карьер делили с хозяйкой ее питомцы.

Домашние питомцы

У Тамары Алексеевны дома был настоящий маленький зверинец из четырех кошек и таксы по кличке Кэрри. Имен всех кошек я не помню, но среди них выделялся огромный породистый персидский кот Кэтти с длинным серебристо-серым ворсом. Еще в первый день я обратила внимание на то, как важно он себя ведет, подходит к миске с кормом первым, от остальных отмахивается лапой, чтобы не беспокоили, — этаким кошачий директор.

Позднее выяснилось, что Кэтти было с кого брать пример — долгое время он был любимцем семьи директора Саяно-Шушенского заповедника. Когда директор получил новое назначение, он поспешил избавиться от пушистика, ссылаясь на то, что из-за командировок у него нет времени о нем заботиться. Кому отдать ставшую ненужной животинку, он знал сразу. В один прекрасный день, когда Тамара Алексеевна только вернулась домой с работы, в ворота постучали. На пороге стоял директор с большим серым котом в одной руке и двумя мешками кошачьего корма — в другой. Руководитель заповедника не привык просить, а хозяйка — не привыкла отказывать начальству, поэтому взяла нового «нахлебника». «Закончится корм, куплю еще!» — пообещал Геннадий Викторович, однако больше не интересовался судьбой кота и корма не привозил. Другие мурки, подобранные на улице заморыши, которых Макашова выходила и вылечила, довольствовались остатками со стола хозяйки: с аппетитом кушали на завтрак манную кашку, но особенно любили остатки мяса и рыбы.

Со своей скромной зарплаты Тамара Алексеевна покупала котам и собаке куриные лапы и головы, а иногда баловала субпродуктами, но содержание директорского кота оказалось для нее накладным. Кроме дорогого корма, Кэтти ничего не кушал. Он отказывался даже от мяса и смотрел на новую хозяйку так жалобно, что ей приходилось раскошелиться на кошачий корм, отказывая себе в чем-то другом. Пока я жила в этом доме, считала своим долгом брать на себя расходы на питание животных. Когда директор отправил неутомимую заповедную бабушку на заслуженный отдых, содержать прожорливого кота ей стало невмоготу.

Однажды Тамара Алексеевна поехала на кордон «Голая», который среди всей необъятной территории заповедника особенно любила, и как бы случайно оставила директорского кота там. Поначалу животное тяжело переживало акклиматизацию,

но вскоре освоилось до такой степени, что его стали бояться местные собачонки. Поняв, что на кордоне кошачьего корма нет и не предвидится, а до ближайшего магазина двести километров, Кэтти перешел на «вольные хлеба» и превратился в грозу мелких млекопитающих. Вид охотник приобрел свирепый, глаза загорелись недобрыми огоньками. «А что же директор — не рассердился?» — спросила я потом у Макашовой. «Это я на него сердита! — с иронией ответила Тамара Алексеевна. — Если бы его беспокоила судьба Кэтти, хоть раз бы спросил про него или принес корма!» Впрочем, колоритный зверь не задержался на кордоне надолго — его выпросил себе кто-то из посетителей.

Время, проведенное в доме Тамары Алексеевны, казалось мне раем. Утром с первыми лучами солнца в мое окно заглядывали цветы. Помимо выращивания культурных растений, хозяйка воссоздала альпийскую горку с красивейшими ди-коросами, чтобы не только в сердце, но и под окном цвел уголок любимой тайги. В нескольких шагах от дома — лес, озеро, шепот березовых листьев и птичьи трели с утра до ночи.

Пока хозяйка в отъезде

Когда Тамара Алексеевна отправилась в Красноярск на обследование, мне работы прибавилось. Я вставала вместе с солнцем, быстро умывалась, набрасывала ветровку и бежала в бор выгуливать Кэрри. Собака ждала под дверью спальни, поскуливая от нетерпения. Отношения с ней сложились не сразу. Первый раз, когда я спокойно легла спать, минут через сорок в крошечной темноте что-то тяжелое навалилось на мою грудь, на мгновение лишив способности дышать. Привыкшая спать с хозяйкой и тосковавшая по ней Кэрри была весьма упитанной для таксы. Ночь выдалась бессонной. Приходилось убирать собаку с груди, чтобы она не цапнула меня спросонья. Потом я стала запирает на ночь дверь в спальню. Собака ложилась под дверь и скулила, а потом, поняв, что ее не пустят, уходила в свою кроватку. Под утро псинка возвращалась и начинала поскуливать, а когда я распахивала дверь, сигналя на согретую человеческим теплом кровать и, прежде чем отправиться на прогулку, нежилая на ней, пока я умывалась и одевалась.

Трудней всего было надеть на Кэрри поводок. Она вертелась волчком под ногами, скакала, лезла в лицо мокрым языком. Кое-как застегнув на ошейнике карабин, я бежала с ней на прогулку, и мы обе были счастливы: бодрящая августовская прохлада, густые травы в росе, ароматный воздух, настоянный на туманах и грибной прели... Озеро встречало молочной дымкой. В молоке были слышны шорохи зверей и голоса птиц, на которые реагировала собака. Поэтому уговорить ее вернуться в дом через двадцать-тридцать минут было непросто. Кэрри смотрела на меня темно-кариими бусинками глаз, словно говоря: ты иди себе на работу, а я еще побегаяю. Однако я упорно тащила ее на поводке в дом.

Пока хозяйка была в отъезде, я старалась ее заменить, как умела: поливала грядки, кормила животных, солила собранные в ее отсутствие в теплице огурцы и ставила банки в погреб. Это были приятные хлопоты, дававшие нагрузку мышцам и разгрузку мыслям.

Вечерами я сидела с ноутбуком в беседке или на застекленной веранде, где не так докучали назойливые комары, и писала — легко, запоем, на одном дыхании, чувствуя, как на меня нисходит тихая благодать летнего вечера, прощальная нежность солнца, и видя, как сиреневые капли зари повисли на лепестках цветов, заглядывающих в окна. Потом ложилась и засыпала глубоким здоровым сном уставшего физически, но довольного своим трудом человека. Так я спала только у Тамары Алексеевны и на природе — в палатках и зимовьях, после длительных дневных переходов. В обычной жизни приходилось глотать таблетки от бессонницы и все равно полночи ворочаться с боку на бок.

В отсутствие Тамары Алексеевны ее усадьба не пустовала. Сотрудники заповедника в обеденный перерыв с ее разрешения приходили в теплицу за овощами. Вечером пришла соседка набрать смородины. «Тамара сказала, что с этого куста можно!» — уверенно сказала она и взялась за дело. Уже в сумерках в хозпостройке появился какой-то мужчина. Он что-то достал из погреба, потом сидел во времянке в темноте. Я закрыла на ночь двери на ключ и оставила ключ в замке. Когда стемнело, кто-то дернул ручку двери, но не смог войти, потоптался и ушел. Я лежала не шевелясь. Когда шаги стали удаляться, выдохнула с облегчением и закрыла глаза. В обед мужчина снова объявился на огороде и сказал обиженно: «Что ж ты закрылась на ночь?» Я посмотрела на него и подумала: «Слава богу, что закрылась!» Как выяснилось, это был Володя — друг и компаньон Тамары Алексеевны, помогавший ей по хозяйству. Просто его не предупредили обо мне, а меня — о нем.

Еще через день старший госинспектор заповедника Андрей Созыкин привез яблоки из своего сада. Когда я пришла с работы, он уже загнал свою машину внутрь двора и разгружал их в хозпостройке. Сладкий яблочный дух соблазнительно расплзался по помещению. Вскоре румяными нежными плодами наполнились все ведра, тазы и кадуски, какие только были в доме. Потом инспектор, выяснив, что Тамара Алексеевна всегда соглашалась продавать его урожай, а остаток от продаж полагается ей за хлопоты, спокойно уехал. Когда я попыталась объяснить ему, что хозяйка поехала в краевую больницу и какое-то время ее не будет, он просто пожал плечами: «Ну так ты ж за нее!» Весть о яблоках быстро разлетелась по округе. Все знали, что Андрей Созыкин выращивает самые лучшие фрукты в своем саду и продает их не дороже невкусных магазинных, напичканных химикатами. Поэтому мои коллеги — те, кто не успел еще уйти с работы, — а также соседи, видевшие машину, быстро выстроились у ворот со своей тарой и зажатými в руках купюрами. Все они знали цену каждому сорту, давали мне денежку и скорее пересыпали себе желанные яблоки, пока не осталось последнее маленькое ведро. Его я не отдала: «Это для Тамары Алексеевны! Оставьте хозяйке!» — возмутилась я. Со вздохом сожаления народ начал расходиться. Кому-то не досталось ничего, а кто-то успел взять и по два ведерка. Среди самых шустрых на удивление оказалась ведущий научный сотрудник заповедника и главный флорист Александра Евгеньевна Сонникова, пожилая женщина с больными ногами. Купить она успела, но как теперь донести? Я взялась довести коллегу на своей машине: загрузила в багажник ведра, и мы поехали. Уже вернувшись, я обнаружила, что и последнего ведра с яблоками нет, а на его месте лежит денежка и записка. Видимо, кто-то из соседей или знакомых, не знавших, что оно предназначается хозяйке, пока никого нет, проявил инициативу. Три яблока закатились ко мне в багажник из ведер Александры Евгеньевны. «Это тебе за проезд!» — пошутила Сонникова, поскольку деньги за доставку я брать с нее отказалась. Мы их съели потом с Тамарой Алексеевной — за хлопоты.

Через месяц-полтора другой научный сотрудник, Елена Шикалова, подыскала мне недорогую съемную квартиру, которую согласились сдать ее дальние родственники. Я начала делать в ней ремонт и съехала от Тамары Алексеевны к концу октября.

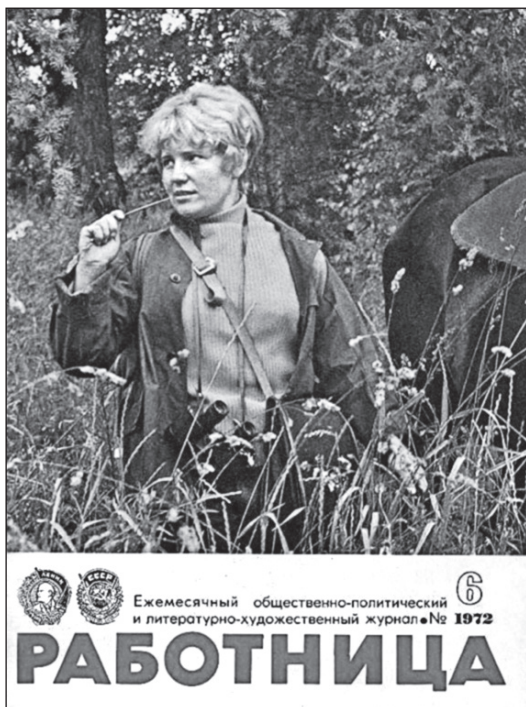
Любви связующая нить

Время, проведенное с заповедной бабушкой в домике у озера, осталось одним из самых счастливых периодов моей жизни. С особой нежностью я вспоминаю тихие вечера в увитой диким виноградом беседке, где, завернувшись в мягкий домашний плед, за бокалом ягодного вина хозяйка делилась со мной эпизодами из своей жизни. Они были интересными, забавными, страшными, но никогда не грустными и почти всегда с неожиданным светлым концом. Она не рассказывала

о том, что ее мучило, огорчало, заставляло страдать, потому что обладала восхитительным даром оставлять плохое в прошлом, брать с собой только доброе, хорошее, помогающее жить. Думаю, в этом секрет ее жизнелюбия, молодости души и озорных огоньков в глазах, не погасших и в день 85-летия.

В 1972 году один из самых популярных в Советском Союзе журналов — «Работница» — опубликовал фото Тамары Алексеевны на своей обложке. Было трудно поверить, что хрупкая невысокая девушка с приятным, нежным лицом и золотыми кудряшками выполняет работу, которая по плечу не каждому мужчине. С 1967 года она занимала должность главного лесничего в Алтайском государственном заповеднике, став первой женщиной-лесничим в СССР, а воз-

можно, и в мире. Само слово «лесничий», имеющее исключительно мужской род, казалось бы, не приспособлено для того, чтобы упоминаться рядом с женскими именами, в отличие от существительных общего рода, таких как доктор или инженер. Чтобы проходить пешком огромные расстояния, пересекать вброд горные реки, разойтись на тропе с медведем или наказать вооруженного браконьера, лесничий должен обладать типично «маскулинными» качествами. И это в дополнение к основным обязанностям: тушить лесные пожары, контролировать рубки, защищать леса от вредителей и болезней. Сложно представить на этой должности веселую, артистичную девушку, любящую петь и готовить. Однако именно такой была молодая краснаярка Тамара Плищенко, выпускница Сибирского технологического института, отправившаяся вместе с мужем работать по распределению на Телецком озере техником-лесоводом. Алтай был не просто первым местом ее работы, но и первой любовью, оставшейся на всю жизнь. До сих пор каждое лето она отправляется в те края, чтобы увидеть Телецкое озеро, встретить старых друзей, прогуляться по милым сердцу местам, и ни расстояние, ни возраст тому не помеха.

Т. А. Макашова на обложке журнала «Работница». 1972 г.

Истоки

Обычно люди из сельской местности выбирают для себя профессии, связанные с лесом, поскольку неподалеку от их селения были река и лес, где они проводили много времени. С Тамарой Алексеевной — другой случай. Она родилась 29 января 1942 года в городе Красноярске, в одном из главных уже в то время городов Сибири. Ее детство прошло в многоквартирном доме. Ни леса, ни речки рядом не было. Зато были Березовая роща, заповедник «Столбы», лесопарк у современного Академгородка. Прогулки среди деревьев с друзьями и одноклассниками вызывали у девочки искреннюю радость и любопытство. «Я просто любила бывать там, — вспоминает Тамара Алексеевна. — Меня с самого раннего детства тянуло к лесу. После общения с природой светлое чувство

оставалось в душе!» Пока ее подружки мечтали стать балеринами, актрисами или передовиками производства, маленькая Тома мечтала работать в лесу. Уже ребенком она знала все о первых цветах весны, первых птицах, прилетающих с зимовки. Любовь к лесу не ограничивалась желанием прогуляться по нему, набрать корзину ягод или грибов. Ей хотелось созидательного труда — спасти деревья от разрушительной силы огня, заниматься лесопосадками, беречь «зеленое золото» от вредителей. Но судьба не сразу привела ее к призванию.

Начало пути

Проработав четыре года на заводе, девушка готовилась подать документы на химический факультет, однако случайно узнала о том, что в Сибирском технологическом институте есть лесохозяйственный факультет. Оставив подруг, она сделала выбор в пользу того, к чему лежала душа, став дипломированным инженером лесного хозяйства.

Во время учебы в институте у Тамары Алексеевны появилась семья. Муж сам был студентом, старше ее всего на два курса. Вскоре после свадьбы у них появились дети, поэтому на третьем курсе Плищенко перевелась на заочную форму обучения и оканчивала институт, уже работая на Алтае, последовав за мужем по распределению.

Незадолго до того, как Тамара Алексеевна приехала на Алтай, Алтайский заповедник во второй раз был расформирован, подпав под большое сокращение заповедников СССР. К счастью, в 1967 году он был вновь открыт, а Плищенко, успевшая положительно себя зарекомендовать в должности лесовода в Прителецкой тайге, была назначена на должность главного лесничего заповедника, второго человека после директора.

**Т. А. Макашова
в молодости
с дочерьми**

Тогда женщины активно осваивали профессии, считавшиеся ранее исключительно мужскими. Незадолго до этого события Валентина Терешкова совершила свой первый полет на корабле «Восток-6», став первой в мире женщиной-космонавтом. Нужны были женские подвиги и на земле. Средства массовой информации охотно печатали интервью с женщинами — трактористами, механизаторами, хирургами. Но мне думается, что на должность главного лесничего Тамару Алексеевну назначили, не отдавая дань моде, а за реальные заслуги и достоинства, из которых главными были любовь к природе и глубокое знание ее.

За без малого десять лет работы в Алтайском заповеднике ей пришлось пережить много сложных и прекрасных моментов. Среди них — спасение марала, оказавшегося на льду Телецкого озера. «У берега, там, где торосы, — рассказывала Тамара Алексеевна, — марал шел хорошо. А как вышел на гладкий лед — стал падать. Ноги разъезжаются, не держат. Встанет бедолага — и тут же мордой об лед. Весь в кровь разбился, вороны уже слетелись... Добрались мы кое-как до марала, на веревке волоком вытащили его. Сколько лет прошло, а глаза его благодарные помню...»

Из Алтая — в Красноярский край

В 1976 году был образован Саяно-Шушенский заповедник. Для новой ООПТ требовались хорошие, опытные специалисты, и Тамару Алексеевну пригласили туда на ту же должность — главным лесничим. Ей не хотелось покидать полюбившееся Телецкое озеро, но пересилили природное любопытство и тяга к приключениям. Здесь, после трагической гибели первого мужа, она нашла свою большую любовь, снова выйдя замуж. Второй муж Тамары Алексеевны тоже трагически погиб — поздней осенью утонул в Саяно-Шушенском водохранилище, оступившись на скользкой палубе катера после дождя. Третий раз замуж она не вышла и осталась «замужем за работой». В одиночестве, с двумя маленькими дочерьми, она не расклеилась, не сдалась.

Чтобы ей помочь, в Шушенское, где по сей день располагается администрация заповедника, переехала пожилая мама. Бабушка занималась внуками, пока Тамара Алексеевна исполняла свой долг в тайге.

Человеку постороннему, не знающему ее непростой биографии, Макашова может показаться дамой поверхностной. Однако мне в умении Тамары Алексеевны не заострять внимание на плохом и печальном, помнить только хорошее и жить не вчерашним, а завтрашним днем видится ее особая духовная сила. Слабый человек будет жаловаться на свое горе, искать сочувствия, проклинать несправедливую судьбу, а сильный пойдет по жизни дальше с гордой улыбкой, не словившись, не потеряв себя. Любимое дело в такой трагический момент — лучшая поддержка и опора.

Любимое дело

Главный лесничий взялась за дело с энтузиазмом — было нужно обозначить границы заповедника, построить переходные избы, организовать работу по охране территории. В ее ведении находилась площадь в 400 тыс. га со сложным гористым рельефом, на которой порой полыхают пожары и орудуют браконьеры. Требовалось знать каждый залив, каждый ручей, быть готовой оказаться в любое время в любой точке, иногда преодолев на лодке забравший не одну жизнь Большой порог Енисея. На такие подвиги не каждый мужчина способен, а перегрузки порой случались не меньше космических. Однако не менее трудным в этой работе, чем длинные пешие и конные обходы сложнопересеченной местности, было руководство людьми. Главному лесничему отчитывались о своей деятельности наблюдатели, лесники,

Т. А. Макашова с коллегами. 1980-е гг.

государственные инспекторы. Миниатюрная, как Дюймовочка, милостивая молодая женщина с нежным голосом первое время внушала скепсис прожженным жизнью инспекторам, поначалу не воспринимавшим ее серьезно.

Даже самые грубые и суровые таежники со временем стали с уважением относиться к главному лесничему. Более того, они увидели ее преимущества перед мужчинами на руководящих постах. Тамара Алексеевна не только справлялась со своими обязанностями, но и окружала жизнь подчиненных уютом. Она бралась готовить на привале обед на всех, организовывала подобие культурных мероприятий, разыгрывая перед уставшими рабочими забавные сцены, нарядившись то кикиморой, то русалкой и развлекая их песнями. Голос у нее был прекрасный. Она и сейчас поет в самодеятельном хоре.

Дом Макашовой всегда был открыт для сотрудников заповедника, которым было негде остановиться между сменами. Здесь уставшие с дороги люди могли отдохнуть, переночевать и пообедать. Так, у нее долгое время жил молодой научный сотрудник Тимур Джихатович Мухамедиев, териолог, специализирующийся на изучении мелких млекопитающих.

Отзывы хорошие

Спустя много лет автор диссертации по экологии пищухи алтайской Западного Саяна кандидат биологических наук Т. Д. Мухамедиев с благодарностью и ностальгией вспоминает гостеприимство главного лесничего, называя ее своей «второй мамой»: «Несмотря на полную сложностей жизнь, Тамара Алексеевна — очень жизнерадостный и добрый человек. Даже когда она ругается, кажется, будто она гладит тебя по голове. Хотя за ее плечами немало лет, в душе она остается девочкой, страстно любящей жизнь и тайгу».

Большинство коллег в заповеднике относилось к Тамаре Алексеевне с большим уважением и теплотой. Ее любили. В каждой компании считали своим человеком. Ведь всем доставалось от нее доброе слово, веселый взгляд, место у костра или за столом. Ведущий научный сотрудник Александра Евгеньевна Сонникова, главный флорист заповедника, закаленная невзгодами и скупая на похвалу, так

отзывается о ней: «Тамара — человек, который обладает многими дарованиями. Одно из них — артистичность. Даже в тяжелых полевых условиях она находит силы развлекать гостей и особенно детей, придумывая и разыгрывая с ними театральные сценки. Кроме того, это надежный друг, с которым не страшно идти в тайгу».

Уже в преклонных годах Тамара Алексеевна сопровождала на территории заповедника приезжих туристов, фотографов, журналистов. Среди них в 2015 году был фотограф Антон Гутманн — профессиональный путешественник, прошедший Камчатку и Русский Север. Впервые увидев своего проводника — пожилую женщину «метр с кепкой», он обиделся на руководство: «Видимо, меня не воспринимают серьезно, раз вместо госинспектора дали в проводники какую-то бабу!» Однако «бабка» прекрасно ориентировалась в тайге и всю дорогу, подгоняя спутника, бодро шла впереди. А под конец пути, когда путешественник едва передвигал ноги, она, чтобы в темноте не столкнуться с хозяином тайги, нарочито громко распевала народные песни. Она окружила его заботой, даже после длительных переходов находя в себе силы приготовить совместный ужин. К кулинарии Тамара Алексеевна относилась творчески — умела приготовить небанальное и питательное блюдо из ничего, сочетая совершенно несочетаемые друг с другом ингредиенты со словами: «Все полезно, что в рот полезло!»

Когда она одна воспитывала детей, то научилась комбинировать еду при недостатке денег и продуктов. В походах по тайге, когда просыпается зверский аппетит, а запас продовольствия ограничен, ее творческий подход только приветствовался. В заповеднике и сейчас, когда Тамара Алексеевна давно ушла на заслуженный отдых, помнят рецепт «каши по-макашовски», в которую кладется все, что не было съедено вчера.

Во время похода Гутманн был удивлен не только необычностью блюд. Не было лучшего собеседника у ночного костра, чем Тамара Алексеевна. А как она знала природу, знакомила его с каждым деревом, цветком, птицей и зверем, общалась с ними с любовью и нежностью! Более опытного и душевного проводника по территории заповедника было сложно найти. Она шла по тропинкам, как и по жизни, не предаваясь унынию, с песней, весело щебеча со спутниками.

Отзывы не очень...

Лишь один из многочисленного коллектива сотрудников заповедника отзывался о Макашовой с прохладцей, считая ее неглубокой женщиной с непостоянным характером. По иронии судьбы, им был другой человек-легенда, крестный отец Саяно-Шушенского заповедника, охотовед, писатель, блестящий натуралист Сергей Николаевич Линеицев, возглавлявший на тот момент научный отдел.

Когда я попала в заповедник, он был уже в летах. Но и в возрасте за семьдесят умело управлялся с работой отдела, давая фору молодым сотрудникам. Его рассудок с годами ничуть не помутился, и голова оставалась ясной. Сергей Николаевич не был ученым-творцом. У него был дар ученого-систематизатора, умевшего синтезировать разрозненные источники в единое целое, организовать слаженное взаимодействие внутри отдела, обеспечить каждого сотрудника инструментами для работы, учесть абсолютно все и отстоять у руководства средства, необходимые для проведения работ. Под его мудрой редакцией ежегодно издавались аннотированные списки зверей и птиц, конспекты флоры заповедника.

Я благодарна судьбе за возможность поработать с ним «за одним столом». При этом он был литератором, книгами которого я зачитывалась с детства. Моими любимыми были «Зимовье на Аяне», «Странники севера», «Очерки сибирской охоты»... В них чувствовалось глубокое знание природы, ее понимание и радость от общения с ней. Казалось бы, эти чувства должны объединять пусть

разных по духу, но бесконечно преданных своему делу людей. Я по-своему переживала из-за того, что два моих наставника, близкие и любимые, не разделяют моей восторженности по отношению друг к другу.

Друг познается...

Когда я перешла из заповедника в национальный парк, в их отношениях произошло потепление. Сергей Николаевич тяжело заболел, а Тамара Алексеевна, несмотря на то что они не были друзьями, постоянно проявляла к нему человеческое участие, приносила целебные травы со своего огорода, свежие овощи к столу. За чашечкой травяного чая они вспоминали встречи с редкими животными, смеялись над приключениями незадачливых знакомых и понимали все больше, что в жизни им нечего делить.

Будь Сергей Николаевич жив, он наверняка сидел бы на почетном месте за праздничным столом по случаю 85-летия Макашовой, поздравить которую пришли несколько поколений близких и знакомых — дети и внуки, пожилые и молодые коллеги, люди среднего возраста. Юбилейный банкет проводился не дома, а в кафе, и все равно пришедшим на празднование не хватало места. Среди гостей присутствовали и ботаник А. Е. Сонникова, и зоолог Т. Д. Мухамедиев, успевший уже стать дедом троих внуков. Собрались коллеги и соратники, чтобы подарить праздник человеку, который много лет беззаветно, по велению души превращал в праздник их рабочие будни, и мне было приятно быть частью этого действия...

Вместо постскрипума

За вклад в дело охраны природы Т. А. Макашова получила немало заслуженных наград. В их числе благодарственные письма администрации Красноярского края, знак «За заслуги в заповедном деле» и почетная грамота «За многолетнюю добросовестную работу» от Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Это лишь небольшая дань признательности государства человеку, посвятившему свою жизнь охране природы и считающему свою работу «подарком судьбы».

Несмотря на преклонный возраст, любовь к тайге и ее обитателям по сей день заставляет Макашову отправляться в заповедные места. Ее особое любимое место — речка Голая у северной границы Саяно-Шушенского заповедника. Голый речка называется потому, что берет начало в безлесной местности, среди скал. Однако в месте впадения в водохранилище ее окружает прекрасная горная тайга с кедрами в несколько обхватов. «Почему именно тайга?» — спрашиваю я. «Там красиво! — просто и безыскусно, словно ребенок, отвечает Тамара Алексеевна. — Поднимусь на голец, сброшу рюкзак, и как будто крылья за спиной вырастают, а вокруг так хорошо и торжественно, что сердце щемит!»

Тайга у речки Голый рядом с водохранилищем хороша не только отвесными берегами с пушистыми кедрами с подлеском из рододендрона Ледебуря, который в мае вспухает розово-лиловой кипенью ароматных цветов. По-настоящему живой делают ее обитатели этих мест. Каждую встречу с дикими животными Тамара Алексеевна помнит и долгими вечерами во время походов вдохновенно рассказывает о них.

«Животных встречала все время, — вспоминает она. — Ведь тропы, которыми пользуются сотрудники заповедника, — звериные. Их расчистили и благоустроили, но ходят по ним не только люди. Однажды я нос к носу встретилась с громадным лосем, но благополучно с ним разминулась. В другой раз напугал меня козел (самец косули): он внезапно залаял, как собака, у меня аж сердце подпрыгнуло. Я его ругать начала, а он стоит и смотрит, слушает, как я его ругаю. Медведи

тоже встречались часто. На Голой в тайге много их мягких троп. Как-то раз вместе с Борисом Завацким (одним из опытейших сотрудников заповедника, териологом, кандидатом биологических наук, автором монографии «Бурый медведь Западного Саяна». — Э. П.) спустились мы к речке одновременно с медведем, не подозревая друг о друге. Мы подошли к воде с одной стороны, а медведь — с другой. Пистолет я всегда ношу с собой не на поясе в кобуре, а в рюкзаке, поэтому не было возможности достать оружие сразу. “Завацкий!” — кричу я. Завацкий обернулся, а медведь, услышав мой крик, увидел нас и побежал в противоположном направлении. Любая зверь, даже такой могучий и опасный, как медведь, испытывает страх перед человеком».

О своих приключениях Тамара Алексеевна может говорить бесконечно, ведь сорок лет ее жизни отдано работе в сибирской тайге. Но каждую историю она рассказывает со светлой радостью и любовью к природе. Отсюда и особая поэзия в каждом ее рассказе.

«Наблюдала я как-то маралов, — делится она. — Один самец и тринадцать самок. Как неторопливо и размеренно маралухи паслись на склоне! Как грациозно и неспешно поднимались они вверх по снежнику! Самец несколько раз стремительно взбирался на верх ледника и стогнял самок вниз. Когда он взлетал на вершину и бил копытом, то словно высекал радужные искры на снегу, переливающимся в лучах солнца. Разве может быть что-то прекраснее этого зрелища?»

Андрей РУДАЛЕВ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ОТ ВРЕМЕНИ РАСПАДА К ЭПОХЕ ЭПОСА

Долгое время общим местом российского социума было ощущение промежутка, исторической прорехи или обвала, как в названии книги Александра Солженицына «Россия в обвале». Преобладало мнение, что мы живем в плену колоссальной ошибки, фундаментального сбоя. Что вокруг лишь пустота и пустыня, причем пустота разрастается, как лангольеры Стивена Кинга.

Устойчивое ощущение иллюзорности, а отсюда и потерянности бытия, обреченности и неполноценности порождал деструктивный нигилизм по отношению к настоящему. Нигилизм, как вирус, не останавливается на чем-то одном. Если мы отдаем ему в жертву настоящее, дальше он забирает все. Вследствие чего возникает ощущение, что есть лишь зияющая пустота или состояние лермонтовского «Паруса» — белой точки, подвешенной на белом листе, с единственным выходом в апокалипсис.

Все это нашло отражение в массовой культуре перестроечного времени. Достаточно вспомнить культовый фильм того времени «Игла», где в самом начале путь Виктора Цоя в роли Моро сопровождается закадровыми словами: «Никто не знал, куда он идет, и сам он тоже». Или императивы и ужасающие предзнаменования в исполнении суперпопулярной группы «Мираж»: «покинуть стоит старый дом», «люди проснутся завтра, а нас уже нет». В 1991 году сразу после путча поп-идол Богдан Титомир записал композицию «Делай как я», где также звучит императивное: «Выйди ниоткуда, иди в никуда». Все российское общество было загипнотизировано сказочной установкой «пойди туда, не знаю куда».

Так мы теряли понимание настоящего: представляли историю как лоскутное одеяло и пребывали в страхе будущего, контуры которого были неведомы и пугающи. Погружались в черно-белую логику, выхолащивающую сложность, многоцветность мира, лишаящую стереоскопического зрения и многомерного восприятия реальности.

Лекарем тут может быть, к примеру, Федор Достоевский. Один из его главных посылов — преодоление нигилизма по отношению к настоящему, к современности.

Еще в ранней «Петербургской летописи» он писал про важность «современного момента» и идеи настоящего момента, жизни в движении, а не предметов, имеющих антикварное значение. Говорил о том, что «русскую национальность» многие привыкли видеть в «мертвой букве, в отжившей идее, в куче камней, будто бы напоминающих древнюю Русь, и, наконец, в слепом, беззаветном обращении

к дремучей, родной старине». Своеобразная поведенческая модель жены Лота, превратившейся в соляной столб.

Достоевский утверждал, что «цел и здоров тот народ, который положительно любит свой настоящий момент, тот, в который живет, и он умеет понять его». По словам Федора Михайловича, «такой народ может жить». Потому как сама идея «настоящего момента» хоть и содержит хаос, но здесь «все жизнь и движение».

Через эту любовь к современности последняя естественным образом вписывается в широчайший исторический контекст, становится видна ее логика и предназначение, а также познается цельность истории.

Благодаря такому восприятию реальности, события, которые при ближайшем рассмотрении кажутся несущественными, начинают обретать эпический масштаб, промыслительное значение, проявляются сложнейшие человеческие характеры. Так в современности начинает оживать эпос или происходит отражение евангельской истории.

Загадка гения Достоевского заключается в том, что он уделял особое внимание настоящему, видел его значимость, глубину и многослойность (что «луковка» Павла Флоренского), а также сложнейшие системы взаимосвязей. Это противоречит навязанной извне установке, в рамках которой мы разучивались любить настоящее, понимать его, привыкли видеть только ямы, рытвины да ухабы, говорить про безгеройное бессмысленное время. Так мы сами становимся той самой женой Лота, а время отдаем в жертву пустоте.

Действительно, лишь преодолев ощущение нигилизма по отношению к настоящему (который выхолащивает реальность, делает ее серой и блеклой) с точкой отсчета «1991», мы начинаем видеть приметы эпических времен.

Во-первых, к нам наконец возвращается история. Она возвращалась задолго до 24.02.2022, просто мы в силу привычных стереотипов отвергали ее.

Сейчас крайне необходим общественный дискурс про переломный 1991 год (пока он сакрализован в «Ельцин-центре» в Екатеринбурге, где представлены семь дней творения новой России). Мы продолжаем жить в мире, в котором звучит его эхо, в том числе и в плане отказа от всего отечественного. В мире, где время распада и смуты уже сменяется временем эпоса.

Преодолеть катастрофическую дату распада 1991 года, протянувшую свою черную клешню из прошлого в будущее, мы можем, только поняв ее провиденциальный смысл и значение в контексте отечественной цивилизации, когда впишем ее в единый исторический путь. Только так мы склоним чашу весов истории в сторону времени эпоса. Главное — не бегать по ее страницам с ластиком или маркером. Не вырывать листы, вымарывать красным ошибки или с менторской надменностью делать замечания. Чтобы писать современный эпос, историю надобно читать как книгу, где всё, каждая запятая имеет свой глубинный смысл.

Поэтому даже это сложнейшее и трагическое время следует вписать в историю отечественной цивилизации, не вымарывая ничего, понять, почему это произошло, в контексте нашего тысячелетнего пути, где на вопрос «за что?» часто звучит православно-историософское «за грехи». Это необходимо, чтобы преодолеть как исторический нигилизм, так и нигилизм по отношению к нашей современности, который разрывает отечественный цивилизационный путь, создает в нем провалы, прорехи, темные дыры. Делает историю пестрым и грубо сшитым лоскутным одеялом.

Возвращение истории — это и процесс регенерации, восстановления отечественной цивилизации. Понятие «социальной регенерации» было введено русским мыслителем Александром Зиновьевым. Исходя из него, Россия вернется к чему-то схожему с советской системой, которая, по сути, развивала дореволюционную традицию и наследовала ей.

Речь у Александра Зиновьева шла о едином пути, который продолжается либо начинается с беспутья: «Если социальная система разрушена, но сохранился

тот же человеческий материал и геополитические условия его существования, то новая система создается во многих отношениях близкой к разрушенной. И какие бы ни были умонастроения у созидателей новой российской системы — все равно они делают нечто, близкое к советской системе».

Постепенно, с большим скрипом и торможением, но подобное происходит и сейчас. Дело не в чьей-то властной воле или ностальгии по «совку», как говорят критики. Таково движение почвы, голос и дыхание отечественной истории.

Другая примета эпического — возвращение человека в ряды деятельных субъектов большой истории. Перестройка, а затем и штормовые девяностые — время колоссального социального эксперимента над человеком. Производилась планомерная работа по уничтожению и дискредитации большинства (уже бывшего гегемона) и селекции нового социального слоя меньшинства — шукшинских «энергичных людей», которые ранее воспринимались в качестве маргинальных. С этой целью система нравственных ценностей была поставлена с ног на голову. Проще говоря, Мальчиш-Кибальчиш превратился в не приспособленного к жизни лузера, фанатика, а Плохиш, который возьмет от жизни все, особенно если не будет «париться», стал представителем «новой формации».

Для успеха этого социального эксперимента необходимо было разделаться с советским человеком, которого презрительно называли «совком». Утверждалось, что в советской стране целенаправленно производился отрицательный отбор, что окончательно истощило генофонд нации. Якобы на первый план выдвинут маргинал, люмпен, агрессивное красно-коричневое большинство. В 1990-е продолжали активно добывать советского («красного») человека. Утверждалось, что он по психологии раб, ленив, безынициативен и не приспособлен к реальной жизни. В духе социального дарвинизма в общественное сознание внедрялась мысль, что чем быстрее этот замшелый архетип уйдет в историю, тем правильнее и цивилизованнее заживет вся страна.

Параллельно производилась деформация понятия «народ». От патриархального отечественного восприятия народа как целокупности всех членов общества шел дрейф к западной трактовке его как деятельного, активного меньшинства. Магистральная логика всех вышеприведенных деструктивных процессов оправдывает все что угодно. Главное — не допустить возврата к коммунизму.

Приметой времени распада является ревизия и ниспровержение героического пантеона, в процессе которого пигмеи мысли страстно сокрушают титанов духа, глумятся над ними. Наизнанку выворачивается сама историческая память.

В противоположность времени распада время эпоса выдвигает героического человека, духовную святость. В нем человек проявляется во всей красе, как герой Василия Шукшина Лобастый, завораживающий тем, что всё в нем — нажито не только им, но и предыдущими поколениями, труды которых проявляются в его облике. Вот и сейчас ответом на либеральные стенания об исчерпанности генофонда нации стала плеяда отечественных героев, проявившихся на передовой.

Надо сказать, что к человеку также нельзя подходить с меркой нигилизма, проходить мимо и отмахиваться от него. Иначе вновь договоримся до того, что Зоя Космодемьянская была... психически больной, а Александр Матросов... просто упал.

Дальнейшее развитие эпического должно идти по пути слома навязанных извне стереотипов с центром мира и символом цивилизации в образе Запада. В рамках дальнейшего развития перестроечного проекта Россия обречена на дробление. Можно вспомнить «архитектора» перестройки Александра Яковлева, который видел в географии и обширности России большую проблему, удаляющую нашу страну от Европы на географическую периферию.

Необходимо уходить от навязанной ценностной матрицы, утопии общечеловечества, где все движутся строем в направлении на прозападный цивилизационный

ориентир. Необходима ставка на уникальность и самобытность отечественной цивилизации.

Если вспомнить Петра Великого — его царствование началось со схожей ситуации нигилизма, общего уныния и тоски, больших гарей и апокалиптического восприятия времени.

У историка Василия Ключевского есть важная мысль о том, что император был сторонником идеи дрейфа в сторону от Запада, передвижения наук на Восток, близкой к концепции самоидентификации «Москва — третий Рим». Согласно ей, необходимо взять все лучшее у Европы, а через несколько десятилетий можно будет развернуться к ней «задом». Не чтобы узурпировать науки, а дабы стать медиатором, способствовать их распространению и развитию, созданию суверенной географии, в том числе и аксиологической. Цель петровских реформ — преобразование, а не уподобление. Это был географический переворот и осознание себя самодостаточной цивилизационной единицей. Из-за смерти императора этот проект не был реализован, отчего сложился стереотип восприятия Петра в качестве западника.

Схожая парадигма развития действовала и в советское время, когда СССР стал альтернативным мировым центром. Отсюда и вектор на мировую полицентричность, который Россия заявляет сейчас.

Преодоление нигилизма по отношению к современности и отечественной истории, ощущение ее эпического начала ведет к возникновению и видению многочисленных исторических рифм и созвучий. Такие парафразы возникают, например, с поколением победителей Куликовской битвы, связанным с именами святого Сергия Радонежского и его учеников. Сбросить иго, преодолеть раздробленность и распрю, а также запечатлеть тот самый свет рублевской Троицы, осуществить культурно-историческую работу по преобразению страны — вызовы того времени.

Переосмысление бытия проходило через «школу» святого. Ее подробно описывает Василий Ключевский. Мало того что Сергий не гнушался в своем монастыре никакой черновой работой и был образцом безграничного смирения. Он «вел ежедневную дробную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства». По словам Ключевского, в результате такой воспитательной работы «лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого». Это целое Ключевский сравнивает с «мозаичной иконой». Таким был «полк» Сергия, в котором собиралась элита страны, «поколение победителей». В дальнейшем по принципу такой же «мозаичной иконы» Русь пополнялась народами. И сейчас в национальном «вопросе» необходим акцент на истории общности, а не следование перестроечной энергии распада.

В том поколении проявились важнейшие для отечественной цивилизации человеческие типы: Воин, Монах, Художник (Дмитрий Донской, Епифаний Премудрый, Андрей Рублев). А с ними структурообразующая цивилизационная триада: Победа, Вера и Образование. Именно тогда Москва стала оплотом объединения, противостоя розни и разобщению, карой за которые воспринималось иго. Именно тогда страна начала расти на север, юг и восток.

Показательно, что имя Сергия Радонежского также «рифмуется» с 1991 годом. В этом переломном году под редакцией блестящего филолога Владимира Колесова вышло его житие и исполнилось 600 лет со дня кончины «заступника земли Русской». В 2014 году, когда отмечалось 700 лет со дня рождения святого, Крым вернулся в состав России, началась совершенно новая историческая веха.

Сейчас Россия снова вошла в свое время эпоса. Заговорила ее история, ее герои. Особое значение обретает ее настоящее и крепость общества, которое обязано соответствовать этому времени.

Анастасия РОГОВА

ШАМАНЫ, РУСАЛКИ И ПОСТАПОКАЛИПСИС: НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ СЕРИАЛЫ — 2022

Российская сериальная киноиндустрия сегодня переживает небывалый подъем. Причиной тому — конкуренция онлайн-платформ, их борьба за зрителей (то есть платные подписки на ресурс) и рейтинги. Денег на борьбу не жалеют, поэтому бюджеты у онлайн-сериалов позволяют сделать действительно качественный и оригинальный продукт, который не имеет ничего общего с телемылом. Появился новый термин «киносериалы», свидетельствующий о том, что онлайн-кинотеатры по качеству контента зачастую обгоняют новинки проката кинотеатрального. Сколько продлится этот ренессанс, предсказать нельзя. Однако рынок конечен — рано или поздно всплеск перейдет в плато, как можно увидеть на примере Запада. А пока предлагаем ознакомиться с самыми яркими премьерными текущего года.

«Почка»

Режиссер: Мария Шульгина. В ролях: Любовь Аксенова, Николай Фоменко, Дмитрий Лысенков, Ирина Розанова и другие. Онлайн-кинотеатр: КИОН.

Сериал стартовал на новогодних праздниках, но до сих пор остается одним из самых заметных событий отечественной индустрии кино. Хотя бы сложностью жанра: драма и комедия в одном формате. По сюжету героиня Любови Аксеновой — циничная хозяйка жизни Наталья — узнает, что смертельно больна: у нее отказывают почки. Спасти может только пересадка. Наташа привыкла, что любую проблему может решить легко и быстро если не деньгами, то связями. Она инспектор пожарной службы, власть прикрыть любое место в городе делает ее всемогущей, и взятки валяются со всех сторон. Но не в этом случае. Во-первых, найти подходящую почку не так просто. Во-вторых, за порядком следят на федеральном уровне. В-третьих, очередь на пересадку состоит из тех, кто еще покруче, чем Наташа. Поэтому ей приходится бороться за спасение жизни в буквальном смысле слова, наступив на свою гордыню и потеряв все. Друзья-то познаются в беде, а друзей у Наташи и нет. Муж сбегает, семья, которую она презирала, помогать отказывается. Оставшись один на один со смертью, Наташа собирает волю в кулак и идет к своей цели на подгибающихся ногах.

Оказывается, что бывают такие случаи, когда здоровье действительно не купишь. Авторы сценария пошли на риск и придумали в регламенте пересадки органов от человека к человеку пункт, которого нет в действующем российском законодательстве: нельзя пересаживать от посторонних доноров, только от

родственников и по их согласию. Они погрешили против истины, но сюжетно все выглядит настолько убедительно, что веришь даже этой детали.

Любовь Аксенова вытянула золотой билет и получила роль мечты любой актрисы. На протяжении всех восьми серий ее героиня вызывает качели эмоций от любви до ненависти и в итоге завоевывает зрительские симпатии своей отчаянной витальной силой.

«Почка» — не только история одной личности, но и увлекательная сатира на современное общество. Портретная галерея персонажей выписана живо и выпукло, актерская игра на высоте. Что еще нужно для хорошего кино? Логичная история и интересные сюжетные линии. В «Почке» с этим все в порядке, даже финал не разочаровывает. Наверное, поэтому проект продлен на второй сезон.

«Amore more»

Режиссер: Яна Гладких. В ролях: Андрей Бурковский, Яна Гладких, Юрий Чурсин и другие. Онлайн-кинотеатр: KION.

Сериял заявлен как история о полиаморах — людях, практикующих полигамные отношения. Однако на деле получилась, скорее, история о том, возможно ли сохранить брак без измен. Сюжет жизненный, фабула полна сюрпризов. По жанру это скорее мелодрама, чем драма. Снять хорошую, не «мыльную» мелодраму — задача не из простых, но создатели с ней прекрасно справились. Главный герой — Георгий — успешный менеджер. Он ведет стандартную жизнь столичного состоятельного жителя: пробежки в парке, посиделки с друзьями в уютных кафе, ЗОЖ, спортзал и так далее. Единственное, что выделяет Георгия среди друзей, — его личная жизнь. У него есть отношения с матерью его единственного сына и еще со множеством женщин, готовых делить Георгия и не претендовать на место единственной. А все потому, что Георгий убедительно уверяет, что ревность и моногамия — пережитки прошлого. Современный человек может иметь несколько партнеров, не ограничивать свою свободу, не превращать отношения в рутину и пребывать в полной гармонии и блаженстве. Теория рушится в тот момент, когда Георгий заводит роман с блогером Алисой. Алиса придерживается традиционного взгляда на отношения и требует хранить верность. Вместе с концепцией Георгия рушится и вся его благополучная жизнь — из «шкафов» начинают выпадать «скелеты» и тайны прошлого, и на поверку его хваленая полигамия оказывается банальным нежеланием брать на себя ответственность. Случись эта история в Европе, Георгий, возможно, сохранил бы независимость, но в России женщины к такой форме свободы не готовы. У нас брак — это союз двоих, и никаких полиаморозов.

Наблюдать за человеческими взаимоотношениями, узнавая себя и своих знакомых, всегда интересно, а тут еще прекрасно подобранный актерский состав. Выбор на главную роль Бурковского — большая удача, и сериал от этого много выигрывает.

«Наследие»

Режиссер: Алексей Голубев. В ролях: Алексей Серебряков, Егор Бероев, Артем Ткаченко, Ольга Макеева и другие. Онлайн-кинотеатр: ТНТ-Премьер.

Сериал относится к жанру постапокалипсиса, лидировавшему в современной литературе, пока его не сместил активный young adult (произведения про подростков и для подростков. — *Ред.*). Однако здесь вы не увидите безумных Максов или побегов из Нью-Йорка, авторы делают ставку на психологию и конфликт отцов и детей. В недалеком будущем человечество приходит к экологической катастрофе и встает на грань вымирания: все дети умирают, едва дожив до двенадцати лет.

Правительство запускает научную программу: нескольких ученых погружают в криосон на сто лет, чтобы они после пробуждения из замороженных эмбрионов воссоздали новую популяцию хомо сапиенс. Они пробудились, воссоздали и столкнулись с неприятным сюрпризом: новое поколение людей оказалось вовсе не таким, как предыдущие... Подростковый бунт грозит обернуться новой расовой катастрофой... Тема не нова — ее обыгрывали «Голодные игры» и недавний бенефис Ридли Скотта «Воспитанные волками». Однако российское «Наследие» наследует не только западным сериалам, но и русской классике, где конфликт поколений — одна из вечных тем. Проект получился не только зрелищным, но и многослойным. Есть на что посмотреть, есть над чем подумать — неплохая замена бесконечным однотипным блокбастерам о грядущем крахе человечества.

«Русалки»

Режиссер: Александр Кириенко. В ролях: Петр Федоров, Дарья Мороз, Михаил Горевой, Иева Андреевайте и другие. Онлайн-кинотеатры: «Кинопоиск», WINK.

Без детектива нет сериала. Но детектив детективу рознь, и сюжетная подбивка из качественного триллера еще ни одному детективу не повредила. Сериал «Русалки» — российская адаптация израильского проекта. Дело происходит в провинции. Живет себе следователь местного отделения полиции Рита, исполняет свои рабочие обязанности и считает дни до пенсии. И вдруг в реке находят утопленницу. Возраст — 32 года, личность неизвестна. Кто же это? Поскольку версий у полицейских нет, они сходятся на том, что это сестра-близнец Риты, которая — предположительно — утонула семнадцать лет назад. Рита не верит и начинает собственное расследование, что заводит ее в жуткий лабиринт тайн маленького городка. Рита осознает, что все ее близкие — не такие, какими она их знала... Далее идет закрученная интрига, сопровождающаяся романтической линией. Мрачный Петр Федоров на фоне живописных пейзажей, златовласая Иева Андреевайте в подводных съемках — словом, все очень эффектно. Сюжетные загадки если и не складываются в полноценную головоломку, то увлекают внезапными поворотами, а легкая мистика придает кинополотну красочный колорит. Если вы думаете, что жить в провинции скучно, так вы просто не видите, что творится под спокойной гладью житейских вод. В тихом омуте русалки водятся. Красивые и смертельно опасные.

«Шаман»

Режиссер: Рустам Мосафир. В ролях: Александр Кузнецов, Сергей Гилев и другие. Онлайн-кинотеатр: ТВ-3.

Премьера пилотной серии «Шамана» состоялась в рамках ММКФ-2022. Сняли пилот еще в 2019 году, но долгое время проект лежал на полке, пока за него не взялась студия «1-2-3 Production».

«Шаман» — один из самых нерядовых российских сериалов. Съемки проходили в Казахстане, и природа края — вполне самостоятельный персонаж картины.

Главный герой — сотрудник полиции Саня. Отец Сани был шаманом и покончил с собой. У Сани тоже «шаманская болезнь», хотя он, следуя завету отца, не берет в руки бубен, чтобы не предать себя во власть потусторонних сил.

Но в селе случается трагедия — пьющий брат Сани убивает жену и сына. Полиция закрывает дело, но пьяница клянется, что убил не он. Саня хочет узнать правду, особенно после того, как его об этом просят сами мертвые. Он надевает костюм шамана и впадает в транс...

В «Шамане» тесно сплетены жанры социальной драмы, мистического триллера и детектива. Саня расследует преступления, одновременно пытаясь противостоять древнему демону, что жаждет заполучить душу шамана.

Действие сюжета каждой серии происходит в двух измерениях — нашем и ином, куда в трансе погружается Саня. Создатели проекта выбрали интересное визуальное решение иного мира — негатив. Душа Сани бродит в плоском черно-белом мире, узнавая тайны мертвых, а за ней крадется нечто ужасное...

При этом сериал не оставляет реалистичной повестки — правдиво показан быт глухого угла, с любовью и теплотой выписаны образы местных жителей.

Продюсеры Валерий Федорович и Евгений Никишов всегда делают ставку на оригинальную идею и эффектный визуальный ряд. «Шаман» не исключение. Фольклорная мистика крепко цепляет зрительскую аудиторию. Срастив страшные сказки и традиции российского авторского кино, Мосафир снял проект не просто запоминающийся, но и самобытный. Большая редкость для нашей развивающейся киноиндустрии.

Народные мемуары

Сергей САФРОНОВ

ПОД «БЛОГОВОИДНЫМ» ПРЕДЛОГОМ

Сергей Сафронов для города Кемерово был личностью уникальной, яркой и незабываемой. Отвечая на вопрос, кто такой Сергей Александрович Сафронов, трудно выбрать главное. Он был блестящим переводчиком, прославившим школу перевода Кемеровского государственного университета, талантливым музыкантом, нежным отцом и образцовым семьянином. Его внезапная смерть во вторую волну COVID-19 в октябре 2020 года стала потрясением для его семьи, друзей и многочисленной публики, посещавшей его концерты и просто знавшей его «через два рукопожатия» — а таких наберется в Кемерове не одна сотня человек. А еще есть друзья в Москве и многих городах бывшего Советского Союза.

Сергей Сафронов родился в Кемерове 18 октября 1955 года, там же окончил факультет романо-германской филологии университета. Где он только не работал — в шахте, на угольном разрезе, в офисе, на заводе, на рыболовецком судне, в банке, на мясобойне... Он даже пытался преподавать в школе, но не смог — подвергся критике методиста за плохо составленные планы уроков. Переводил книги, спектакли и фильмы, пел на сцене за деньги, работал поваром и матросом на судне, управлял самолетом и большим рыболовецким судном (правда, всего пять минут — и чуть не утопил, подставив борт под волну). Стрелял из многих видов стрелкового оружия, причем больше всех его впечатлила трехлинейка.

Но суть не в этом. Чем бы ни занялся Сергей Александрович Сафронов, все у него получалось. Даже несбывшаяся мечта — уехать в Америку и открыть там свое дело, небольшой паб, в конце концов в некотором смысле осуществилась: в Кемерове недалеко от Городского сада работает маленькое питейное заведение, и за стойкой этого уютного бара мы видим сына Сергея Сафронова. Сергей Сергеевич унаследовал не только мечту отца, но и его разностороннюю одаренность: он замечательный музыкант, великолепный конферансье и просто обаятельный человек, создающий вокруг себя атмосферу уюта и радости. За этим ощущением люди и приходят в бар «У Сафронова», как его все называют, несмотря на его официальное название «42-я улица».

В мемуарах, которые публикуют «Сибирские огни», отражена эпоха, по которой нельзя не тосковать. Несмотря на трудности жизни в Советском Союзе, Сергей Александрович пишет скорее о возможности. О том, что можно было поехать куда угодно по великой стране, наняться моряком на торговое судно, поехать в Индию с миссией советских инженеров. Но для этого нужно было быть Сергеем Сафроновым.

В личном общении Сергей поражал мягким юмором, умением поддерживать режим «легкой болтовни», даже обсуждая такие важные вещи, как возраст, усталость, неотвратимое старение, отношения с детьми. Однажды я сказала ему (в шутку, конечно), что он не производит впечатления человека, которому хочется помочь. Он запомнил мои слова, не то обиделся, не то, наоборот, был польщен. Во всяком случае, как позже рассказывали мне общие друзья, он часто цитировал эту шутку, в которой была только доля шутки. Он всегда был прекрасно одет, носил дорогую обувь и использовал изысканный парфюм, у него были красивые ухоженные руки музыканта. Правда, в последнее время он перестал брать в руки гитару, жаловался, что пальцы не слушаются.

Большое счастье, что остался голос Сергея Сафронова в записях его выступлений на концертах и драгоценная студийная запись их дуэта с давно ушедшим из жизни легендарным Сергеем Медведевым.

Два года со дня смерти Сергея Александровича Сафронова пролетели быстро. Скоро мы все соберемся в Кемерове и будем вспоминать этого невероятного, блестяще одаренного человека, слушать его голос, вспоминать его шутки и его горькие сетования на то, что «время наше уходит». Прощай, дорогой Сережа, мы будем тебя любить, пока живы...

Яна Глембоцкая

Под «блоговидным» предлогом

(Это я про стиль изложения,
чтобы друзья-филологи сильно не цепенлись.)

«Сбыча мечт» — это классно. Но в последнее время я понял: не всегда, когда мечты не сбываются, это плохо. Ну или не всегда хорошо, когда сбываются. Вот мечтал посетить страну изучаемого языка, пятнадцать лет ждал, приехал, потрогал Биг-Бен — и ни-че-го не испытал! Хотел открыть бар в Кемерове — мой тогдашний босс — угольный «генерал» — предлагал мне на это \$100 000. Потом, говорил, отдашь, с выручки. Я долго сомневался. Россию как место для своего бара отверг по причине влияния «малиновых пиджаков» на бизнес. Но ездил по этому поводу в Санта-Марию, штат Калифорния, США, где у меня есть друг. Он предлагал там русский бар открыть, где бы водку стаканами подавали. Я сомневался, считал, прикидывал. И соскочил с мечты, когда увидел снисходительный взгляд друга Дагласа. В ответ на мои русские страдания он сказал как отрезал: «Или делай — помогу, чем смогу. Или закрыли тему». В итоге тему закрыли...

А вообще, чтобы хоть какое-то время приносить радость, мечты должны *во-время* сбываться... Например, я посетил восемнадцать стран. В числе оставшихся, но уже несбыточных «мечт» — проехаться по тем же странам, только не в командировку, а вольным туристом.

Что успел поделаться: окончил университет; работал переводчиком — в шахте, на разрезе, в офисе, в школе, на заводе, на рыболовецком судне, в банке, на мясобойне; переводил фильмы, спектакли и книги; пел на сцене за деньги; управлял самолетом; работал поваром и матросом на судне; управлял большим рыболовным траулером, правда, всего пять минут, и чуть его при этом не утопил — подставил борт под волну; стрелял из многих видов стрелкового оружия, в том числе Uzi, Veretta, Калашников, М-16, ТТ, Макаров, Walther и винтовки Мосина (последняя — круче всех!).

Что не делал или не успел сделать: не ходил в детсад, не ездил в пионерлагерь, не служил, не был актером (а хотел); не научился танцевать (а хотел); не научился играть на пианино — до сих пор хочу; хотел спеть в оперетте, не удалось;

так и не получил права, хотя обучался и несколько раз ездил за рулем (даже за границей раз довозил своих пьяных друзей до гостиницы, правда, они к концу поездки протрезвели от моей езды); не писал стихов всерьез — школьная романтика не в счет; и вообще не писал креативных текстов, потому как вечно пережевывал чужие мысли, будучи переводчиком. Кисло звучит, правда?

Таким образом, всю жизнь я провел в поисках — учитель, переводчик, матрос-переводчик, флагманский переводчик, менеджер и директор по экспорту-импорту, офис-менеджер, консультант по развитию малого бизнеса. При этом никогда не отпускала музыка. В связи с чем моя знакомая, Ира Петрова, театральная режиссер и актриса, величала меня «музыкальный деятель», а мой приятель Язгар, великий полиглот, педагог и лингвист, приклеил ко мне такой наукообразный ник — мюзиколог.

Музыкальная тропа в жизни

Мои первые воспоминания о музыке относятся к возрасту месяцев одиннадцать. Бабушка Ксения носит меня на руках и поет песню «Чубчик кучерявый». Как я это помню? Помню, как все вокруг движется вправо и влево — это когда тебя на руках держат и качают из стороны в сторону. Еще помню, что меня при этом, кажется, тошнило. Именно поэтому я ненавижу шансон!

В четыре года мама ставила меня на табуретку, чтобы я своим дискантом пел песню про шахтеров для гостей. Даже спустя шестьдесят лет помню текст. Я не знал слово «титан», равно как и «метан», но пел с удовольствием:

Шахтеры, шахтеры, шахтеры!
 Какой благородный пример.
 Спустился в опасную шахту
 Один молодой инженер.

Шахтеры, шахтеры, шахтеры!
 Он молод и сердцем титан.
 Задумал он думу большую —
 Убрать ненавистный метан.

Шахтеры, шахтеры, шахтеры!
 Скорей пробивайтесь, скорей —
 Лежит он в опасном забое
 И ждет не дождется друзей.

Шахтеры, шахтеры, шахтеры!
 Кружится и падает лист.
 Молчат, пригорюнившись, горы,
 Так спой же, утешь, гармонист...

Родители и музыка

В шесть лет я тайком пробирался под дверь в гостиную, где гулеванят родители с друзьями. У них верещит привезенный на санках магнитофон с песнями Петра Лещенко и Вадима Козина. Я, затаив дыхание, слушаю, как на гитаре играет друг отца. Я тоже так хочу! Но лишь в одиннадцать лет отец покупает мне первый инструмент — скрипку. Скрипки мне хватает на полгода. Затем я сбиваю руки в кровь мандолиной — любимым инструментом отца.

Вспоминается игра вместе с отцом в оркестре народных инструментов, с настоящим дирижером, старым седым евреем, похожим на тролля из «Гарри Поттера». Первые концерты на сцене ДК Химпрома. Причем не тят-ляп, а увертюра к опере «Кармен» Жоржа Бизе, вальс из балета «Спящая красавица» Петра Чайковского. В этот раз меня хватает на год.

Только потом в руки попадает семиструнная гитара. Пытаюсь делать баррэ, звездочку, восьмерочный бой. Так и не научился, кстати... Снимаю седьмую струну, креплю спичкой, и получается шестиструнка. Ловлю по радио по ночам «Голос Америки» или Би-би-си, слушаю песни «Битлз». Жутко кайфую, когда понимаю, что слышу гармонию. Тоника — субдоминанта — доминанта — тоника. Это я потом, года два-три спустя, узнаю эти названия.

Период магнитофона «Днипро» и после

Помню первый опыт записи своего пения на микрофон, похожий на пузатую пачку сигарет на подставке, и разочарование от того, как звучу. Рядом — проигрыватель винила, толстые пластинки фирмы «Мелодия» или тонкие «Кругозор» на пленке. В восьмом классе знакомлюсь с Евгением Дрейцером из знаменитого музыкального клана Дрейцеров, пианистом с абсолютным фортепьянным слухом. Его отец и дед — известные оркестровые музыканты, дядя — настройщик пианино. Мы работали с Женей одно лето в ресторане «Сибирь». Незабываемый опыт музицирования (я на бас-гитаре и голосом) и общения с публикой. Убегание через кухню от хулиганов, исполнение на заказ буги-вуги на английском языке с текстом из газеты Daily World, которая по случаю оказывается в портфеле.

Потом ресторан «Кузбасс», кафе «Современник», кафе ресторана «Солнечный». Яркие впечатления от встреч с интересными музыкантами и наблюдение за тем, как гости заведения, приятные во всех отношениях джентльмены и элегантные дамы, превращаются в мычащих самцов горилл и их пищащих самок.

Отдельный опыт — посещение оркестровой ямы в театре оперетты, где Женя играл на пианино, а его отец на кларнете. Женя показывает на трубача — мол, щас киксанёт (сфальшивит. — *Ред.*) — а тот и правда. Затем на одну из скрипачек — а она и правда играет мимо нот. После этого я перестаю верить оркестру и ходить в оперетту. Мне за них стыдно, хотя стыдно должно быть им. Кстати, все местные оркестры вызывают у меня состояние, которое назвал бы «ожидание лажи». «Отпустило» меня только несколько лет назад, когда в филармонии слушал биг-бэнд Дюка Эллингтона...

Мои музыкальные авторитеты...

В четырнадцать лет знакомлюсь с Игорем Калошиным из параллельного класса — вместе держали АК-47 на посту № 1 у памятника героям Великой Отечественной войны. Игорь нереально крут — у него за плечами музыкалка. Он знает все аккорды, берет уроки гитары у ресторанных гитаристов, и его иногда зовут играть в ресторан. А я хожу по улице, таращусь в окна, слушаю (мне пятнадцать лет, в ресторан не пускают) и завидую. Еще мы встречаемся у него дома. Его мама, мудрая женщина Зоя Петровна, кормит нас бутербродами с сыром и маслом и варит кофе, чтобы мы не шлялись по городу. Мы слушаем новые пластинки — «Песняров», Тухманова, разных венгров и поляков (группа «Иллеш» и «Но То Цо»). Ходим в филармонию на «Веселых ребят», «Песняров», «Червоны гитары» и прочих звезд. Кстати, мой старший сын Денис родился на следующий день после прослушивания его мамой «Песняров», а его младший брат Сергей родился (правда, от другой мамы) на следующий день после посещения концерта «Веселых ребят» шесть лет спустя.

Мои университеты

Позже Игорь стал крутым айтишником в банке и забросил гитару. В ответ на мое предложение задарить ему инструмент на день рождения отмахивался и говорил, что я его в гитаре обогнал, а догонять лень. Стал уверенным в себе циником, никогда ни на что не жаловался — ни на трудности в семье или на работе, ни на здоровье. И вот в понедельник утром, 25 сентября 2017 года, его не стало. Ушел тихо, во сне. А за месяц до того прислал почему-то моему младшему одну из наших любимых песен из эпохи соцвенгров — «Учительницу» группы «Иллеш». Мы ее вдвоем на гитаре пилили...

В конце восьмого класса пишу заявление о приеме в музучилище по классу гитары. «Но сверху видно все!» — мне присылает сигнал «тот главный»: «Не ходи туда — козленочком станешь». В мае мне ампутируют фалангу указательного пальца на правой руке (кошмарный сон гитариста) — я не сдаю экзамены в школе и «на шару» получаю аттестат за восьмилетку (мои друзья, охламоны-троечники, чуть меня не пбили за это).

Что до музыки, то и в училище тоже не поступаю. Ограничиваюсь игрой на ритм-гитаре на халтурах в клубе КХЗ. Первую десятку заработал на танцах именно там. «И што интересно» (говорим голосом Леонида Ильича Брежнева), мои одноклассники даже не были в курсе, что я на чем-то играю, а еще и пою. Выяснилось это на выпускном вечере в сквере на «Орбите» под деревом зеленым, где встречали рассвет.

Затем университетские годы. На English меня подсаживает отец — тогда были в моде московские заочные курсы английского. Масса учебной литературы, включая знаменитый учебник «Практическая грамматика» Израилевич и Качаловой. Читаю, учу слова. Помогаю однокашникам *read and translate*^{*}, и *voilà*^{**} — я в универе. Там подворачиваются смотры «худой» самодеятельности, агитбригады... В результате все типа на картошке, а я с гитарой на сцене. Потом английский разговорный клуб с Пачгиной во главе — шикарная тусовка с опытом на всю жизнь. Там учусь конференсу, стендапу, КВН, поем немного «Битлз», немного поп, немного кантри. Было даже немного театра — играем «Ромео и Джульетту». Местный крунер (от «крунинг» — манера пения, среднее между пением вполголоса и ритмической декламацией. — *Ред.*), уехавший позже в Нью-Йорк Валентин Гаврил вдохновляет меня на вокальные подвиги. Здесь же преподаы «старой школы»: Болдырев Василий Дмитрич с фирменным прононсом, иммигрант из Харбина, Леонид Мурышкин, тогда молодая и до сих пор крутая Альбина Леванова.

Вечерами — игра в ресторане «Сибирь» («Ясные светлые глаза вижу я в сиянии дня»), рапортчика с песнями Юрия Антонова в ресторане «Кузбасс» и кафе «Современник» («Несет меня течение...», «Мы вам честно сказать хотим...»). Стипендия тогда была сорок рублей в месяц, а у меня за вечер выходило до тридцати рублей. Иногда бегаю в Политехнический, там — группа «Фазтон», в которой я солист-вокалист. Тот же Калошин и его друг Миша Ермолаев играют на гитарах.

В универе — знакомство с Сергеем Медведевым с французского отделения, группа «Фриндо». В 1983 году, спустя несколько лет, — искушение второй раз. Как говорят друзья-психологи — точка бифуркации. Поступило предложение гастролировать по стране и петь. Семья (уже новая) встала на дыбы.

Следующий всплеск — 1997 год. Филармония — биг-бэнд — почти сольный концерт — свет рампы — местная слава. Спасибо дирижеру Хвилько и пианисту Жене Рязанову. Чуть не забыл про себя — идея концерта родилась в мотеле, в командировке в Мельбурн. У меня был жуткий насморк, коллеги меня бросили, я сидел на диване, по «ящику» показывали известного американского балладиста

* *Read and translate* — читать и переводить (англ.).

** *Voilà* — здесь: готово (франц.).

Барри Манилоу в студии с биг-бэндом в живом эфире. И я сказал себе — «я такую же хочу». От идеи до воплощения прошло четыре года. Концерт состоялся не на ТВ, но все равно вживую. Затем тринадцатилетний перерыв, два году кряду выступление в барах под Рождество с младшим сыном — американский рождественский попс. Печально, но это совпадает с уходом мамы.

Последняя вспышка творческой активности произошла в 2017 году — концерт в родном универе. Опять биг-бэнд — дуэт с молодой солисткой Беллой с оркестром и грустная баллада — только я и пианино. Сбыча еще одной мечты.

В последнее время музыку на гитаре не исполняю, пальцы не те. Голосом чего-то могу тихонько изобразить, но связки уже деревянные, и мимо нот не хочется, как скрипачка в оркестровой яме в 1971 году. Зато благодаря сыну — джазовому барабанщику подсел на джаз, из-за чего другая музыка ушла с горизонта. Учу гармонию, много слушаю. За последний год узнал про музыку больше, чем за предыдущие двадцать лет.

Учительский период — Кемерово

Как говорила мама университетского приятеля Коли Мелешко: «Не захотел ходить между станками — будешь ходить между партами».

Сначала было предложение должности директора Карагайлинской школы. Нифигасе — в двадцать два года стать директором! Но испугался руководить. Уехал на Сахалин спасать семью. Но, не найдя там работу, вернулся, отложил спасение. Затем получил втык от прокуратуры и облоно — они меня три месяца искали по стране, унижали и пугали родителей — и стал учителем Верхотомской средней школы. Ездил из города на работу на автобусе. Директор школы решил меня приручить — дал просторный учительский дом с сараем и угляркой. Живи — не хочу. В первую ночь приехал, затопил печь... и чуть не отравился угарным газом, на карачках дополз до последнего автобуса до города.

Узнав про эту историю, моя семидесятилетняя бабушка Ксения обозвала меня безруким смоляком (она и моего отца почему-то так ругала) и поехала со мной учить топить печку. Через два часа уже я ее выволакивал из дома на мороз отдышаться. Меня забрали из Верхотомки по представлению декана универа Тиуновой три месяца спустя — в новую гимназию № 21. Я был в числе первых ее преподавателей начальной школы. Помню осуждающие глаза учеников из Верхотомки, которые до меня жили без английского четыре года. В гимназии меня хватило на четыре месяца. Я озвучил несколько учебников для началки, попел детям на уроках песни под гитару, поустраивал дискотеки. Самое гнусное впечатление — от учителя-методиста. Она сидела у молодого специалиста на уроках, распекала за плохие планы и отбивала охоту к средней школе forever. После чего, полежав в больнице, где мне посоветовали школу обходить стороной, свинтил на Сахалин — опять чинить семью.

Период острова Сахалин

Я чинил семейные отношения, работая в рыболовной мореходке в Невельске. Она мне снится по сей день. Проходил два года в синем кителе с погонами и фуражке с кокардой. Из запомнившегося — каждый день бег не на жизнь, а на смерть, чтобы отвести сына Дениса в сад, вернуться на остановку, с боем взять пазик и двадцать километров трястись по грунтовке в Невельск в мореходку. Вечером — в обратном порядке. В училище — бесконечные уроки, совещания. Особенно «хороши» суточные дежурства, когда нужно ходить с курсантским нарядом по территории, ловить ночных самовольщиков, спать в кандейке. Также требовалось принимать утреннее построение и снимать пробы в столовой, расписываясь

в журнале. Только тогда еду раздавали курсантам. К окончанию работы в мореходке я дважды сходил в море как руководитель практики курсантов. Было интересно, но скучно без настоящей работы.

Матрос-переводчик, на мостик!

10 сентября 1981 года. «Между тем РТМС* “Новокачалинск” быстро сблизился с подводной лодкой. В 6 часов 03 минуты дистанция составляла уже менее 5 кабельтовых (около километра. — С. С.) и траулер внезапно резко повернул влево. Командир атомохода внезапно обнаружил красный бортовой огонь неизвестного судна и приказал сигнальщику выстрелить красную ракету и дать серию проблесков прожектором в сторону приближающегося судна. Команды “Лево на борт!” и “Реверс!” запоздали, и в 6 часов 05 минут подводная лодка “К-45” столкнулась с траулером, нанеся ему таранный удар форштевнем. В борту траулера образовалась пробоина размером 3,5 м на 6,0 м, а у атомохода отмечено сильное повреждение носовой части легкого корпуса и гидроакустических станций».

Вышеприведенный текст я нашел в интернете тридцать лет спустя после аварии, участником которой был сам. Я находился на борту этого злополучного траулера в момент столкновения. Видел сладкие сны, готовясь к сходу на берег после шести месяцев моря. Погода чудесная, небо синее, до Находки 500 км. Через неделю должен был быть дома. Потом — сильный удар, и я на корточках на полу каюты. Затем ор капитана: «Всем прибыть на свои аварийные станции», что сто раз отрабатывалось на учебных тревогах. Я был приписан к одному из иллюминаторов в рыбцехе, и мне пришлось, стоя по колено в воде, задраивать его в то утро.

Помню, как мы молча стояли на палубе и глазели на черную тушу атомного красавца, который зарылся нам в левый борт. Минут через пятнадцать она отчалила и ушла на глубину, оставив нас с огромной дырой в борту. С той поры я недолюбливаю подводников. Они, конечно, «ходят по краю», но почему-то считают, что это дает им право шалить и забивать на правила мореплавания. Спасло нас то, что 250 тонн мороженой скумбрии на борту, как гигантский поплавок, не дали нам уйти на дно.

Чуть позже знакомый моторист мне рассказал, как второй механик, как всегда пьяненький, заслышав вопли буфетчицы «Тонем!», произнес: «Цас, салаги!» После чего спокойно и талантливо отдал несколько команд мотористам, которые оперативно перекачали балластную воду на правый борт и выровняли крен. Потом он не спеша проследовал в рыбцех, где руководил задрайкой иллюминаторов и прочих технологических отверстий в бортах. Его спокойствие проистекало из перманентного употребления браги. После созревания в парочке огнетушителей сей продукт полностью отключал эмоциональную сферу, что позволяло второму механику спокойно и профессионально выполнять должностные обязанности.

Позднее, в середине карьеры переводчика-фрилансера, под угрозой перевода двадцати страниц мутного технического бреда с русского на английский за одну ночь, что в трезвом уме невозможно, я тестировал на себе эту методику. Как оказалось, под воздействием медленно вливаемой в течение ночи в организм огненной воды можно сотворить чудо чудное. Делать это медленно следует потому, что если быстро, то отключение башки тоже наступит скоро. А так эмоции, паника и нервы отваливаются. Остаются только навыки и слово «дедлайн». Часто это делать нельзя, но пару раз за карьеру пришлось испытать.

Во флотские переводчики я попал, когда ушел с должности преподавателя английского в Невельской мореходке, потому что неотвратимо потянуло в перевод.

* РТМС — рыболовный траулер морозильный (супертраулер).

Это дорушило семью, хотя и не было тому главной причиной. Через год я развелся и снова женился — а что, привычно женатый мужчина...

Судовая должность моя именовалась «флагманский переводчик». Поскольку за это платили мало, уговорил капитана устроить меня в цех на сортировку и упаковку иваси (кто не помнит, так называется тихоокеанская сардина), где получал т. н. пай, то есть коэффициент к зарплате. Так я приобрел экзотическую профессию, от названия которой весь экипаж вздрагивал всякий раз, когда вахтенный по «матюгальнику» вызывал матроса-переводчика на мостик.

Причин для вызова могло быть несколько. Например, если рыбалка проводилась в японской двенадцатимильной зоне, к нам причаливала японская береговая охрана для проверки чистоты улова. В каюте капитана накрывался стол, доставалась запотевшая бутылка водки, деликатесы, и имел место «разговор». Я поднимался на мостик в белой рубашке с галстуком, чем вызывал дружное «бу-га-га» у рыбаков и комсостава, которые привыкли меня видеть в просоленной робе и сапогах с мешком соли на горбу. В американской зоне, на Аляске, на борт поднимались рыбные инспектора и представители покупателя (там у нас была треска). Они делали анализы и ставили штамп Made in USA на коробке с рыбой для отправки на берег. Странное было ощущение: мною упакованная рыба сделана в США.

Когда нас протаранила подлодка, экипаж выстроился на шлюпочной палубе на случай эвакуации, а я делал фото на память своим «Зенитом»: снимал друзей, шлюпки, тревожную суету. Капитан, который, свесившись через поручни, руководил эвакуацией, закичал матроса-переводчика с фотоаппаратом и стал орать. Он грозил конфискацией камеры, если я не перестану снимать; вопил про спекуляцию на людском горе и еще про бог знает что. Аппарат я спрятал, но обиду затаил. Вечером, когда все стихло и все спаслись, мы с поваром Славой сидели у меня в каюте. Крен был градусов двадцать, и макать бумагу в проявитель было жутко неудобно. Зато мы пили водку, отходя от пережитого. Водку передала в трехлитровой грелке моя жена. Земной ей за это поклон, только после покупки грелки она забыла сполоснуть щедро насыпанный на заводе тальк. В смеси с водкой из него получился новый напиток, который Слава назвал «тальякирией какой-то». Короче, мы сидели в тот вечер размякшие под светом красного фонаря (не подумайте плохого) и печатали фотографии утренней беды. Потом я их почти все раздал, в том числе и капитану — он уже оттаял к тому времени. Впрочем, как и я.

К тому времени мы немного успокоились. Из 115 человек экипажа на борту оставалось человек пятнадцать аварийной команды. Всех женщин и не занятых в аварийных работах отправили на плавбазу. В число оставшихся вошли и мы с моим приятелем поваром. Я уболтал капитана, что могу быть полезным в качестве работника кухни, пока нас будут буксировать на ремонт.

Пока нас тащили до Владика два военных буксира, аварийная команда вытаскивала вилами и лопатами получившийся в результате столкновения форшмак из скумбрии и картонной упаковки, «заправленный» соляжкой из пробитых танков. Вонь стояла несусветная! В порту дырку заварили и поставили пароход на ремонт. Моя печаль усугубляется еще и тем, что пароход позднее был добит во время ремонта в доке возникшим на нем пожаром и его разделили на гвозди в Японии. Так бесславно, но зато удачно для жизни закончилась моя карьера матроса-переводчика.

Хотя в роли толмача я еще раз сходил на БМРТ*. Это было через пару месяцев после ужаса с подводной лодкой. Мы отошли ночью от берега, а уже через пару часов ко мне постучался радист (бывший мой студент в мореходке) и сказал: «Пошли, чё-то заморочки с пароходом какие-то. Только тихо».

* БМРТ — большой морозильный траулер.

Мне еще в прошлом рейсе старые мореманы говаривали, что тот, кто побывал в аварии, ну типа тонул, горел и т. д., приносит несчастье экипажу. А вот он я тут, только что тонул. Так что я никому и ничего. Приходим в радиорубку, а там начальник нам подмигивает — слушайте, мол, только тихо. Короче, через час после выхода в гребном винте открылся свищ — дырка такая, через которую в туннель гребного вала начала поступать вода со скоростью сколько-то тонн в час. В общем, уже часа в три утра мы были на обратном курсе, а к полудню, к удивлению экипажа, стояли у стенки, а на причале копошились сварщики. Потом мы вышли в море, и все обошлось. Это был мой последний рейс, но только в роли переводчика. Матросом быть уже не хотелось.

Кстати, в предыдущем злополучном рейсе довелось испытать выброс гормона «величья гегемонского» (зацепил этот чудный эпитет у поэтессы Юнны Мориц), когда ни за кого не отвечаешь и только орешь: «Бугор, работу давай!» Но месяца через три прошло бесследно. Ощущения, впрочем, были роскошные. Что-то в этом есть!

Недавно нашел в завалах документов у себя дома старый профсоюзный билет, где были проставлены взносы и зарплата за этот рейс — 600 рублей в месяц. Это при средней зарплате по стране в 120 рублей! Было приятно. Бочкой дегтя в ложке меда оказалось то, что нас лишили премии за потерю груза. Зато живой.

«Синяя птица»

С 1982-го по 1987-й были годы, которые меня профессионально вылепили. Нашему региону сильно повезло. Минуглепром СССР закупил в США экскаваторы, буровые станки и самосвалы, которые было нужно собирать. Производственному объединению «Кемеровоуголь» было поставлено 200 технологических автосамосвалов грузоподъемностью 120 тонн, 22 экскаватора с емкостью ковша в 16 и 19 кубометров, 15 буровых установок и 75 бульдозеров тяжелого типа на сумму более чем 100 миллионов рублей в иностранной валюте. После ввода в работу на разрезах импортных комплексов впервые после 1974 года был обеспечен опережающий темп роста добычи угля.

Повезло и нашему брату-переводчику испытать себя в деле.

Летом 1982 года после морских и прочих приключений я вернулся в Кемерово с Сахалина и, оставив после себя семейные руины, устроился в угольную контору переводчиком. Поблагодарить за это я должен однокашницу по университету, которая там работала. Спасибо, Люся!

Отработав что-то вроде испытательного срока, перед началом монтажных работ я был отправлен в Москву встречать специалиста по буровым станкам из США. Когда приехал, понял, что в Москве что-то не так. Во-первых, меня выселили из гостиницы на проспекте Мира. Еще сутки была неопределенность, а потом объявили, что умер Брежнев, и мы с американским гостем застряли ненадолго в гостинице «Украина», где ели борщ, запивая его водкой.

Для поддержания интриги добавлю, что в следующий мой приезд в Москву умер следующий генеральный секретарь Черненко, и народ начал размышлять, что это неспроста. Коллеги в отделе ржали, что у меня абонемент, и: «Когда нам надоест, Серега, мы тебя пошлем опять!»

Другой удивительный факт состоял в том, что этот парень, Сильвио, американец по паспорту и итальянец по происхождению, привез с собой жену и трех дочерей. Младшей, Карен, я иногда читал «Петю и волка», «Красную шапочку» на английском и был счастлив, когда она пугалась и закрывала глаза в страшных местах. Это заставляло меня гордиться, что мастерски владею английским словом. Мама учила девочек дома — у нее была лицензия от «облоно» штата Техас, а

также готовила и обстирывала всю ораву. Папа же попивал после работы водку с апельсиновым соком, за что мама сильно на него злилась, и еще сильнее — на меня, когда мы с папой зависали вдвоем.

Все началось с того, что мама этого беспокойного семейства, Вирджиния, попросила купить ей стиралку-автомат. По тем временам это была большая редкость для граждан СССР, но вещь, без которой американская домохозяйка пребывала в страшном ступоре. Ей раздобыли машинку «Сибирь». Мы ее затащили на третий этаж хрущевки впятером, а потом битый час пытались запустить.

Сильвио, придя с работы, заглянул внутрь машинки, ужаснулся перепутанным проводам и незакрепленным узлам и блокам. После чего резюмировал: «Держу пари, работать не будет». Но наши инженеры не ударили «фейсом об тейбл», и машинка зажужжала. Хозяин был потрясен. Мы не меньше, особенно когда вышедшая из упомянутого ступора счастливая мама запузыривала в барабан стиральной машины джинсы, кроссовки (!), кеды (!) и носки всей семьи и пошла накрывать на стол. Был обещан салат, горячее, а также десерт. Салат потряс больше всего — в центре стола стояла глубокая тарелка кубиков сырой моркови. Больше закусывать было нечем. Зато было много водки и трехлитровая стеклянная банка апельсинового сока. Потом приехало горячее — небольшой кусочек отварной синей курицы (я накануне за ней бегал, доставал в продуктовом отделе для ветеранов). Вдобавок к «роскошному» ужину на десерт подали шоколадный кекс из пакета. Под конец надрызгались все, а хозяин больше всех. Мы его, что ту машинку, хором отнесли спать на пятый этаж.

В результате мать семьи из трех собутыльников Сильвио особенно невзлюбила именно меня. Видимо, потому, что весь разговор исходил от меня, как от переводчика. Через полтора года они уехали назад в США. Я их провожал до Москвы. Шесть часов лететь на Ил-18 скучно, и я сочинял стихи.

Для средней дочки одиннадцати лет, ее звали Ким, сочинил такой лимерик:

There was little Kim from America
 Who sometimes was extremely hysterical.
 Every day, every week
 She would cry, she would shriek,
 She would yell —
 I want back to America.

Одна девочка Ким из Америки
 Мастерица была на истерики.
 Как, бывало, начнет,
 То кричит, то орет,
 То вопит —
 Мне не жить без Америки.

Она почему-то страшно обиделась. Я про себя удивлялся: «Чего обижаться, все равно больше не увидимся». В общем, и не увиделись... Хотя, когда моей дочери случилось одиннадцать лет, я понял, почему Ким на меня обиделась...

Чтобы поставить точку в истории про это семейство, скажу, что я действительно не увиделся с ними. А Людмила, она же Люся, посетив Техас в 1990-е годы, заехала к ним в гости на пару дней. Они родили четвертую девочку, старшая, Карен, училась в колледже, и все у них было хорошо. «Зачет по России» они сдали, когда вернулись назад целыми и невредимыми.

По слухам, иностранные инженеры, работавшие у нас, получали солидную прибавку за холод, за Россию, за «синюю птицу», за коммунизм... Может, и правда, не знаю...

«Кемеровоуголь». Солдаты холодной войны

Когда думал над заголовком этого отрывка, выбирал между «Холодная война в Мысках не столь отдаленных», «Чертежи на снегу» и тем, что я в итоге оставил. Про «Мыски отдаленные» — шутка моего ныне покойного приятеля и коллеги Володи Осипцова. А еще почему-то меня терзало чувство вины за произошедшее. Потом поймете почему.

Восьмидесятые годы были славны для меня тем, что я зазнакомился с массой людей из разных стран, которые приезжали учиться горному делу. Большая часть была из Индии и Монголии, их я собирательно именовал «мондусы», excuse my French, а также стран соцлагеря. В группе стипендиатов ООН были перцы из Боливии, Мозамбика, Китая, Таиланда, Лаоса, Бирмы, Перу, Югославии. А еще была постоянная вахтовая работа с американцами, японцами, британцами, австралийцами и немцами на сборке оборудования.

У меня дома есть своя «полка славы». Там всякие дипломы, сертификаты и прочие экспонаты «ярмарки тщеславия». Один из них венчает мои переводческие подвиги на ниве последовательного перевода учебных курсов для инженеров. Ну, типа сертификат о прохождении обучения в области перевода по теме «Эксплуатация экскаваторов». Когда мне его вручали, люди с серьезным уровнем говорили, что это типа BS Certificate, то есть сертификат бакалавра. Потом, не выдержав, начали ржать, объяснив, что в реальности это Bullshit Certificate, то есть чёпопалошный сертификат из тех, что выдают толмачам. Ну да ладно, зато красивый.

Это было через год после сбитого 1 сентября 1983 года над Сахалином корейского пассажирского Boeing 747. Вместе с холодной войной свирепствовал КОКОМ, американский комитет по ограничению экспорта для соцстран. Это пафос, of course*, но вот скажите, как реально почувствовать на себе эту cold war** где-нибудь в Мысках или Междуреченске в 1984 году? На нас это не отражалось — подумаешь, какие-то компьютеры нельзя было завозить или оборудование двойного назначения. Персональных компьютеров еще не было, а видеомониторы и телевизоры народ успел прикупить, кто мог.

Но вернемся к бакалаврам. Не успел я возвратиться домой и восстановиться после изматывающего переводческого подвига и бесконечных пьянок, как компания «Харнишфегер» (один из «китов» в сфере производства горных экскаваторов) организовала обучение для инженеров-электриков и младшего персонала, ликбез по обслуживанию тиристорных приводов (кто в теме, тот поймет). Учить местных электриков и инженеров приехал интеллигент в очечках из города Милуоки, штат Висконсин. В «очечках», потому что в начале 1980-х все наши, включая меня, носили очки на пол-лица в толстой целлулоидной оправе. У западного тренера (так на западный манер зовут преподавателей. — *Ред.*) они тоже были на пол-лица, зато в тонкой оправке, что придавало ему жутко интеллигентный и заграничный вид. Звали его Р. Тальски. Он и сейчас, в 74 года, живет там же — в Милуоки.

В процессе учебы в зале сидела толпа электромехаников и инженеров с разрезом. Все пришли послушать, как ремонтировать и обслуживать тиристорное оборудование, на тот момент самое крутое в электроприводах экскаваторов. Подздоровавшись, профессор принялся нудить о том, что такое сила тока и излагать прочую лабуду из школьной программы, только применительно к тиристорам. Выглядел он важно, и видно было, что очень гордится собой. Народ сначала заскучал, потом начал галдеть, кто-то возмущенно. Я стоял и размеренно переводил презентацию слайд за слайдом, формулу за формулой из физики за восьмой класс. Мужик с задней парты, благообразный еврей с окладистой бородой, вдруг встает, по-английски извиняется и, повернувшись ко мне, просит перевести во-

* Of course — конечно (англ.).

** Cold war — холодная война (англ.).

прос: «А какова здесь будет крутизна характеристики?» — показывая на чертеж. Ради таких моментов стоит жить. Надо было видеть лицо заезжего профессора. Он замолк, вздохнул, сел и стал знакомиться с вопрошавшим. Тот представился. Мол, профессор, доктор наук, автор книг по электроприводу экскаваторов. Как говаривала моя мама: «Анна Павловна бледнеет, пауза...»

Как следствие, профессору пришлось на ходу перестраивать выступление. Возник диспут, когда гость на вопрос, что делать, если сломается электронная плата управления, тупо посоветовал вынуть ее из шкафа, нежно упаковать и отправить курьерской почтой в город Милуоки. «Не-а, — сказали наши инженеры. — Мы не будем этого делать. Давайте чертежи, и будем чинить!» «Не дам, — вспылал профессор. — Не имею права!» Возникла неловкая пауза. Потом встал коллега из Кемерово и взял слово: «Уважаемый профессор, это исключено, поскольку: а) у нас нет на это валюты, б) мы все равно разберемся и в) зачем терять зря время и омрачать деловые отношения? Вот мне, например, с моим другом нужна бутылка водки и ночь не поспать. Ну, еще настольная лампа и лист кальки, и готово».

Утром изнуренный, но довольный Евгений (так звали коллегу) явился на лекцию и протянул тренеру чертеж компоновки печатной платы. Профессор окинул взглядом результаты ночных подвигов, где в некоторых местах даже стояли номиналы элементов, окаменел лицом и заканчивал свой семинар без всякого рвения. Потом он попросил меня связать его с руководством монтажа и долго говорил о чем-то. Когда уже темнело, Евгений позвал меня и мы на автобусе поехали куда-то на монтажную площадку. Из бытовки вышел инженер-японец из компании «Кобе Стил» (фирма-изготовитель экскаваторов) с пачкой чертежей. По колено в снегу мы прошли на зады площадки. Все стояли в этом неудобном положении сколько-то минут, а я был в ботиночках на тонкий носок. Японец буркнул что-то вроде: «Мне велели вам передать», отдал пачку чертежей, развернулся и поковылял в бытовку. После чего все разъехались.

Через двенадцать лет, когда я как бы учился бизнесу в Штатах, я созвонился с вице-президентом компании, Нельсоном Р., который уже был на пенсии. Он сообщил, что этого профессора уволили, еще когда он был в самолете над Атлантикой по дороге домой. Кто-то из товарищей его сдал с потрохами прямо в день передачи чертежей. Жертва великого противостояния сверхдержав. Так мы сражались в холодной войне в Мысках. Хотя в какой-то момент я радовался и испытывал чувство победы, но нерациональное чувство вины, или, скорее, виноватости, возникло тогда.

Хара-сан в тумане

1983 год. Мой сотый или пятисотый приезд в Москву. Привез в столицу какого-то японца, потому что без няньки им, по советским правилам, никак нельзя. Привычный маршрут: Домодедово — центр Москвы — Центр международной торговли — знаменитая гостиница, где прозрачный лифт. Самолет запоздал, и была темная ночь. Мне утром провозжать этого японца в Шереметьево, а гостиница — у метро «Текстильщики». Я загрузил и приготовился фукнуть личные деньги на тачку.

Оценив мой несчастный вид, встречавший нас представитель компании «Ниссе Иваи» Хара-сан сказал: «Сафурунофу-сан, давайте вы сегодня переночуете в гостинице “Международная”, а то не успеете приехать утром на проводы». Это был абсурд. Чтобы советского гражданина поселили в эту гостиницу — да ни в жисть. «Don't worry*, — сказал Хара. — Пошли расслабимся, надо поплавать».

Идем в фитнес-центр (для меня в 1983 году это новое слово), там шикарный бассейн, где дают напрокат (!) плавки (культурный шок) «Адидас». Мы плаваем,

* Don't worry — не волнуйтесь (англ.).

паримся в сауне (второй шок), идем ужинать в немецкий ресторан, где есть курочка-гриль и пиво. Дальше случается боулинг (третий шок — заметьте, на дворе 1983 год), потом бар, где напиваемся до полного бреда. Время два часа ночи. Хара говорит: «Don't worry, идем ночевать ко мне». Я вздрогнул — нельзя в логово к врагам идти ночевать. Дома не поймут, в смысле не поймут чекисты, если узнают. Но выхода нет: «Идет бычок, качается...» Заходим на какой-то немислимый этаж. Нас встречает хрупкая японка, кланяется и говорит: «Иирассяй». Типа «добро пожаловать» или «хорошо, что пришли, было бы плохо, если бы не пришли». Время 2:30 ночи. Смотрю, накрыт стол — салат, отварные сосиски, плошка с рисом и чай. Ну, супер. Покачиваясь, сажусь.

Ничего себе квартирка. Сейчас мало что помню, только запала мне бойница из кухни в столовую, похожая на раздачу. Короче, едим сосиски, пьем чай. Мне показывают гостевую комнату. Затем предлагают помыться в душе. Неловко как-то все. Но мыться надо — я сутки добирался. Захожу в хозяйскую ванную, рядом с хозяйской спальней, где двое очаровательных деток дрыхнут. Пытаюсь найти душ — нету. Зато есть ванна, заполненная больше чем наполовину горячей водой. Пожимаю плечами, пьяным глазом фиксирую шампунь, шагаю в ванну... и замираю в беззвучном крике ужаса и боли. Рядом дети спят — не могли орать. Температура воды градусов шестьдесят. Японцы это дело уважают — в кипятке мыться. Стараясь не кричать, пытаюсь включить холодную воду, но не могу победить навороченный кран. Так и сварился «в мешочек». Обновленный, с новой кожей, пошел спать.

Вышел в пять утра — жена хозяйина в кимоно шустрит на кухне. «Охайо годхимас», — говорит, типа «Доброе утро». «Охайо», — отвечаю, ем сосиску с рисом и пью кофе, сам чуть живой. Потом помню, как сели с Харой в автобус (почему-то обычный городской ЛиАЗ), как за двадцать минут доехали до Шереметьева по пустой Москве, а дальше этот день не помню.

История про Хару закончилась почти семь лет спустя, в 1989 году. Я был в Токио в командировке. Со мной был этакий «наладонник», сейчас на него было бы смешно смотреть, на котором хранились контакты знакомых японцев. Я нашел Хару, позвонил в офис, сомневаясь, вспомнит ли. Он вспомнил, а я обрадовался, как мальчишка. Назначили встречу.

Принято считать, что японцы много пьют. В Японии действительно много баров. Есть целые районы, состоящие из баров и кафе. Все они очень маленькие — на пять-десять мест. В них заходят, чтобы выпить, пообщаться и оставить недопитую бутылку (не наш вариант) до следующего прихода. Мы взяли бутылку скотча и уделали ее почти всю. Хара сообщил, что семь лет назад, когда мы пили в Москве, японцы-бизнесмены начинали напиваться в четверг, в пятницу был апофеоз, а в субботу-воскресенье они отмокали дома. Сейчас, в 1989-м, народ слетал с катушек во вторник...

Соблюдая местные традиции, мы оставили глоточек в залог будущей встречи. Бармен написал на оставленной бутылке: «Здесь пили Хара-сан и Сергей-сан». К этому моменту мы были в другом измерении. Пошатываясь и галдя, мы вышли на улицу, было на удивление прохладно для октября, и из входа в метро валил пар. Туда Хара-сан, на прощание махнув мне рукой, и нырнул, «ушел в туман». Мы попрощались. Интересно, та бутылка стоит или Хара ее прикончил?.. Глупый вопрос. Может, у нас такое завести?

Пророчества старого Нельса

Накануне отъезда в Индию я дорабатывал последние дни на монтаже экскаваторов в Мысках «не столь отдаленных». Вечерами после ужина меня часто звал в гости Нельсон Р., вице-президент компании-подрядчика, американец (на тот момент ему было лет пятьдесят пять, но выглядел он гораздо старше).

Узнав, что я еду в Индию, он обрадовался и сказал, что это расширит мои горизонты, а также что здорово ехать с семьей и у него такой роскоши не было.

Как-то после ужина он задумался и выдал, как оказалось, очень ценный совет старшего товарища: «Я не сомневаюсь, что в профессиональном плане у тебя все будет хорошо. Зато будут проблемы со своими, русскими. Тебе надо правильно позиционировать себя в группе. Ты коммуникабельный, к тебе тянутся, может быть ролевая путаница и конфликты». Блин, как в воду глядел.

1987 год. Первый раз я встретился с «однопартийцами» в Питере, в «Ленгипрошахте», куда нас вызвали на инструктаж. Инженеров было четверо — три проектировщика-сибиряка и специалист по устойчивости бортов карьеров. Почему «однопартийцы»? Потому что ребята в первый же день приезда забахали себе партийную и профсоюзную организации. На посиделки партийные я забил, ибо был беспартийный, а профсоюзные приходилось посещать.

Кстати, у всех нас были свои консультации в посольстве с так называемыми «кураторами». У меня был свой, переводческий. Мне сказали, что у меня задача — поработать фильтром, особенно в первые три месяца. Задача — выявить реальную квалификацию руководителя. Было два пути развития ситуации. Если он балбес как инженер-проектировщик, я должен сообщить об этом в посольство. В этом случае «в команде Советского Союза замена — вместо выпившего на игре» и т. д. А если он инженер от бога, пусть даже двух слов связать не может, то на выходе он должен звучать как Цицерон. К счастью, случился второй путь.

Что касается пророчества Нельсона, оно начало сбываться довольно быстро. На частых встречах с индийским начальством меня принимали за босса и первым делом здоровались со мной. Настоящий босс медленно нагревался. Еще его подогрела молодая жена. Ей было 28, а боссу 40. Она крутила им легко и непринужденно. Моя коммуникабельность бесила ее до чертей. За это доставалось моей жене в форме изощренного хамства, бойкотов и подстав.

До белого каления наша публика доходила в те дни, когда директор разреза, который мы проектировали, приглашал меня на бренди. Его дом был по соседству, через забор. Посему, завидев меня на крылечке моего таунхауса, он по-простому кричал: «Mr. Safronov, how about some brandy tonight?»*. В это время по дороге вдоль дома парами прогуливались мои соплеменники и светились от злости, как лампы в древнем ламповом усилителе. Так мы и жили...

Ради справедливости скажу — были две пары из Кемерова, с которыми мы нормально общались, приглашали друг друга на ужин и пили дрянной индийский скотч. Одна из пар вскоре уехала for family reasons**. С другой парой мы с женой объединились в борьбе с «однопартийцами».

После полутора лет противостояния с руководителем бурные фрикции между нами в основном прекратились. Случилось так, что я смог распознать аппендицит у его семилетнего сына и вовремя вызвать скорую, посему обошлось без перитонита. А пока папу трясло от волнения, я уболтал операционного хирурга разрешить папе с небольшого расстояния следить за тем, как его сыну дают наркоз.

После этого он махнул на меня рукой. Придраться к моей работе он так и не смог, как не смог приструнить свою жену. Месяц спустя после операции жить стало еще легче. Жена босса, Наташа, заболела малярией и мучилась этой заразой полгода. Я ее возил по врачам и покупал лекарства. И лишний раз в копилку своего опыта уронил такую мудрость, что здоровье уравнивает всех и стряхивает пень с любой гордыни.

* «Мистер Сафронов, как насчет выпить бренди сегодня вечером?» (англ.).

** For family reasons — по семейным обстоятельствам (англ.).

Мои друзья амёбы

С Индией особенно грустная история. Это мечта, только не моя. Жена Люба сильно хотела. А я не сильно — сердце шалило. В итоге я пошел к другу Владимиру, на тот момент заведующему инфарктным отделением в «трешке», и спросил, могу ли я ехать в субтропики. После бесчисленных исследований и анализов он сказал, что можно, если соблюдать режим труда и отдыха. Ну и поехали. До сих пор знакомые спрашивают (сейчас стало модно на Гоа махнуть): «Ну как там, Серега? Что там? Где там? Чего бояться?» Помилуйте, други, тридцать лет прошло!

Если бы я был Онищенко (главный санитарный врач России с 2016 по 2021 год. — *Ред.*), я бы никого туда не пускал, особенно в восточную и южную Индию. Во-первых, из-за Любы, которая, заболев там, ушла из жизни, уже вернувшись домой. Во-вторых, я часто рассказываю одну и ту же историю про коллегу Владимира, который кратенько смотался в Индию за полгода до меня. Он был там с делегацией всего пару недель. Вернулся схуднувший на лицо и задумчивый, и на вопрос: «Чё случилось?» — вздыхал мрачно, говорил, что приболел, типа отстаньте.

Когда я приехал туда жить, в тот же проектный институт, где был Володя, буквально через две недели меня скрутило, была температура и дикие судороги где-то внутри. Я терпел дня два, потом позвонил доктору Лалу, который служил институтским доктором и врачевал на территории кампуса. Я представился. Сказал, что из Сибири, коллега Владимира, который уже здесь был. «That's the Vladimir who had a mild case of cholera?»* — живенько, почти весело поинтересовался доктор Лал. — Так я его вылечил». Я был потрясен даже не диагнозом, а тоном голоса. Типа «холерка» — фигня вопрос. И вас, если надо, вылечим. Я объяснил, что и где болит. «Ха, ерунда, — последовал ответ. — это всего-то амёбиаз. Я вашей жене в гостиницу отправлю пакет с лекарствами. Дней десять — и будете как новый». Прихожу домой. Сидит Люба, читает диагноз и плачет. Подружки по группе уже просветили про заболевание, типа кранты. Но через десять дней действительно стало лучше. А потом и вовсе прошло. Правда, через год все повторилось, но лечение доктора Лала было на высоте.

Когда через примерно год Володя приехал в Индию на полтора года, я его встречал. За окном было плюс пятьдесят в тени. Он был в темном пиджаке, весь взмокший и злой, добирался триста километров из аэропорта по горному серпантину на машине без кондиционера. Мы долго сидели, пили индийское пиво, ибо водка была неуместна. Местный служба только успевал заливать в оконный кулер воду из ведра. И Володя признался мне про «холерку». Сказал, что были с делегацией в Агре, смотрели Тадж-Махал, жара была ужасная, приехали поздно, воды взять негде и он, промучившись до полуночи, подошел к крану в номере и тупо напился воды... Дальше мы знаем. К счастью, прививка от холеры у меня была...

Уехал — не уехал

Сначала я не уехал в Чехию. Модно было уезжать, регистрировать компанию, потом переезжать, чтобы на месте жить и заниматься предпринимательством. Один мой коллега много на эту тему рассуждал. Но так как я «предпринимал» неважнецки, то и смысла не было особого. Плюс я узнал, что по-чешски «пахнэт» — это воняет, а «вонэт» — это пахнет. И понял, что не справлюсь. Кстати, тот коллега в итоге свинтил в Канаду.

Второй раз я не уехал в Штаты. Была у меня мечта открыть свой бар. Мой тогдашний босс даже деньги предлагал — 100 000 нерусских рублей. Но здесь

* Это тот Владимир, который в легкой форме болел холерой? (*англ.*)

в 1990-е были бандиты, а в Штатах были друзья, которые обещали помочь с лицензией и поисками бара. А я колебался, сомневался. У меня, видно, на фейсе это было написано. Потому, увидев в пятый раз это сомнение, мой калифорнийский приятель довольно жестко сказал: «Чувак (dude). Приезжай — сиди — работай. Не приезжай — не работай — не сиди». Типа у нас тут, в Америке, так. Я чего-то струхнул, потому как понял, что это надо круто стараться, every day, 365 days a year*. Все в России бросить — и вперед.

Потом я не уехал в Канаду по итогам кризиса 1998 года. Паника в голове, конец эпохи, некоторым близким захотелось сменить это все на кажущуюся стабильность там. Два года изучения вопроса в глубину и в ширину. Толстая папка с документами. Куча приятных уху и глазу будущих работодателей references** от моих англо-саксонских работодателей. В 2000 году состоялась, будь она неладна, поездка в отпуск в Торонто в качестве туриста. Неладна она оказалась для близкого и родного мне человека, которому там было очень хорошо. А мне там через пять дней стало грустно как-то. Но давайте по порядку.

Уже с визы все как-то не заладилось. В Москву я приехал один за турвизой на собеседование. В этот день, на мою беду, поменялся консул. Точнее, на вахту канадского посольства заступила консулиха, чтобы всем мало не показалось. В то утро я завтракал в гостинице «Россия» вместе с группой бизнесменов с Камчатки. В отличие от меня, они были в себе уверены, уже раза три гоняли (их слово) в Канаду по бизнесу и планировали, как будут снова тусить в Торонто. Спойлер — ни один из них визу не получил...

Я долго сидел в зале ожидания, наблюдая, как народ делится на тех, кому дали и кому нет. Вызывали через матюгальник. В одной из пустых кабинок загорелся свет, там возникла дама в черном и юная дева в розовом. Дама оказалась консулихой, а дева — толмачом. Короче, они обе дали мне прикурить. Даме не нравилось все: что я приехал без жены, что я еду в Канаду туристом (что вообще за дела? Канада ведь не туристическое направление!). Толмачка вносила свой вклад тем, что переводила примерно половину информации. Я завелся и попросил разрешение вести разговор на английском, потому что почувствовал, что виза уплывает из рук. Мне нехотя разрешили. И тут началось. Зачем в Канаду, что там собираюсь делать, есть ли друзья, хочу ли остаться, что будете смотреть в Торонто, сколько километров до Ниагары (а я готовился — сто двадцать километров, кстати, кто не знает)? И тут сразу вопрос на засыпку: «Ваша жена беременна?»

Я в ступоре. Последовала пауза, а за ней вопрос: «А что, если я вам не дам визу?» На что я пафосно заявил, что вложу свой заработанный потом и кровью трюльник в экономику Европы. Например, в Мальту, которую конкретно люблю, ибо был там четыре раза и в пятый раз побывать буду не прочь. Возникла вторая пауза, подольше, и развязка: «У меня нет никаких оснований не дать вам визу. Приходите в 15:00 за паспортом». Потом помолчала и спросила дату вылета. Кстати, дело было 24 июля 2000 года, а вылет планировался 8 августа.

Я не придавал вопросу большого значения и пошел такой радостный гулять по солнечной Москве и пить пиво. А когда пришел получать визу, понял — зря не придавал. В паспорте стояла новенькая канадская виза и срок ее действия — с 24.07.2000 по 08.08.2000. То есть день моего вылета оказался последним днем действия въездной визы. Если рейс опоздает с прилетом или задержится в Москве, то все — начинай сначала. Дама оказалась мстительной русофобкой, за что и схлопотала титул «консулиха».

Собственно, про Канаду. Приехали, поселились в отеле в даунтауне Торонто. Походили пару дней по городу. Потом позвонили знакомой кемеровчанке, которая пару лет как переехала. Пригласили ее в ресторанчик. Послушали, как там все не просто. Например, как ее сын мыкается в канадской школе. Мол, не учится, а так

* *Every day, 365 days a year* — каждый день, 365 дней в году (англ.).

** *References* — рекомендации (англ.).

себе. Еще узнали пару нелюбезных фактов про местную русскую диаспору. Сама бывшая кемеровчанка, как и я, выпускница факультета романо-германской филологии, здесь переучилась и стала бухгалтером. А через двадцать лет я узнал, что она окончила еще местный университет и теперь CPA (certified public accountant — дипломированный частнопрактикующий бухгалтер). Я начал сомневаться в своей готовности сидеть за партой еще года четыре, чтобы вписаться в канадские реалии.

Затем мы поехали в гости в Оттаву навестить кемеровскую диаспору. У нас был к ним огромный список вопросов про местную жизнь. На встречу с нами приехала масса людей с кемеровскими корнями, даже пара из Монреаля. В итоге в течение суток бесконечного трепа и выпивки куча вопросов была задана нам про то, как там в Кемерове, и ни одного с нашей стороны. Мы не смогли и слова вставить. Я понял, что это как-то неправильно. По возвращении в Торонто вроде бы ничего не поменялось. Все здорово. Удобно. Мы ходили, бродили, изучали. Наслаждались хорошей едой. Транспорт общественный — нам бы такой. Но мне стало грустно, и я заскучал.

Были на Ниагаре. Жене Нине понравился белый одноуровневый домик. Сказала, что хочет жить в таком. А я заметил, что стал чересчур judgemental*. Вот мы зашли в банк поменять валюту, а там очередь. Стоим. Кассир, смуглая девушка, всем улыбается, но двигается неуверенно, все роняет. Впереди стоит местный торонтониан, типичный англосакс, и бормочет «fuck, fuck». Визуально он расслабленный, а меня колбасит. И я подумал: вот не научусь вести себя так — и меня будет колбасить от этого и еще много от чего или кого.

Мы вернулись, я закончил собирать свою папку и решил поступить рационально — отнести папку в агентство, которое занималось Канадой, и будь что будет. Девочка Аня, знакомая по факультету РГФ, изучив мои бумаги, сказала — не пойдет, Сергей. Надо менять биографию. Выбросить мою трудовую и завести новую. Пояснила, что поскольку я еду «паровозом», то есть главным заявителем, то как у профессионального переводчика у меня будут проблемы. Ведь большую часть своей трудовой жизни я был кем угодно — учителем, инженером, специалистом по внешним связям, консультантом по малому бизнесу, матросом-переводчиком, только не переводчиком в чистом виде. И, несмотря на тучу рекомендательных писем, где было указано, что лучше толмача, чем я, не найти, мне было сказано: «Не пойдет».

Я спросил, не кажется ли ей, что менять идентичность, менять трудовую на филькину грамоту, и выступать, что называется, under false pretences** — федеральное преступление. Ответа не последовало, и я понял, что сильно не хочу туда, где меня никто не ждет. К тому же там каждый эмигрант мнит себя переводчиком. Вот где конкуренция! Папку из агентства забрал домой в тот же день. Две недели со мной дома не разговаривали и полгода припоминали. До сих пор папочка в шкафу лежит...

Сейчас у меня сын старшой в Штатах живет с дочками, которых я в России так и не видел. Еще не привык к мысли, что у меня родственники за границей... Сын зовет в гости. Правда, теперь туда не попасть, как раньше, даже туристом и даже с родственниками за границей...

---

* *Judgemental* — субъективный (англ.).

** *Under false pretences* — под фальшивым предлогом (англ.).

Кристиан БЭД

ПОРТАЛЫ В ЛИТЕРАТУРУ, ИЛИ КУДА П(Р)ОДАТЬСЯ АВТОРУ

Книга живая, но электронная

По данным Всероссийского книжного рейтинга, в первом полугодии 2022 года впервые за долгое время бумажные книги обошли по продажам электронные. К сожалению, это было связано не с ростом популярности бумажных книг, а с резким повышением цен на бумагу и краски. Кроме того, ряд электронных сервисов отказался от работы с российскими платежными системами из-за санкций. Поэтому проигрыш «электронки» временный.

Электронные книги завоевывают все более сильные позиции на книжном рынке, и это еще без учета продаж на условно «самиздатовских» площадках, где книги выкладывают сами авторы. Авторы не только предлагают читателям готовые книги, но и продают их поглавно, почти в режиме реального времени, когда свежий кусок текста выкладывается в Сеть сразу после написания. Такова сетевая «мода». Сложилась она самостийно, авторы на литературных площадках в основном российские или русскоязычные — не только из стран бывшего СССР, но и со всего мира. Читают и покупают книги такие же русскоязычные читатели.

Всероссийский книжный рейтинг не учитывает массу отечественных авторов, отрезанных от «большой литературы». Он составляется на основе данных интернет-магазина Ozon, сервиса электронных и аудиокниг «ЛитРес», книжного сервиса по подписке MyBook и объединенной розничной сети «Читай-город — Буквоед». Потому в лидерах продаж остаются зарубежные издания. На каждые десять проданных книг российских авторов приходится сорок книг зарубежных.

Зато российские авторы царят на вышеупомянутых литературных порталах вроде Author.Today, «Литнета», «Литмаркета» или «ПродаМана». Это площадки, где автор может продавать свои книги. Еще есть бесплатные площадки, где можно найти читателей, — «Фикбук», «Проза.ру», «Самиздат» и иже с ними.

Как преданный «житель» сайта Author.Today (далее АТ. — К. Б.), я наблюдаю, как сюда переходят «бумажные» авторы сюжетной литературы. Успешно осваивают АТ такие «киты», как Сергей Лукьяненко и писательский дуэт Олди (Евгений Лукин и Святослав Логинов), Ник Перумов и Алексей Пехов.

Почему российский авторам сюжетной прозы приходится становиться издателями самим себе? Зачем им искать читательскую аудиторию, выбирать подходящую сетевую площадку и заниматься саморекламой? Я не могу делать абсолютных выводов, но могу поделиться опытом выживания в Сети. Возможно, это даст ответы на какие-то ваши вопросы.

Как это было

Когда в далеком 2003 году у меня созрел замысел романа в жанре космооперы, я сразу понял, что идти мне с ним некуда. Серьезные писатели, состоящие в региональных отделениях Союза писателей России (СПР), фантастику за литературу не считают. Тогда как для сюжетной литературы в духе «Звездных войн» (такой роман еще можно попытаться пристроить в издательство) мой роман слишком «тяжел». Кроме космического антуража, там имелась масса философии, мистики, эзотерики, да и сюжетное построение вышло сложнее, чем принято.

Главный герой — не условный «космодесантник» из далекого будущего в духе очень уважаемого мною Хайнлайна, но *sapiens sapiens*, мозг и психика которого давно изменились. Корабли не были похожи на корабли из «Звездных войн», и «стрелялки» пиу-пиу в космосе тоже не было... В общем, сплошной провал.

Когда роман «Дурак космического масштаба» был написан, я разослал его по издательствам, и мне ответили вполне ожидаемо: «Неформат». Поясню, что «неформат» — это текст, не подходящий аудитории, которая сформировалась вокруг издательских серий. Кто будет открывать новую серию под никому не известного автора — ноунейма? Вот издательства и не рвались заниматься продвижением нераскрученных новичков. Они «разбирали» остатки авторов, которые сумели пробиться сами. А дальше переключались на переводную литературу. Продажи бумажных книг сокращались, но и риск убытков тоже.

Пришлось нам с романом выживать в Сети самостоятельно. Писал я свою первую космооперу прямо на сайте «Проза.ру». День-два-три — пишешь очередную главу, заливаешь на сайт и с удивлением видишь, что книгу читают. В Сети подрастал новый пласт читателей — тех, кто читает *продами* — кусками свеженарисованного текста. Прода — знаковое слово для сетевой литературы. Прода — это сокращение от слова «продолжение».

Ну нравится людям утром за завтраком или во время поездки на работу зайти на страницу любимого автора и прочитать очередной кусочек «с пылу с жару». Впрочем, это всегда нравилось людям. Романы-фельетоны печатали как в бульварных, так и солидных газетах позапрошлого века, обрывая повествование на самом интересном месте. Так человек устроен — он хочет получать самое свежее, самое горячее и в литературе. За это он согласен терпеть непростую борьбу торопливых авторов с опечатками, орфографией и пунктуацией.

Как это стало

На «Прозе.ру» у меня появились преданные читатели, живые развернутые комментарии, а не просто «автор, где прода?». А дальше мой путь лежал на «Самиздат» Мошкова, а следом на Author.Today, поразивший удобством выкладки «по главам».

Сейчас солидная аудитория литературных сайтов любит читать роман по главам, желательно по главе каждый день. Поэтому успешный самиздатовский автор пишет быстро, много, плюс учитывает меняющиеся интересы аудитории. В моду постоянно входят новые сюжеты, темы, поджанры. И за всем этим нужно успевать.

С другой стороны, писать и размещать в Сети можно все что угодно. У любого текста есть свои читатели. Важно найти их и собрать на своей странице. Но чтобы заработать на сочинении сюжетной литературы, нужно успевать писать, учитывать тренды, а также учиться писать динамично и увлекательно, со всеми новомодными крючками и клиффхэнгерами. Это когда повествование обрывается на самом интересном месте, а продолжение только завтра.

Сколько зарабатывают сетевые авторы? По моим наблюдениям, Сеть может давать больше средней зарплаты в регионе. Все инструменты для этого отработаны. Литературные площадки предлагают авторам вполне адекватные договоры, оформить самозанятость, чтобы оптимизировать налоги, тоже несложно.

У меня есть друзья, которые живут писательством. Только чтобы хорошо зарабатывать — и здесь нужно вкалывать: работать без больничных и выходных, следить за читательскими интересами, писать то, что хочет читатель, а не что хочется тебе.

Мои проблемы заключались в том, что я хочу писать сложную философскую фантастику, с которой сейчас не берут «ни в умные, ни в красивые». То есть ни на полки книжных магазинов, ни в топы по продажам на сайтах. К счастью, у серьезной фантастики на литературных площадках есть свой преданный умный читатель. Однако «жить с пера» у меня бы получилось, только если бы я начал «творить» в популярных жанрах.

В Сети я долгие девятнадцать лет. За это время было написано много хороших текстов, часть из них попала и на бумагу, а электронные книги стали серьезно теснить печатные. Теперь все больше авторов приходят в Сеть с новыми интересными проектами, надеюсь, за ними будет подтягиваться и серьезный читатель. Тот, что еще бродит по книжным магазинам в поисках новых идей и тенденций. Не бродите — самое горячее сейчас в Сети. Будущее за электронными книгами и литературными площадками.

За площадками — потому что издательства упустили российских авторов жанровой литературы. Они не захотели возиться с новыми жанрами и отслеживать последние тенденции. Вследствие чего авторам пришлось осваивать Сеть. Теперь авторам удобнее заключать договор с интернет-площадкой, минуя посредника в виде издательств.

Конечно, печатная книга не исчезнет, не будет совсем вытеснена электронной. Любители «настоящей целлюлозы» останутся, как остаются те, кто любит посещать театр в век кинематографа и ходить в гости в век соцсетей.

Электронные книги объективно занимают в нашей жизни все больше места. Иметь большую библиотеку накладно, а вот библиотеку в компьютере объемом 33 гигабайта, как у меня, может себе позволить каждый, у кого есть компьютер. Нет компьютера — читаешь книгу через смартфон в приложении или на сайте. И авторы давно пишут тексты в компьютере.

Почему это интересно

С некоторых пор момент издания на бумаге стал ненужным шагом. Нет ничего проще, чем превратить электронный текст в электронную книгу и залить в Сеть. Вычитка? Редактура? Об этом тоже можно договориться в Сети.

Издательство становится ненужным препятствием. Даже если сетевым авторам «бумажные» издательства предлагают напечатать тираж, а такое происходит все чаще, они не рассчитывают его продвигать и рекламировать. Предполагается, что автор будет самостоятельно писать блоги в социальных сетях, давать ссылки и «продавать самого себя». Таков мир.

Читатели тоже приспособились. Сначала им было непривычно покупать электронные книги прямо у автора, но они привыкли и оценили свои «плюсы». С автором на сайте можно поговорить, указать на опечатку, получить от него подарок — чибика. Это такой стилизованный рисунок.

Рожденному в эпоху традиционных бумажных изданий автору пока хочется подержать в руках свою книгу, напечатанную издательством. Но это поколение авторов скоро сменится. Или еще раньше сменится политика издательств, игнорирующая тысячи отечественных сетевых авторов.

Побольше площадок хороших и разных!

Так зачем литплощадки авторам? Во-первых, большинство авторов мечтает донести до читателей сокровенное — мысли, идеи, необычные сюжеты. Во-вторых, кому-то просто нужны деньги, а заработать жанровой прозой сейчас можно.

Авторов действительно можно поздравить — литературных площадок много, и они разные. Теперь автору, которого еще никто не знает, есть где выложить книги. И найти не просто читателя, но и покупателя. Может быть, это будет незначительная сумма, но это продуктивнее, чем обивать пороги издательств. Для этого достаточно зарегистрироваться на сайтах вроде «ЛитРес: Самиздат», Author.Today, «Литнет», «Литмаркет», «ПродаМан», «ЛитГород», «Букривер», BIBLIO и многих других.

Где-то коммерческий статус — возможность продавать свои книги — вы получите сразу, где-то придется доказывать администрации сайта, что вас читают и согласны вашу книгу купить. Как это сделать? На вышеперечисленных сайтах есть личные кабинеты, где можно посмотреть, сколько часов читали каждый конкретный текст, сколько читателей добавили книгу в библиотеку, а значит, собираются вернуться к ней снова.

«ЛитРес». Самый масштабный из сайтов, где может разместить свои книги «автор с улицы», — «ЛитРес: Самиздат». Здесь достаточно зарегистрироваться, прислать фото с паспортом (это нужно для заключения договора с сайтом), разместить книгу в соответствии с правилами и, как только она пройдет модерацию, начинать продавать. Причем цену вы тоже ставите самостоятельно.

Хотя относительно жанров «ЛитРес» всеяден, он — единственная из площадок, где можно попробовать разместить «интеллектуальную прозу». Самый большой минус «ЛитРеса» — жадность. Автор получает 25 % с каждой продажи, если планирует размещать книгу на других сайтах, и 35 % — если она лежит исключительно на «ЛитРесе». Чтобы получить 70 %, обычные для других литературных площадок, нужно иметь 200 подписчиков и продать 200 книг за последние 90 дней. Неизвестному автору это сделать крайне непросто.

Еще одна проблема «ЛитРеса» — мутная система начисления роялти — так называется авторский гонорар. На сайте много акций, скидок, партнерских программ. Ваша книга будет участвовать в них без вашего одобрения. А гонорар в результате этих манипуляций превратится в мизерный. Важно учесть нюансы. На каждой из перечисленных площадок есть своя читательская аудитория. Если размещать книги, учитывая эту специфику, можно добиться хороших продаж и на «ЛитРесе». Он «любит» не художественную литературу, а нонфикшн. Это чтобы опытом поделились — как приготовить ужин, как написать книгу, как похудеть на 10 кг за 10 дней или как продвинуть свою книгу на сайте Author.Today.

Поскольку я знаю эту литературную площадку лучше «Литнета», хотя они обе — вполне достойные конкуренты «ЛитРесу», о ней и поговорим.

Author.Today — самая лояльная к неформату площадка, потому меня сюда и занесло. Хотя книги выставлены и на других сайтах, это мой основной творческий ресурс.

Специфика АТ — «мужская» сюжетная проза. Здесь любят читать романы в жанрах боевой фантастики и фэнтези, альтернативной истории, ЛитРПГ, РеалРПГ, боярь-аниме (произведения на стыке жанров боевых искусств, научной фантастики и магического фэнтези) и про попаданцев всех мастей. Это когда герой вдруг попадает в чужое тело или в альтернативную реальность. Большую часть этих жанров (вернее, поджанров) породила Сеть, не все литераторы слышали вышеперечисленные названия, но у читателей это пользуется спросом.

Особенности разных площадок

Есть площадки, заточенные под «женские» жанры — современный любовный роман, любовное, эротическое и юмористическое фэнтези. Это, например, «Литнет» и «Литмаркет». Таким образом, ведущие литературные площадки «гендерно самоопределились», выбрав «мужские» или «женские» жанры.

Между собой авторы величают женские любовные романы *лыром*. Впрочем, сегодня и «мужскую», то есть боевую фантастику и фэнтези, тоже стали называть *лыром*, только мужским.

Недавно коллега спросил меня: «Не устали ли читательницы от женских романов, не хочется ли им чего-то другого?» Нет, не устали. *Лыр* — фантастический любовный роман, современный любовный роман, юмористический любовный роман, эротический и далее по списку — не просто литература. Это литература, удовлетворяющая основные инстинкты читательниц.

Чего хочет женщина? Появления принца. Ее программа самореализации, защита глубоко в подсознании, — встретить мужчину, который будет для этой женщины самым-самым. И чтобы он обязательно выбрал ее. И чтобы она его перевоспитала так, как ей надо. И чтобы все ей потом завидовали... А поскольку человек не меняется, *лыры* не могут надоест читательницам.

Меняется только мода на героя. Одно время, благодаря Стефани Майер и ее «Сумеркам», в моде был мужчина-вампир. Потом его сменил мужчина-дракон. А сейчас авторы любовного романа жалуются, что многовато стало «принцев Севера». Кстати, женские имена на обложках любовных романов на поверку часто оказываются мужскими, а авторов брутальнейшей мужской «стрелялки» — женскими. Главное — понимать тему.

Так же, как и на «Литнете», на АТ «мужская» сюжетная литература служит реализации иерархического инстинкта. Герой хоть ЛитРПГ, хоть боярь-аниме должен самореализоваться и стать самым крутым в новом мире. Отсюда мода на попаданцев. Попаданец не может найти место там, где родился. И для самореализации попадает в прошлое, будущее, магический мир. Куда угодно, главное — стать востребованным.

Герой известного цикла «Унесенные ветром» Николая Метельского (сейчас пишется тринадцатая книга) Максим Рудов, ведьмак-разрушитель (не знаю, кто это, но суперкрутой и взрослый персонаж), попадает в тело восьмилетнего мальчика в альтернативной реальности, где есть боевая магия. Задача — найти себя заново.

Или взять героев в жанре альтернативной истории. Роман Рафаэля Дамирова так и называется — «Курсант: назад в СССР». Бывалый опер погибает, а его сознание переносится в далекий 1978 год, в тело советского старшеклассника. Задача — прожить жизнь заново, обладая уже взрослым опытом, навыками, памятью.

Силовик в теле подростка из прошлого или попаданец, делающий карьеру в милиции, — тема модная. О таких попаданцах часто пишут авторы, служившие в силовых структурах. На АТ это и Иван Шаман, и Николай Живцов (Базилио), и Вадим Агарев.

Есть большая когорта попаданцев-геймеров, попаданцев-врачей (мне запомнился «Зауряд-врач» Анатолия Дроздова) и, конечно, попаданцев в себя самих. Ведь каждому хочется исправить свою собственную жизнь, не всё же «СССР спасать»?

Среди романов про попаданцев «в себя» больше всего мне запомнились «Заметки на полях» Василия Криптонова. Это не только книга про попаданцев, но и просто хорошая книга. И в Сети встречаются яркие книги, способные поднимать философские проблемы, о которых и говорить-то начнут, может быть, лет через двадцать. Бумажная книга суеты не любит, а Сеть примет все.

Нюансы поведения и возможностей

Прежде всего запомните магическое выражение «читательская аудитория». На каждом из перечисленных сайтов она своя. Не факт, что тот, кто выбился в популярные авторы на «ЛитРесе», сумеет собрать читателей на «Литнете» или АТ. Поэтому авторы выкладывают свои романы очень хорошо подумав и иногда заводят два-три псевдонима. Под одним псевдонимом пишут на «Литнете» любовные романы, под другим — «стрелялки» на АТ. Конечно, женский любовный роман или роман в жанре альтернативной истории можно выложить и на «ЛитРесе», читать их будут. Но «Литнет» и АТ дают авторам заработать на «хотелках» читателей.

Сеть очень живо отражает процессы реальной жизни, а за последние год-два многое изменилось. Современный читатель не требует, чтобы над книгой корпели редакторы и корректоры. Он хочет занимательного сюжета, героев, которые не боятся решать поставленные перед ними задачи.

На литературные площадки тоже повлияли санкции — раньше читатели из-за рубежа могли без труда купить книгу на любом русскоязычном сайте, сейчас есть трудности с оплатой. «Литнет» непосредственно пострадал от объявления СВО. Ему пришлось сменить хозяина, поскольку авторы не хотели размещать книги на сайте, владелец которого перечислял деньги для украинской армии.

Вот так, пока официальная писательская среда размышляла о патриотизме, презируемые ею сетевые авторы принимали непростые решения. «Литнет» покинуло множество патриотически настроенных авторов. Часть из них ушла на «Литмаркет», АТ и другие площадки, а часть организовала свою — «Литгород». Вы все еще не уважаете электронные книги и сайты, где их можно купить?

Итак, АТ — раздолье для мужских жанров. Резких, динамичных и странноватых. Начать продавать книги на АТ не так-то просто. Зато несложно разместить что-то бесплатно и посмотреть — будут ли книгу читать, появятся ли донаты. Донаты — это материальная поддержка читателями полюбившейся книги. На АТ вы можете указать свой электронный кошелек либо подключить «наградки» — функционал самого сайта. Благодаря ему читателю не нужно переходить на сторонний ресурс, чтобы подарить автору сумму по своему усмотрению. Рядом с книгой появится значок «наградить», а в личном кабинете автора отразится сумма пожертвования минус 10 % (такова комиссия сайта).

Вывести эти деньги автору АТ можно без комиссии на сумму от 100 рублей, хотя на большинстве сайтов минимальный вывод начинается от тысячи. Попробуй эту тысячу накопи... Кроме того, на АТ много доброжелательных читателей, можно вести блог, участвовать в конкурсах. Преимущество конкурсов АТ в том, что литплощадка поддерживает жанры, пока не очень востребованные у читателей. Например, был объявлен конкурс детектива и любовного романа.

Еще на АТ можно написать рецензию на любой роман, и она «прикрепляется» к нему. Рядом появится иконка — перышко, показывающая, сколько у романа рецензий. А еще на АТ вы можете сами организовать конкурс, и ваша фантазия ничем не ограничена.

Как и где писать, чтобы продавать

Итак, вы зарегистрировались или вошли через соцсеть на литературную площадку, начали обживаться. Выложили рассказ. Получили первые отклики. Что дальше? Если у вас есть романы, можно попробовать получить статус коммерческого автора. На рассказах это не выйдет. Покупают рассказы плохо.

Коммерческий статус на АТ можно получить двумя путями:

1. Автоматически, если у вас есть коммерческий статус на другом ресурсе или минимум две изданные в серьезных издательствах («Эксмо», «Армада», АСТ и другие) книги.

2. На общих основаниях, выполнив стандартные требования: от 30 часов чтения в день и от 300 просмотров в день.

Эти показатели должны держаться не меньше двух недель. То есть две недели вашу книгу должны ежедневно читать по 30 часов не менее 300 читателей. Трудно написать роман, который каждый день будут читать по 30 часов? А вы попробуйте. Не боги горшки обжигают.

Это не все, но лишь минимальные условия. Каждая заявка рассматривается администрацией в индивидуальном порядке. Кстати, не все «бумажные» авторы сумели покорить АТ. Интернет-читатели все-таки другие. Многие из них даже не знают, кто такой Перумов или Лукьяненко.

Пишущие под псевдонимом Генри Лайон Олди Дмитрий Громов и Олег Ладыженский с этой задачей справились. Вошли тихо, дверями не хлопали. А то заходили некоторые «бумажные» на АТ, убеждались, что репутацию здесь надо подтверждать, а то и копить заново, и уходили, чтобы... прийти снова.

Свою страницу на АТ открывал и закрывал Ник Перумов. Почитал местных топовых авторов, рассердился и ушел в закат. Даже слушать про возвращение не хотел (переписку на эту тему интернет сохранил), но потом взял и... вернулся.

Сергей Лукьяненко года три назад заходил интересно. Решил провести эксперимент: может ли хороший писатель инкогнито, без раскрутки, рекламы, пиара от мэтров, друзей добиться читательского интереса. По примеру успешных сетевых авторов АТ он начал писать роман прямо на сайте. Взял себе псевдоним Мастер Романов. Писал месяца два, не особо стараясь. Его немного читали, но по меркам АТ получилось не выше среднего. Это не результат, когда роман за первый месяц набирает пару сотен библиотек. Тем более что Сергей все же хитрил — стучался к коллегам, просил почитать творение «начинающего», дать отзыв. И Олди даже откликнулись. Они вообще отзывчивые.

Для меня такой старт был бы провалом, но Сергея Лукьяненко это не огорчило. Наоборот, он решил, что может «раскрутиться» с нуля. Только скучно ему стало долго писать инкогнито. Мол, роман получается интересным, издательство возьмет. Роман «Маги без времени» действительно вышел на бумаге, а потом появился на АТ. Теперь, когда там стоит имя Сергея Лукьяненко, читатели АТ его хвалят... А мы так и не узнали — может ли действительно хороший писатель пробиться с нуля, если не будет учитывать хитрого норва сетевой аудитории.

Таким образом, норов у площадки АТ есть. Здесь нужно работать, учитывать любимые темы читателей, особенности поведения героев, жанры... Но вернемся к коммерческому статусу, которого Лукьяненко за его эксперимент не дали бы, и книгу «Маги без времени» прочли бы два десятка ценителей хорошего слога. Только после получения коммерческого статуса на АТ (точно так же на «Литнете») автор может начать продавать свои произведения: как завершённые, так и черновики по подписке.

А вот «Литмаркет» всем разрешает ставить на книгу свою цену — заходи, пиши, зарабатывай. И не он один.

О реальных заработках

Самое сакральное — сколько можно заработать продажей книг? Мне рассказывали про миллионы, которые якобы получают топовые авторы перечисленных сайтов. Конечно, у каждой площадки есть свой Топ-100. В топ сайта попадают книги, у которых больше всего покупок и часов чтения. Давайте посчитаем. Откроем какую-нибудь книгу с первой страницы АТ.

Вот, например, книга Икс (названия раскрывать не буду). У нее 10 600 библиотек (столько читателей добавили ее в библиотеку), читают ее в среднем по тысяче часов в день. Цена книги 149 рублей. Это эксклюзив, т. е. автор получает 85 % от этой суммы.

Допустим, книгу купили 10 % от тех, кто положил ее в библиотеку. Пусть это будет тысяча читателей. За одну книгу автор получает 126 рублей 65 копеек (это его 85 %). Умножаем 126,65 на тысячу, получаем 126 тысяч 650 рублей. Это за одну книгу. А книг на странице автора тринадцать...

Может ли автор литературной площадки прожить «с пера»? Если заниматься текстом как основной работой, книга пишется два-три месяца. Кроме того, понадобится писать каждый день по главе страниц на пять, учитывать интересы читателей и не знать выходных. Проду от вас будут требовать каждый день. Если вы продали «подписку» на книгу, которая еще пишется, то вы в рабстве у читателей, пока не поставите конечную точку. Ведь они заранее заплатили за финал.

Таким образом, сетевая литература предлагает вариант, где автор уже не совсем подневольный и не бедный как церковная мышь. Ему есть на что жить и развиваться. Пока есть надежды на развитие, хоронить литературу рано. Ведь если существует литературная среда, в ней после «мелочи» заведется и крупная «рыба».

Засим я прощаюсь и отправляюсь дописывать роман. «Графомания!» — воскликнете вы. Как можно писать какую-то фантастику? Писатель должен идти по стопам Толстого и Достоевского! Может, и так. Но читатели мне часто пишут, что их мир изменился именно после прочтения «этих глупых космических боевиков про далекое-далекое будущее».

Всех обнимаю. До скорого свидания. Встретимся на страницах книг.

Александр ЕВСЮКОВ

**РОМАНИСТ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА**

К 95-летию Дмитрия Балашова

Дмитрий Михайлович Балашов (настоящее имя Эдвард Михайлович Гипси) известен как автор исторических романов, прежде всего масштабного цикла «Государи Московские», охватившего без малого два века — со второй половины XIII по начало XV века. Символично, что будущий писатель родился в Ленинграде 7 ноября 1927 года — на 10-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, которую до этого чаще именовали Октябрьским переворотом. Спустя семьдесят с небольшим лет, 17 июля 2000 года, Балашов был убит в собственном доме в новгородской деревне Козынево. Эта печальная дата символична уже тройне: на нее приходится День памяти императорской семьи, День международного уголовного правосудия и День этнографа.

Введение

В данном кратком обзоре напомним об основных художественных произведениях автора. Роман «Младший сын» рассказывает о напряженном соперничестве и борьбе за власть сыновей Александра Невского — Дмитрия и Андрея. В романе «Великий стол» раскрывается суть противоборства Москвы и Твери в начале XIV века. Книга «Бремя власти» повествует о княжении Ивана Калиты, а «Симеон Гордый» — о периоде правления его старшего сына Симеона. Роман «Ветер времени» посвящен двум интересным историческим фигурам — митрополиту Алексею и князю Московскому, Владимирскому и Новгородскому Ивану Ивановичу Красному. В «Отречении» показана борьба молодого московского князя Дмитрия Ивановича (тогда еще не Донского) и тверского князя Михаила Александровича. Трехтомник «Святая Русь» (меньший цикл внутри большого) повествует об отношениях Руси с Ордой и Куликовской битве, интригах Великого Княжества Литовского и противостоянии православия и католичества. Последний законченный роман Балашова «Воля и власть» посвящен периоду княжения великого князя Московского и Владимирского Василия I в первые десятилетия XV века. Оставшийся незавершенным из-за трагической гибели «Юрий» показывает междоусобную войну в Московской Руси, одним из главных участников которой был третий сын Дмитрия Донского — Юрий Дмитриевич. Книжки этого цикла публиковались с 1975 по 2003 год.

Из ближайших предшественников Дмитрия Балашова вспоминаются Морис Дрюон и его знаменитые «Проклятые короли», Валентин Иванов с трилогией об

изначальной Руси и отчасти Иван Ефремов, в конце жизни начавший работу над романом о древнерусской истории. Параллельно с Балашовым с конца 1970-х годов и до начала нового века творил многогранный французский автор Робер Мерль. Его объемный и до сих пор не переведенный на русский язык цикл «Fortune de France» посвящен переломным событиям французской истории с середины XVI по середину XVII века.

Вне «московского» цикла Балашов также опубликовал романы: «Бальтазар Косса» (2002) — о самозваном римском папе Иоанне XXIII (он же пизанский антипапа, 1410—1415), одной из самых одиозных личностей на папском престоле, «Марфа-посадница» (1972) и «Похвала Сергию» (1991), посвященный житию преподобного Сергия Радонежского.

Начало творческого пути

Первым опубликованным художественным произведением Балашова стала повесть «Господин Великий Новгород» (журнал «Молодая гвардия», 1967, отдельной книгой — в 1970 году) о Раковорской битве 1268 года. Рецензенты сразу заметили в повести элементы стилизации в духе русской народной баллады. Именно эта повесть обозначила появление «новгородского текста» в рамках русской исторической прозы.

И это неслучайно. Балашов пришел в писатели зрелым человеком из рядов ученых-филологов. Он был русистом, фольклористом, историком и общественным деятелем. С 1961 по 1968 год работал в Институте литературы, языка и истории Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске. В 1967—1971 годах учился в аспирантуре Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Балашов предпринял несколько продолжительных экспедиций на Север в 1958—1964 годах, из которых не менее пяти только на Терский берег Белого моря. По их итогам было издано несколько научных сборников и методических пособий. Ряд из них посвящен методике сбора фольклора: «Как собирать фольклор» (1971), «О родовой и видовой систематизации фольклора» (1977), «От полевой записки к изданию» (1985). Другие работы рассказывают о сказках, былинах и свадебных песнях: «Сказки Терского берега Белого моря» (1969), «Русские свадебные песни Терского берега» (1969), «Из истории русского былинного эпоса (“Потык” и “Микула Селянинович”))» (1975), «Русская свадьба» (1985, в соавторстве с Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыковой).

Охотнее всего молодой ученый обращается к старинным русским балладам: «Из истории русской баллады (“Молодец и королева”, “Худая жена — жена верная”))» (1961), «Постановка вопроса о русской и западной фольклористике» (1962), «Баллада о гибели оклеветанной жены» (1963), «Русская народная баллада» (1963) и во многом итоговая «История развития жанра русской баллады» (1966). Только по названиям и интенсивности научного интереса можно сопоставить увлеченность Балашова русской балладой в 1950—60-х годах с его же погруженностью в историческую тематику «Государей Московских» в 1970—90-х. Именно переосмысление баллады представляло главный научный интерес Дмитрия Балашова.

О русской балладе

Русская народная баллада, особенно на фоне англо-шотландских и южнославянских произведений в этом жанре, начала исследоваться сравнительно недавно. Первый опыт свода старинных русских баллад предпринял А. И. Соболевский в первом томе песенного собрания «Великорусские народные песни» (1895). При этом он использовал термин «низшие эпические песни». Прежде всего были

собраны семейно-бытовые и частично — социально-бытовые баллады. Наглядных примеров исторических баллад приведено не было. Вторым подобным опытом после сорокалетнего перерыва стал сборник «Русская баллада» под редакцией В. И. Чернышева (1936). Однако вследствие размытости жанрового определения туда попало немало лирических и хороводных песен.

Вероятно, поэтому Балашов в своей «Истории развития жанра русской баллады» выделяет основные общепозитивские черты баллады: динамичность, драматизм, обобщенный психологизм, повышенную эмоциональность образов, внимание к «маленькому человеку», ощущение одиночества личности во враждебном социальном окружении и напряженную «духовность» героя. Действие баллады предельно лаконично и заключено в одном конфликте. Также он разделяет баллады на «старинные» народные эпические песни XIV—XVII веков и более современные повествовательные песни полулитературного характера XIX и начала XX века.

Сам жанр старинной баллады возник позже былинного эпоса, в борьбе с ним. На Руси это произошло в конце XIII — начале XIV века во время монголо-татарского нашествия. В балладе рассказ ведется от автора, в тоне объективного и последовательного повествования, без авторских вмешательств в сюжет. Эта тональность объективнее, чем в эпосе, где почти всегда есть «наш» герой и его «плохие» противники. Мироощущение эпоса более оптимистично, ведь за героем — вся страна. Баллада трагичнее, конфликты в ней часто оказываются неразрешимыми. Но именно герои баллад — не наделенные «сверхспособностями» обычные люди — оказываются способными одерживать моральные победы не только в поражении, но и в смерти. Гибель без телесного воскресения и духовная победа ярко показаны в балладах «Князь Роман и Марья Юрьевна», «Чудесное обращение девушки в церковь» и других.

Характеры персонажей баллад проявляются в действии и прямой речи без развернутых описаний. Например, рассказ начинается с действия:

А князь Роман жену терял,
Жену терял, он тело терзал,
Тело терзал, во реку бросал,
Во ту ли реку, во Смородину.

И ведется с минимумом объяснений. Здесь нет описаний пиров, сборов в дорожку, седлания коня, внешности персонажей и прочего. Этим баллады близки к сценическому действию — драме. Поэтому точная деталь играет особенно ярко. Вот, например, маленькое семейство, затерянное в лесной тьме:

Нарубили дров малешенько,
Распустили дым тонешенько.
(«Братья-разбойники и сестра»)

При этом все чудесное, загадочное, «вещее» выражается не лаконично. Напротив, на этих моментах внимание всегда заострено. Описания явлений такого рода наиболее подробны. Аллегория — один из краеугольных камней балладной поэтики.

Для старинной баллады очень важен закон сохранения художественной формы: особенностью жанра являются «повторения с нарастанием» (как правило, трехкратные), каждое из которых выводит действие на новую ступень, усиливает напряжение и стремительность повествования. Новая подробность, новый ответ на тот же вопрос все ближе подводят к раскрытию конфликта.

Драматические ситуации в балладах гораздо устойчивее образов героев. Герои мимикрируют в соответствии с запросами времени. Например, изначальный

князь Роман (об историческом прототипе этой фигуры ничего не известно, а титул ему придали для большей значимости) в более поздних вариантах превращается в крестьянина. А Король-королевич становится простым казаком.

В наше время сходные процессы происходили с «мыльными операми» — сначала для поддержания интереса российских зрителей хватало самой простой обстановки и того, что действие происходит в другом полушарии. Достаточно вспомнить сериалы «Богатые тоже плачут», «Просто Мария» и ставшую нарицательной «Санта-Барбару». Позже им на смену пришли такие успешные проекты, как «Великолепный век», «Игра престолов», «Иеллоустоун». Постановки стали более богатыми и сегментированными, предназначенными для разных категорий зрителей.

Вероятно, суперпопулярными во времена Руси были семейно-бытовые баллады. Многие из них рассказывали о розни — нередко смертельной — родных сестер и братьев. Дело в том, что в случае смерти родителей именно брат (или братья) оказывался для сестры одновременно и конкурентом за наследство, и арбитром с правами собственника. За «бесчестие» брат мог не только лишить сестру всего имущества, но и казнить ее. Такие ситуации не были редкостью. Казнь сестры за «бесчестие» описана в балладах «Алеша и сестра Петровичей», «Иван Дудорович и Софья Волховична» (там происходит казнь обоих возлюбленных), «Федор Кольщатый».

Нередко в балладах упоминаются отравления мужей или родственников женщинами, для которых это был едва ли не единственный доступный способ борьбы за свою жизнь и свои чувства. Показателен образ свекрови-губительницы в «Рябинке», «Оклеветанной жене» и др. Схожий конфликт наблюдается, когда мачеха заставляет падчерицу «стелить гостям постель», т. е. провести с ними ночь, и той приходится их убить («Цена чести»). Позже появились и баллады о матери незаконных детей, которая стремится от них избавиться.

Пораздо веселее сатирические баллады «Исправление жены» — о моднице в роли рабочей лошади — и «Недвига», где спесивая жена «заела» мужа. Супружеские измены осмеиваются в балладах «Терентий-гость» и «Сергей хорош»; в последней обманутый муж жалеет застигнутого врасплох любовника.

Среди исторических баллад, помимо историй женщин, угнанных в полон, выделяются поэтические произведения о поединках с врагом: «Козарин», «На Литовском рубеже», «Молодец и три татарина», «Иван Левшинов». Они напоминают пограничные баллады (border ballads) горной Шотландии о затяжных войнах с Англией. Многие исследователи считали их историческими песнями либо былинами, но Балашов утверждает, что поэтика в них именно балладная.

Основной конфликт в социально-бытовых балладах заключается в нарушении социального порядка, в выпадении из системы. Например, в цикле баллад о Горе герой все более фантастичными способами пытается сбежать от Гора (или, наоборот, сам его преследует), но оно «переды его идет, насмехается». В итоге из этих баллад родилась одна из самых заметных стихотворных повестей конца XVII века — «Повесть о Горе-Злочастии». Сравнение текстов позволяет понять, как на основе народных баллад рождались такие поэмы.

В балладах «Правеж», «Казна монастырская», «Усы», «Девуца — атаман разбойников» (уже не совсем баллада — рассказ там ведется от первого лица) и «Разбойничья лодка» прослеживается отечественная трактовка робингудовских традиций с оправданием справедливого разбоя.

В «аллегорических балладах» аллегория — уже не одно из выразительных средств, а самое главное, их суть. Наибольшее развитие они получили (либо лучше сохранились) на казачьем юге: «Гнездо орла», «Конь и сокол», «Сокол и вороны», «Царский сокол», «Сокол и лебедушка». Что характерно, соколов много и почти все они разные. Например, в «Коне и соколе» персонаж — корыстный и тщеславный...

Видоизменение и закат жанра

Угасание жанра старинной баллады в России началось в конце XVII — XVIII веке. Ей на смену пришли сначала лиро-эпические баллады, а затем — лирические песни. Балладная поэтика утрачивалась, яркие кульминации сменялись многословием.

К XIX веку границы жанра окончательно размываются, новых баллад в старинной поэтике создается мало, и в основном на окраинах страны. Баллады, особенно на юге России, трансформируются в лирические песни. На севере эпические традиции продержались дольше. Однако они уже не отражали новых конфликтов, а использовались как способ переложения литературных источников или старинных преданий. Прежняя жизнь в них теперь выглядела сказочной.

Однако в конце XIX века возникает жанр «новой» баллады, которая намного ближе к письменной поэзии с ее силлаботоникой, перекрестной рифмой и главами-четверостишиями. Зачастую это перепевки литературной первоосновы романтического извода (песни на основе произведений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Аксакова, Жуковского и т. д.). Адаптировались и перепевались западные народные баллады, особенно с распевками, близкими к романсам.

В это время романс не только сосуществовал с «новой» балладой, но и превалировал над ней по совершенству, значимости и числу сюжетов. «Новая» баллада, по мнению Балашова, была испорчена потаканием меццанским вкусам, примитивизмом и неумением пользоваться возможностями большой поэзии. А потому конфликты в ней заметно измельчали.

Один из последних всплесков «новой» баллады произошел под влиянием героических и трагических событий, прежде всего Гражданской и Великой Отечественной войн («Там вдали за рекой...», «Партизан Железняк» и др.). А дальше жанр начал угасать. Таковы итоги исследований Дмитрия Балашова об эволюции балладного жанра, подведенные в середине 1960-х годов. В целом с ним можно согласиться — с оговоркой, что всплески популярности «новых» баллад случались и позже (достаточно вспомнить рок-группу «Ария»).

Стоит отметить, что глубокое исследование русского фольклора — сказок, песен, былин и, конечно, баллад — заметно отразилось в художественном творчестве самого Балашова. Потому фольклорные мотивы столь ярко и гармонично вплетены в ткань его масштабных исторических романов.

Василий ШИРЯЕВ

ВОСЕМЬ УДАРОВ ТОПОРОВА

Виктор Леонидович* я видел только на фотке во «Взгляде», популярном в нулевые интернет-издании, — вылитый Саруман из «Властелина колец», перевод Гоблина, а теперь еще необходимо сослаться на «Помнишь, братка, давили эльфийскую мразь...» нацбешенного Михаила Елизарова.

Толкин написал, чтобы легитимизировать лингвистических франкенштейнов, Джексон снял кино, Гоблин перевел на человеческий язык, а Елизаров подытожил в песне. Так же возникали анекдоты о Чапаеве, у которого служил Гашек.

Великий эпос из анекдотов о самом себе «Двойное дно» возвращает слову «анекдот» прокопий-кесарийскую мощь (Прокопий Кесарийский — родоначальник субверсивного жанра «анекдот»).

Виктора Леонидовича со школы травила «питерская либеральная шваль»: «Моя тогдашняя литераторша — дама не без претензий — испытывала ко мне сложный комплекс “любви-ненависти”. За сочинения я получал у нее обычно контрастную оценку 1/5 — единицу за содержание и пятерку за грамотность. И вдруг однажды я получил единицу за то и за другое. “В чем дело, Инна Гавриловна, — поинтересовался я, — почему у меня единица за грамотность? Разве у меня есть ошибки?” — “Ошибок у тебя нет, — вздохнула она, — но я подумала: “О какой грамотности может идти речь при таком содержании?”»

Но В. Л. как писал в школе в тетрадку, так и продолжал писать потом — в газету или в журнал: «15 марта 1999 г. мне подбросили в почтовый ящик 3-метровую удавку». Не случайно В. Л. жил на улице Достоевского. Топор и Достоевский дают однозначные ассоциации: одна старушка — копейка, сто старушек — рубль с процентами.

Этой теме созвучен автобиографический труд Топорова «Двойное дно». Прекрасная книга, почему-то не выдвинутая ни на «Большую книгу», ни на «Нацбест». Но и на солнце есть пятна: на 112-й странице упоминается неизвестный публике поэт Пауль Пелан. Серийное производство «подпоручиков Кижже», когда мелкая ошибка приводит к крупным последствиям, давняя питерская традиция... Либо такой поэт действительно существует, и питерские товарищи выпустят его книжку в переводах Виктора Леонидовича. Либо Александр Александрович Кузьменков квалифицирует искажение имени Пауля Целана как отрицание холокоста.

В чем суть «восьми ударов Топорова»? Чему стоит поучиться у классика? Какие приемы подсмотреть у мастера?

1) Он смолodu научился ориентироваться не только в обычных словарных, но и в уголовных статьях. Из юристов всегда выходили хорошие литераторы: Вальтер Скотт, Камило Хосе Села, Габриэль Гарсиа Маркес. Витя еще в юности консультировал свою маму, помогал при написании статей «о защите чести и достоинства». Соответственно, понимал, чем разглашение отличается от клеветы, а то и другое — от диффамации.

---

* Виктор Леонидович Топоров (1946—2013) — советский и российский литературный критик, публицист и переводчик, филолог. Был ответственным секретарем премии «Национальный бестселлер», членом жюри Григорьевской поэтической премии, членом Союза писателей Санкт-Петербурга и творческого союза «Академия российской словесности».

В детстве В. Л. просек разницу высказываний констатирующих и перформативных и оставил документ: «Светлой памятью товарища Сталина клянусь никогда больше не ругаться матом». Но — для разрыва шаблона у Корчагина, Оборина и иже с ними — был В. Л. также и троцкистом, любимым учеником профессора Марии Лазаревны Тронской. «Настоящая фамилия профессорской четы была Троцкие — они “облагородили” ее в конце двадцатых».

3) Виктор Леонидович не случайно учит критиков изучать иностранные языки, ведь критика — это перевод с любого иного на нормальный человеческий язык. Все великие критики владели иными языками: литературный критик А. А. Кузьменков — позднесоветским, Топоров — немецким, старообрядец Аввакум Петров — церковнославянским.

Критика — тоже перевод. Возможно, даже более смелое надругательство над оригиналом и выворачивание всяческих «изнанок». При отсутствии «изнанок» — объявление о сем во всеуслышание. Недаром В. Л. аттестовал себя «пожилым андерсоновским мальчиком». Примеры «нового наряда короля»: термин «политические науки» появился в нашей стране, когда понадобилось переименовать «научный коммунизм», а начавшийся в перестроечные годы «культурный обмен» означал на деле подкуп, развращение и вербовку.

4) Вслед за тов. Лениным Виктор Леонидович особое внимание уделял шахматам. «Если я плохо играю эндшпиль, мне надо стремиться оканчивать дело матовой атакой в миттельшпиле. Я быстро соображаю, воспринимаю все несколько редуцированно и при всей неуклюжести и амузыкальности неплохо танцую, пока стою на ногах». Великий Магистр Топоров учит нас единству культурной поляны и умению миксовать и использовать в словесности паралитературные навыки. Шах, мат — и автор мертва.

Перед шахматной схваткой В. Л. гадал перебеганием дороги перед быстро идущим транспортом. Водителю следовало высунуться и обmaterить перебежчика на удачу. Переводы Виктора Леонидовича также похожи на перебегание улицы в неполюженном месте.

5) Отношения В. Л. с высшими силами были своеобразными. «Не оставляет ощущение, что я кем-то или чем-то ведом. Сны себе заказывать и то умею, а вот решения кто-то или что-то принимает за меня. “Судьбоносные” решения неизменно принимались в состоянии глубокого алкогольного опьянения».

6) Топоров неисправим. Глава Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов пытался урезонивать В. Л. словами, что критик должен быть для литераторов кем-то вроде дедушки Мазая. Не понимает Попов, что для дигитальной хипстерни в словосочетании «дед Мазай» слышатся не зайцы и мордовские лагеря, а «Dead Mustdie».

7) В детстве маленький Витя с одноклассницей ловил шпионов, притворяясь сборщиком металлолома. Виктор Топоров учит нас критической бдительности и готовности настигнуть автора в самых замысловатых местах его нахождения.

8) В. Л. был гением не только критики, но и самокритики, которой нас учил тов. Сталин. По его чистосердечному признанию, «справедливо считается, что хамство, бестактность и, несколько шире, неспособность корректно сформулировать пусть и верную мысль являются одним из самых пагубных моих недостатков». Я с детства запомнил из «Десяти негрятя» Говорухина: «Главная задача судьи — это покарать себя». Критик, который не способен написать критическую статью на свою собственную критическую статью, — не критик.

Так who is Mr. Топоров? Аутсайдер, изгой, маргинал? Пожилой андерсоновский мальчик? Или, как аттестовал себя В. Л., «профессия: мыслитель; квалификация: мудрец; способ заработка: гранение чужих слов»?

Мы никогда не узнаем.

АЛЕКСАНДР ПЕСОЦКИЙ: «МОЙ ИДЕАЛ — ЧЕЛОВЕК-ТВОРЕЦ»

Интервью с художником

Александр Филимонович Песоцкий — художник-живописец, член Союза художников России с 1993 года, педагог художественного образования с тридцатипятилетним стажем. Живет в городе Камне-на-Оби Алтайского края. В 2022 году отметил 75-летний юбилей.

Работает в жанрах пейзажа, портрета, тематической картины. Работы живописца украшают коллекции музеев Алтайского края, находятся в частных собраниях по всему миру.

Александр Песоцкий — постоянный участник персональных и групповых выставок. За уникальный вклад в художественную и культурную жизнь Алтайского края удостоен множества профессиональных и общественных наград, включая золотую медаль «Духовность, традиции, мастерство» ВТОО «Союз художников России».

Автор живописных работ, публикуемых в этом номере «Сибирских огней», рассказывает нашим читателям «о времени и о себе».

О творческом пути

Я не помню, мечтал ли с детства о судьбе художника, но рисовать начал в дошкольном возрасте. Просматривая через фильмоскоп рассказы на пленках, глядя одним глазом на проекцию, а другим на лист бумаги, я рисовал картинку. Говорили, что получалось здорово.

Мне это понравилось, и я продолжил рисовать в школе, в техникуме, в армии. Отслужив и поступив на художественно-графическое отделение педучилища, стал подумывать о профессии художника. Наши подвижники-преподаватели не только учили рисовать, но и давали понятия об изобразительном искусстве, творчестве, художниках. Благодаря им я понял, как художественно выразить свое видение мира.

Я окончил училище в двадцать пять лет, но посвятить свою жизнь живописи сразу не удалось. Появилась семья. Чтобы ее содержать, устроился работать художником-оформителем. Параллельно участвовал в выставках, но этого не хватало. Хотелось больше писать.

В сорокалетнем возрасте я перешел на работу в художественную школу, где отработал двадцать лет преподавателем, а затем директором школы до самой пенсии. Я рассказывал студентам об изобразительном искусстве, об известных художниках и много работал. С началом организации персональных выставок возникло ощущение, что появилась возможность всего себя отдать творчеству.

Большим подарком судьбы стала работа и учеба в 1990 и 1992 годах на Академической даче И. Е. Репина, первом в России Доме творчества живописцев. Она находится в красивейшем уголке Тверской области, на берегу озера Мстино. Сначала я растерялся. Испугался, что ничего не получится. Хотелось все бросить и уехать, но потом пересилил себя.

Огромный вклад в мою победу над собой внесли мои наставники, народные художники РСФСР Н. Н. Соломин, А. П. Бельх, Ю. П. Кугач и Н. Е. Тимков. Их участие и поддержка зародили во мне веру в необратимость избранного пути.

Мои добрые учителя Соломин, Белых и Кугач дали рекомендации к моему вступлению в Союз художников России, куда я был принят в 1993 году. Я поверил в себя, хотя понимал, сколько еще предстоит сделать и узнать. Художник учится всю жизнь.

Сюжеты для творчества

Прежде всего это работа, быт и отдых простых людей в их самых разных проявлениях. Вторая любимая тема — пейзаж. Мои самые впечатлительные годы, с семи до пятнадцати лет, я прожил в деревне, на природе. Эти воспоминания не отпускают меня и сейчас. Как можно не восторгаться красотой людей и природы! Казалось бы, видел это много раз, но постоянно находится что-то такое, от чего дух захватывает! Только научившись любить и ценить окружающее, можно написать хорошую картину.

Замыслов у меня до сих пор много, но я никогда не буду писать то, что не прочувствовал, не принял, не понял до конца.

Смысл творчества

Понять жизнь, рассказать о ней художественным языком и поделиться со зрителями. Художник имеет право на самовыражение, но несет большую ответственность, т. к. сотворенное им остается в истории. В живописце крайне важны профессионализм, образованность и гражданственность.

Работа и досуг

Помимо рисования, я ранее увлекался охотой, люблю рыбалку. Но мои увлечения не мешали работе. Наоборот, эти походы постоянно дополняли копилку моих наблюдений для творчества.

Публичность, критика и лесть

Я считаю себя человеком непубличным. Не люблю «тусоваться» на «мероприятиях». При встрече с малознакомыми людьми, которые обращаются ко мне как к художнику, отделяю искренний интерес от пустых разговоров. Критически воспринимаю зависть и лесть. Заслуженная похвала рождает оптимизм, зависть губит доброе, а лесть унижает. Конструктивную критику признаю и делаю выводы.

О вдохновении

Вдохновение непостоянно. У всех случаются и подъемы, и спады. Художник должен быть готов к тому, что не все пойдет легко. Когда работа не идет, значит, ты не до конца понял, чего хочешь достичь. Не додумал, не досмотрел, поторопился...

Что касается внешнего воздействия, то добро в любом проявлении меня вдохновляет, равнодушие и негативные эмоции — наоборот.

Творческий идеал

Мой идеал — человек-творец. Выделить кого-то персонально не могу. Очень люблю творчество художников-передвижников. Они — достойный пример профессионализма, патриотизма, тонкого понимания бытия, ответственности перед обществом.

Пожелания начинающим художникам

Учиться, учиться и учиться! Имейте свое мнение и не поддавайтесь чувству завышенной самооценки. Счастья вам!

АВТОРЫ НОМЕРА

Белозеров (Бондаренко) Андрей Борисович родился в 1975 г. в Абакане. Фотограф. Окончил заочное отделение Литературного института (факультет прозы). Публиковался в журналах «День и ночь», «Урал», «Волга» и др. Финалист и лауреат ряда литературных премий и конкурсов. Выпустил две книги повестей и рассказов. Член Союза писателей России. Живет в Абакане.

Бэд Кристиан — сетевой автор из Барнаула. Окончил Алтайский государственный университет. Работает журналистом. Автор ряда фантастических циклов, сборников рассказов. Публиковался в журналах «Барнаул литературный», «Мир фантастики», «Пересадочная станция» и др. Победитель ряда сетевых и книжных конкурсов.

Волочан Александра Ивановна родилась в 1987 г. в Киеве. Окончила Киевский национальный университет театра, кино и телевидения по специальности «режиссер художественного фильма». Работала на киностудии им. Довженко. Публиковалась в украинских изданиях. Проживает в Киеве.

Весюков Александр — прозаик, критик. Родился в 1982 г. в г. Щёкино Тульской области. Окончил Литературный институт им. Горького. Работал археологом, журналистом, администратором, литературным редактором и т. д. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «День и ночь» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор трех книг прозы. Живет в Москве.

Легеза Дмитрий Владимирович родился в 1966 г. в Ленинграде. Окончил медицинский институт, работал врачом. Печатался в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Сибирские огни» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат литературного конкурса им. Д. Хармса (2013). Стихи переводились на английский, польский, французский и др. языки. Член Союза российских писателей. Живет в Санкт-Петербурге.

Пэйт Элинор (Eleanor Pate) родилась в 1984 г. в п. Шушенское Красноярского края. Натуралист, фотограф, писатель. Работала в Саяно-Шушенском заповеднике, национальном парке «Шушенский бор». Член Союза журналистов России. Автор ряда публикаций, а также сборника стихов и сборника рассказов. Живет в штате Техас, США.

Рогова Анастасия — сценарист, драматург, писатель, критик и журналист. Окончила Литературный институт им. Горького и киношколу Александра Митты. Работала кино-

обозревателем в российских газетах. Публиковались в журналах: «День и ночь», «Вопросы литературы», «Юность» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор романа «Волчье солнце». Член Союза российских писателей. Живет в Мытищах.

Рудалев Андрей Геннадьевич родился в 1975 г. в Северодвинске. Окончил Поморский государственный университет по специальности «учитель русского языка и литературы». Литературный критик, публицист. Автор двух литературоведческих книг и множества публикаций в периодике. Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей России, а также Русского ПЕН-центра. Живет в Архангельске.

Сафонов Олег Александрович родился в 1974 г. в Кемеровской области, окончил естественно-географический факультет НГПИ (Новокузнецк) и юридический факультет НФИ КемГУ. Работал учителем, заместителем директора, директором детского дома и общеобразовательной школы. Публиковался в коллективных сборниках. Живет в Новокузнецке.

Сафронов Сергей Александрович (1955—2020) родился в Кемерове. Окончил факультете романо-германской филологии КемГУ. Профессиональный переводчик с английского, известный кемеровский музыкант.

Синицын Тихон Борисович родился в 1984 г. в Севастополе. Поэт, художник-график. Публиковался в журналах «Москва», «Октябрь», «Нева» и др. Автор трех книг стихотворений. Живет в Севастополе.

Федосеев Николай Григорьевич (1941—2021) родился в Курской области. После десятилетки работал пастухом, грузчиком, плотником, корреспондентом районной газеты на Алтае. Три года служил в армии. Окончил Барнаульский государственный педагогический институт. Более двадцати лет отдал военной журналистике — газетам «Советский воин» и «Красная звезда». Уволился в запас подполковником. Публиковался в альманахе (сейчас — журнале) «Алтай», в журнале «Сибирские огни». Автор трех книг: прозы, очерков и стихов. Жил в Новосибирске.

Ширяев Василий Михайлович родился в 1978 г. на Камчатке. Литературный критик-истолкователь. Участник форумов молодых писателей «Липки» 2008—2013 гг. Лауреат литературных премий им. Демьяна Бедного, журнала «Урал» и «Неистовый Виссарион». Автор читательского дневника «Колодцы». Живет в п. Вулканном Камчатского края.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 17.10.2022. Дата выхода № 11 за 2022 г. в свет 18.11.2022.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.